Престон Дуглас, Чайлд Линкольн

Город вечной ночи

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей жене Лючии

Дуглас Престон посвящает эту книгу Майклу Гэмблу и Шери Кусман

1

Джейкоб быстро шел впереди младшего брата, засунув руки в карманы и выдыхая облачка пара в морозный декабрьский воздух. Его брат Райан нес картонку с яйцами, купленную ими в ближайшем гастрономе на деньги, которые Джейкоб стащил из материнского кошелька.

– Во-первых, старик – полный придурок, – говорил Джейкоб брату. – Во-вторых, он расистский придурок. Помнишь, как он орал на Нгуэнов и называл их «косоглазые»?

– Да, но…

– В-третьих, он в «Си-Тауне»[1] влез без очереди прямо передо мной и обругал меня, когда я сказал, что это несправедливо. Ты ведь это помнишь?

– Конечно помню. Но…

– В-четвертых, он размещает у себя во дворе всякие глупые политические знаки. А помнишь, как он облил Фостера из садового шланга только за то, что парень срезал путь по его двору?

– Да, но…

– Что «но»? – Джейкоб стремительно повернулся к брату.

– Что, если у него есть пистолет?

– Да не станет он стрелять в двух малолеток! И потом, мы будем уже далеко, когда этот кретин прочухает, что случилось.

– А вдруг он из мафии?

– Из мафии? С фамилией Баскомб? Ага, щас! Вот будь он Гаргульо или Тарталья, мы бы сто раз подумали. Но он всего лишь старый пердун, которого нужно проучить. – Джейкоб бросил на Райана подозрительный взгляд. – Ты что, струсил?

– Нет, что ты.

– Ну тогда ладно. Пошли!

Он двинулся дальше по Восемьдесят четвертой авеню, потом свернул на Сто двадцать вторую улицу. Там он притормозил и пошел по тротуару неторопливым шагом, словно прогуливаясь. На улице стояли главным образом дома на одну и на две семьи – типичные для Куинса жилые дома, украшенные рождественскими огнями.

Джейкоб еще больше замедлил шаг.

– Взгляни на дом этого старого козла, – сказал он брату. – Мрачный, как склеп. Единственный дом, где не горит свет. Этот тип настоящий Гринч!

Дом располагался в дальнем конце улицы. Уличные фонари светили сквозь голые ветви деревьев, отбрасывая на замерзшую землю переплетение теней.

– Значит так, идем, будто ничего не происходит. Ты открываешь коробку, мы забрасываем яйцами его машину, потом бежим за угол и просто продолжаем идти.

– Он нас узнает.

– Ты шутишь? Вечером? К тому же его ненавидят все ребята в районе. И большинство взрослых тоже. Его все ненавидят.

– А если он погонится за нами?

– Этот старикашка? Да у него инфаркт случится через семь секунд. – Джейкоб ухмыльнулся. – Когда эти яйца разобьются на машине, они сразу застынут. Ему придется раз десять ее мыть, ей-богу, иначе не отойдет.

Джейкоб осторожно приблизился к дому по тротуару. В венецианском окне двухэтажного дома виднелось голубоватое сияние: Баскомб смотрел телевизор.

– Машина едет! – прошептал Джейкоб.

Мальчишки спрятались за кустами. Из-за угла вывернул автомобиль и помчался по улице, освещая фарами все вокруг. Когда он проехал, Джейкоб почувствовал, как у него колотится сердце.

Райан заговорил:

– Может, не стоит…

– Заткнись.

Джейкоб вышел из-за кустов. На улице было светлее, чем ему хотелось бы: светили не только уличные фонари, но и рождественские украшения

– многочисленные Санта-Клаусы, олени, рождественские вертепы на лужайках перед домами. Хорошо хоть на участке Баскомба было чуть потемнее.

Теперь они пошли очень медленно, держась в тени припаркованных на улице автомобилей. Машина Баскомба, зеленый «плимут-фьюри», которую он надраивал каждое воскресенье, стояла на подъездной дорожке как можно дальше от улицы. Продвигаясь вперед, Джейкоб видел в окне неясную фигуру старика: тот сидел в «ушастом» кресле и смотрел какую-то передачу по телевизору с гигантским экраном.

– Стой. Он там. Натяни шапку на лоб. Надень капюшон. И подними шарф повыше.

Они поправили на себе одежду и стали ждать в темноте между машиной и большим кустом. Секунды шли одна за другой.

– Мне холодно, – пожаловался Райан.

– Заткнись.

Они продолжали ждать. Джейкоб не хотел приступать к задуманному, пока старик сидит в кресле: ему достаточно было встать и повернуться, чтобы их увидеть. Они просто должны дождаться, когда он уйдет куда-нибудь.

– Мы так всю ночь простоим.

– Я сказал, заткнись!

И тут старикашка встал. Его бородатое лицо и тощая фигура осветились голубоватым светом, когда он прошел мимо телевизора в кухню.

– Идем!

Джейкоб побежал к машине, Райан – за ним.

– Открывай эту фигню!

Райан открыл коробку, и Джейкоб взял одно яйцо. Райан тоже взял одно, но заколебался. Брошенное Джейкобом яйцо с приятным звуком шлепнулось на лобовое стекло, за ним последовало еще одно и еще. Наконец и Райан бросил свое яйцо. Шесть, семь, восемь – они перекидали всю коробку на лобовое стекло, на капот, на крышу, на дверцы, уронив в спешке пару штук.

– Какого черта! – раздался рев, и из боковой двери выскочил Баскомб и, размахивая бейсбольной битой, помчался к мальчишкам.

У Джейкоба чуть сердце не выпрыгнуло из груди.

– Беги! – закричал он.

Райан, выронив из рук коробку, повернулся, но тут же поскользнулся и упал на лед.

– Черт!

Джейкоб ухватил Райана за пальто и рывком поднял его на ноги, но из-за этой задержки Баскомб почти нагнал их.

Мальчишки во весь дух помчались по подъездной дорожке на улицу. Баскомб бежал следом и, к удивлению Джейкоба, не торопился падать на землю, сраженный инфарктом. Он оказался неожиданно быстрым и, похоже, даже догонял их. Райан начал хныкать.

– Ах вы, чертова мелкота, сейчас я вам бошки-то размозжу! – кричал Баскомб у них за спиной.

Джейкоб свернул за угол на Хиллсайд, миновал два закрытых магазина и бейсбольную площадку. Райан бежал следом. Старый ублюдок продолжал преследовать их, выкрикивая угрозы и держа биту наготове в поднятой руке. Наконец он все-таки запыхался и чуть поотстал. Они еще раз свернули за угол. На этой улице стоял старый, давно закрытый автосалон, обнесенный сеточным забором: на его месте будущей весной собирались построить дом. Некоторое время назад кто-то из ребят прорезал в сетке отверстие. Джейкоб подбежал к отверстию и пролез внутрь, Райан не отставал. Но Баскомб почти наступал им на пятки, продолжая изрыгать проклятия.

За зданием автосалона находилась промышленная зона с несколькими обветшалыми зданиями. Джейкоб заметил поблизости гараж с облезшей деревянной дверью и разбитым окном сбоку от нее. Баскомб теперь был вне поля зрения. Возможно, он сдался у забора, но Джейкоба не отпускало ощущение, что старый пердун все еще преследует их. Нужно было найти место, чтобы спрятаться.

Он попробовал дверь гаража. Заперта. Он с опаской просунул руку в разбитое окно, нащупал ручку, повернул изнутри, и дверь раскрылась.

Джейкоб вошел первым, впустил Райана, затем осторожно и тихо закрыл дверь и повернул задвижку.

Они стояли в темноте, тяжело дыша и стараясь не производить шума. Джейкоб чувствовал, что его легкие вот-вот взорвутся.

– Проклятая мелюзга! – услышали они вдалеке визг Баскомба. – Я вам яйца поотрываю!

В гараже было темно и вроде бы пусто, если не считать битого стекла на полу. Джейкоб осторожно пошел вперед, держа Райана за руку. Им

нужно было спрятаться где-нибудь на тот случай, если старик Баскомб надумает искать их здесь. Этот сумасшедший старый идиот, похоже, и в самом деле собирался размозжить им головы битой. Когда глаза Джейкоба привыкли к темноте, он увидел на полу в задней части гаража большую кучу листьев.

Он потянул туда Райана, нырнул в листья и разлегся на мягкой поверхности, руками набросав листья на себя и на брата.

Прошла минута. Еще одна. Крики Баскомба смолкли, все было тихо. Постепенно дыхание и уверенность Джейкоба восстановились. Прошло еще несколько минут, и он начал похихикивать:

– Слюнявый старый кретин, здорово мы его!

Райан ничего не сказал.

– Ты его видел? Он типа бросился за нами прямо в пижаме. Хоть бы у него пипка замерзла и отвалилась.

– Как думаешь, он видел наши лица? – спросил Райан дрожащим голосом.

– В шапках, шарфах, капюшонах? Ерунда. – Джейкоб снова гоготнул. – Эти яйца наверняка уже замерзли и стали как камень.

Наконец и Райан позволил себе слабый смешок.

– «Проклятая мелюзга! Я вам яйца поотрываю!» – передразнил он старика, подражая его высокому, свистящему голосу и сильному акценту жителя Куинса.

Они оба рассмеялись и стали подниматься с листьев, отбрасывая их в стороны. И тут Джейкоб громко втянул носом воздух:

– Ты пернул!

– А вот и нет!

– А вот и да!

– А вот и нет! Кто сказал, тот и навонял!

Джейкоб помолчал, продолжая принюхиваться:

– Что же это тогда?

– Это не пердеж. Это… это что-то хуже.

– Ты прав. Это типа… не знаю, гнилая капуста или еще что.

Почувствовав отвращение, Джейкоб сделал шаг назад и споткнулся обо что-то. Он оперся на вытянутую руку, чтобы не упасть, и куча листьев, в которой он только что прятался, произвела тихий звук и испустила жуткую вонь, в сто раз более отвратительную, чем раньше. Джейкоб отдернул ладонь и отпрянул, услышав голос Райана:

– Смотри-ка, тут *рука*…

2

Лейтенант Винсент д'Агоста, начальник следственного отдела, стоял в потоке света перед гаражом на Кью-Гарденс в Куинсе и наблюдал за работой группы криминалистов. Он был зол из-за того, что его вызвали так поздно вечером перед его выходным. Сообщение о теле поступило в 23:38, еще двадцать две минуты – и вызов достался бы лейтенанту Паркхерсту.

Д'Агоста вздохнул. Дело обещало быть поганым: нашли молодую женщину, обезглавленную. Он представил себе заголовки в таблоидах, что-нибудь вроде «Безголовое тело в нудистском баре»[2] – самый знаменитый заголовок в истории «Нью-Йорк пост».

Из яркого света, засовывая в сумку айпад, появился Джонни Карузо, глава бригады криминалистов.

– Что у тебя есть? – спросил д'Агоста.

– Эти треклятые листья… Понимаешь, пытаться искать волосы, волокна, отпечатки, да что угодно в таком месиве – все равно что искать иголку в стоге сена.

– Думаешь, преступник это предусмотрел?

– Не-а. Разве что он сам работал криминалистом и собирал улики. Это просто совпадение.

– И головы нигде нет?

– Нет. Обезглавливание тоже происходило не здесь – крови нет.

– Причина смерти?

– Единственный выстрел в сердце. Пуля крупнокалиберная, высокоскоростная, прошила ее насквозь. Может, в ране какие-то фрагменты и остались, но пули нет. Да и убили жертву не здесь. С учетом холода и всего прочего, по моей оценке, ее выкинули здесь три, может, четыре дня назад.

– Изнасилование?

– Очевидных признаков пока не видно, но тут нужно дождаться отчета судмедэксперта, ты же знаешь, всякие там…

– Хорошо, – быстро сказал д’Агоста. – Какие-нибудь документы, бумаги?

– Ничего. Никаких документов, карманы пустые. Женщина белой расы, рост около пяти футов шести дюймов, трудно сказать точнее; возраст – лет двадцать с небольшим, тело подтянутое, в хорошей физической форме. Джинсы от «Дольче и Габбана». А эти безумные кроссовки на ней? Ты посмотри в Сети. От Лабутена. Почти тысяча баксов.

Д’Агоста присвистнул:

– Кроссовки за тысячу? Ни фига себе.

– Да уж. Богатая белая девочка. Безголовая. Ты ведь понимаешь, что это означает, лейтенант?

Д’Агоста кивнул. Медиа могли появиться в любую минуту – и вот пожалуйста, они уже тут как тут, словно он вызвал их колдовством: автобус «Фокс-5», за ним еще один, потом такси, и не с кем-нибудь, а со старым добрым Брайсом Гарриманом, репортером из «Пост», который вышел из машины, словно сам мистер Пулитцер.

– О господи…

Д’Агоста зашептал в рацию, вызывая представителя по связям с общественностью, но оказалось, что Чанг уже там, на полицейских баррикадах, толкает свои обычные гладкие речи.

Карузо проигнорировал звучавший все громче хор за баррикадами:

– Мы работаем над идентификацией личности, просматриваем базы данных по пропавшим, проверяем отпечатки, все на полную катушку.

– Сомневаюсь, что вы найдете ее в базе.

– С такими девицами никогда заранее не знаешь: кокаин, метамфетамины. Она вполне может оказаться элитной проституткой – все возможно.

Д’Агоста снова кивнул. Его недовольство начало испаряться. Дело обещало быть громким. Это имело свои плюсы и минусы, но д’Агоста никогда не уклонялся от трудностей, и он нутром чувствовал, что дело будет выигрышным. Если что-то столь ужасное можно назвать выигрышным делом. Обезглавливание означает, что преступник – больной извращенец, поймать его не составит труда. А если жертва – дочь какого-то богатого семейства, это означает приоритет в лабораторных исследованиях, что позволит д’Агосте обходить все те

дермовенькие дела, которые стоят в очереди в лабораторию криминалистики нью-йоркской полиции.

Члены команды по сбору улик, все одетые как хирурги, продолжали работу, присаживались там и сям, поднимались и шаркали по полу, словно крупные обезьяны, перебирали листья один за другим, осматривали бетонный пол гаража, изучали дверную ручку и окна, снимали отпечатки с битого стекла на полу – все как полагается. Выглядели они хорошо, а Карузо был лучшим из них. Они тоже чувствовали, что дело будет шумное. После недавних скандалов с лабораторией они проявляли повышенное внимание. А двух пареньков, нашедших тело, допросили прямо на месте, прежде чем отпустить к родителям. В этом деле не должно быть никаких недоработок.

– Не сбавляй обороты, – сказал д'Агоста, похлопав Карузо по плечу, и отошел в сторону.

Холод проникал под одежду, и д'Агоста решил прогуляться быстрым шагом вокруг сеточного забора, окружающего двор, чтобы убедиться, что они не пропустили ни одного возможного места проникновения. Когда он вышел из освещенной зоны, света все еще хватало, чтобы видеть, но он все равно включил фонарик и пошел, прощупывая лучом пространство справа и слева. Он обогнул здание в задней части двора, прошел мимо кучки пикапов и увидел сидящую на корточках фигуру с внутренней стороны ограждения – *с внутренней*. Это был не коп и не кто-то другой из его команды; человек был облачен в необыкновенно пухлую куртку с чересчур большим для его головы капюшоном, который выпирал как горизонтальная часть дымохода.

– Эй, вы! – Д'Агоста поспешил к фигуре, положив одну руку на рукоять пистолета, а другой рукой направляя луч фонарика. – Это полиция! Встаньте, держа руки на виду!

Человек встал с поднятыми руками и повернулся к лейтенанту. Лицо его было полностью скрыто в тени отороченного мехом капюшона, так что д'Агоста видел только сверкающие глаза.

Испуганный, он вытащил пистолет:

– Какого черта вы здесь делаете? Вы что, не видели полицейской ленты? Назовитесь!

– Дорогой Винсент, вы можете убрать свой пистолет.

Д'Агоста сразу узнал голос. Он опустил пистолет и спрятал его в кобуру.

– Господи, Пендергаст, что вы здесь делаете? Вы ведь знаете, что обязаны предъявлять удостоверение, прежде чем начинать что-то вынюхивать.

– Если уж я должен быть здесь, то зачем отказываться от театрального появления? И как же мне повезло, что на меня наткнулись именно вы.

– Да, верно, вы везунчик. Я мог бы засадить пробку в вашу задницу.

– Как это было бы ужасно: пробка в заднице. Вы продолжаете меня удивлять своими сочными выражениями.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом д’Агоста стащил перчатку и протянул руку. Пендергаст стянул свою собственную черную кожаную перчатку, и они обменялись крепким рукопожатием, Рука Пендергаста была холодна, как мрамор, но он все же откинул капюшон и открыл свое бледное лицо, светлые волосы, зачесанные назад, и серебристые глаза, неестественно яркие в сумеречном свете.

– Вы сказали, что должны быть здесь? – уточнил д’Агоста. – Вы на задании?

– Да, за мои грехи. Боюсь, что мое положение в Бюро в настоящий момент сильно пошатнулось. Как вы любите говорить, я по уши в дерьме.

– По уши? Или уже с головой?

– Вот именно. С головой. И без весла.

Д’Агоста покачал головой:

– А почему федералы заинтересовались этим делом?

– Мой начальник, исполнительный заместитель директора Лонгстрит, предполагает, что тело, возможно, было доставлено сюда из Нью-Джерси. Пересечение границы штата. Он считает, что тут может быть замешана организованная преступность.

– Организованная преступность? Да мы еще вещдоки не все собрали. Нью-Джерси? Что за чушь?

– Да, Винсент, боюсь, что все это фантазии. И с единственной целью – преподать мне урок. Но теперь я чувствую себя как Братец Кролик, которого бросили в терновый куст, потому что я нашел здесь вас в роли главного. Как при нашей первой встрече в Музее естественной истории.

Д’Агоста хмыкнул. С одной стороны, он был рад видеть Пендергаста, а с другой – его не радовало участие ФБР. К тому же, вопреки нехарактерной для него болтливости, казавшейся вымученной, Пендергаст выглядел неважно, очень неважно. Он был тощий, настоящий скелет, с осунувшимся лицом и темными кругами под глазами.

– Я понимаю, что вы не приветствуете такое развитие событий, – сказал Пендергаст. – Постараюсь не путаться у вас под ногами.

– Для меня это не проблема, все дело в отношениях между нью-йоркской полицией и ФБР. Давайте я покажу вам место преступления и познакомлю с ребятами. Вы хотите сами осмотреть тело?

– Когда криминалисты закончат, я буду рад.

«Рад». Радости в его голосе не было. А еще меньше радости он испытает, когда увидит тело убитой три дня назад и обезглавленной женщины.

– Вход и выход? – спросил Пендергаст на пути к гаражу.

– С этим вроде бы все ясно. У убийцы имелись ключи от замка на задних воротах, он заехал, выгрузил тело и уехал.

Они подошли к площадке перед открытыми воротами гаража, где ярко горел свет. Криминалисты уже заканчивали работу, собирали свои вещи.

– Откуда здесь листья? – без особого интереса спросил Пендергаст.

– Мы думаем, тело перевозили в кузове грузовичка под грудой листьев, привязав его и накрыв куском брезента. Брезент оставили в углу, листья и тело выгрузили у задней стены. Мы допрашиваем соседей, пытаемся выяснить, не видел ли кто-нибудь грузовичок или легковушку. Пока безрезультатно. В районе круглосуточно напряженный трафик.

Д’Агоста представил специального агента Пендергаста своим детективам и Карузо – никто из них даже не попытался скрыть свое неудовольствие вмешательством ФБР в дело. Не способствовала успеху и внешность Пендергаста, который выглядел так, будто только-только вернулся из антарктической экспедиции.

– Ладно, заканчиваем, – сказал Карузо, не глядя на Пендергаста.

Д’Агоста вошел следом за Пендергастом в гараж, и оба направились к телу. Листья были раскиданы в стороны, и тело теперь лежало на спине, демонстрируя выходную рану между ключицами, явно причиненную высокоскоростной экспансивной пулей. Пуля разорвала сердце, смерть наступила мгновенно. Даже д’Агоста, много лет расследовавший убийства, не привык к подобным зрелищам настолько, чтобы воспринимать это спокойно, – да и как можно спокойно воспринимать смерть такого молодого существа?

Лейтенант отступил назад, позволяя Пендергасту заняться делом, но, к его удивлению, агент не стал затевать свою обычную канитель с

пробирками, пинцетами и лупами, которые появлялись словно из ниоткуда и требовали длительной возни с ними. Вместо этого Пендергаст просто обошел вокруг тела, почти равнодушно, разглядывая его с разных ракурсов и покачивая своей длинной светловолосой головой. Он обошел тело два раза, потом три. На четвертый он даже не стал скрывать выражения скуки на лице.

Наконец он подошел к д'Агосте.

– Нашли что-нибудь? – спросил д'Агоста.

– Винсент, вот уж воистину наказание мне. Если не считать самого обезглавливания, я не нахожу в этом убийстве ничего, что делало бы его хоть капельку интересным.

Они стояли бок о бок, глядя на труп. И тут д'Агоста услышал тихий вздох. Неожиданно Пендергаст опустился на колени, лупа все-таки возникла в его руке, и он принялся исследовать бетонный пол футах в двух от тела.

– Что там?

Специальный агент не ответил, изучая грязное пятно на цементе с таким усердием, как если бы это была улыбка Моны Лизы. Потом он перешел к самому телу и достал пинцет. Склонившись над перерезанной шеей так низко, что его лицо оказалось менее чем в дюйме от раны, он принялся манипулировать пинцетом под лупой, погрузил его концы в тело – д'Агоста чуть не отвернулся – и вытащил что-то, что выглядело как резиновая лента, но явно было крупной веной. Пендергаст отрезал от нее короткий кусочек и сунул его в пробирку, покопался еще, вытащил другую вену и тоже уложил часть ее в пробирку. Несколько минут он провел за исследованием обширной раны, постоянно прибегая к помощи пинцета и пробирок.

Наконец он выпрямился. Скучающее, отсутствующее выражение почти исчезло с его лица.

– И что?

– Винсент, похоже, у нас появилась серьезная проблема.

– Какая именно?

– Голову отделили от тела прямо здесь. – Пендергаст показал на пол. – Видите эту крохотную щербинку на полу?

– Тут на полу множество щербинок.

– Да, но в этой имеется маленький фрагмент ткани. Наш убийца предпринял немалые усилия, чтобы отделить голову, не оставив следов,

однако подобная работа довольно трудна, и в какой-то момент он сделал неверное движение, результатом чего стала эта крохотная щербинка.

– Но где же тогда кровь? Ведь если голову отделили от тела прямо здесь, то должно было остаться хоть сколько-то крови.

– Вот! Кровь отсутствует, потому что голову отделили от тела спустя много часов, а то и дней после того, как жертву застрелили. Ее кровь вытекла где-то в другом месте. Взгляните на рану!

– После того?.. И сколько прошло времени?

– Судя по сокращению шейных вен, я бы сказал, что не менее двадцати четырех часов.

– Вы хотите сказать, что убийца вернулся и отрезал ей голову *через двадцать четыре часа*?

– Вполне вероятно. Или же мы имеем дело с двумя людьми, возможно связанными друг с другом.

– То есть преступников было *двое*?

– Первый – тот, кто убил ее и привез сюда, а второй – тот, кто ее нашел и отрезал ей голову.

3

Лейтенант д’Агоста остановился у двери особняка на Риверсайд-драйв, 891. В отличие от соседних зданий, весело разукрашенных рождественскими гирляндами, особняк Пендергаста, хотя и пребывавший в прекрасном состоянии для своего возраста, выглядел мрачным и заброшенным. Слабое зимнее солнце с трудом продиралось сквозь тонкую завесу туч, проливая водянистый утренний свет на реку Гудзон, несущую свои воды за ширмой деревьев на Вест-Сайд-хайвее. Настал еще один холодный, гнетущий зимний день.

Глубоко вздохнув, лейтенант поднялся на крыльцо и постучал. Дверь с поразительной быстротой открыл Проктор, таинственный шофер Пендергаста и его помощник во всех делах. Д’Агосту немного удивило, насколько изменился Проктор со времени их последней встречи: обычно выглядевший крепким и даже крупным, он сильно похудел. Однако лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным, а его одежда – рубашка от «Лакост» и темные свободные брюки – характерно небрежной для человека, предположительно находящегося на службе.

– Приветствую, мм, мистер Проктор. – Д’Агоста никогда не знал, как обращаться к этому человеку. – Я могу увидеть агента Пендергаста?

– Он в библиотеке, прошу за мной.

Но его не было в библиотеке. Агент неожиданно появился в столовой, облаченный в свой обычный безукоризненный черный костюм.

– Винсент, добро пожаловать. – Они обменялись рукопожатием. – Кладите пальто на стул.

Проктор, притом что именно он обычно открывал входную дверь, никогда не предлагал снять пальто. Д'Агоста всегда подспудно чувствовал, что этот человек больше чем просто слуга и шофер, но ему так и не удалось понять, чем занимается Проктор и что связывает его с Пендергастом.

Винсент снял пальто и уже собирался перебросить его через руку, когда Проктор, к его удивлению, взял пальто и унес. Они прошли через столовую в зал приемов, и глаза д'Агосты невольно остановились на пустом мраморном пьедестале, на котором прежде стояла ваза.

– Кстати, я должен вам объяснить, – сказал Пендергаст, показывая на пустой пьедестал. – Я очень сожалею, что Констанс ударила вас вазой эпохи Мин.

– И я тоже, – кивнул д'Агоста.

– Примите мои извинения за то, что не объяснился с вами раньше. Констанс поступила так, чтобы спасти вам жизнь.

– Хорошо. Ладно. – Это объяснение имело мало смысла. Как и многое другое, связанное с той безумной чередой событий. Д'Агоста огляделся. – А где она?

На лице Пендергаста появилось суровое выражение.

– Уехала.

Его ледяной тон исключал дальнейшие расспросы.

Воцарилось неловкое молчание, но потом Пендергаст смягчился:

– Пройдемте в библиотеку. Расскажете мне, что вам удалось узнать.

Д'Агоста последовал за ним по залу приемов в теплую, превосходно обставленную комнату с огнем в камине, темно-зелеными стенами, дубовыми панелями и бесконечными шкафами со старинными книгами. Пендергаст указал на «ушастое» кресло по одну сторону камина, сам сел напротив:

– Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить? У меня тут зеленый чай.

– Э-э, кофе был бы кстати, если у вас есть. Обычный, две ложки сахара.

Проктор, маячивший у входа в библиотеку, исчез. Пендергаст откинулся на спинку кресла:

– Насколько я понял, вы идентифицировали тело.

Д’Агоста поерзал в кресле:

– Да.

– И?..

– К моему удивлению, мы нашли ее по отпечаткам пальцев. Они всплыли почти сразу же – наверное, потому, что у нее снимали отпечатки, когда она подала заявку на включение в систему «Глобальный въезд» – ну, вы знаете, Программа надежного путешественника[3]. Ее имя – Грейс Озмиан, двадцати трех лет, дочка Антона Озмиана, миллиардера, разбогатевшего на высоких технологиях.

– Знакомое имя.

– Он был соавтором технологии трансляции музыки и видео по Интернету. Основатель компании «ДиджиФлад». Нищенское детство, но быстрый взлет. Теперь он богат как Крез. Каждый раз, когда его стриминговая программа загружается на чей-нибудь компьютер, его компания получает часть денег.

– И вы говорите, что убитая – его дочь.

– Верно. Он ливанец второго поколения, учился на полученный грант в Массачусетском технологическом. Грейс родилась в Бостоне, ее мать погибла в авиакатастрофе, когда дочери было пять лет. Она выросла в Верхнем Ист-Сайде, посещала частные школы, училась плохо, никогда не работала, вела роскошный образ жизни на деньги папочки. Несколько лет назад уехала жить на Ибицу, потом переселилась на Майорку, но около года назад вернулась в Нью-Йорк и стала жить с отцом в Тайм-Уорнер-центре. У него там квартира на восемь спален, вернее, две квартиры, соединенные в одну. Отец сообщил о пропаже дочери четыре дня назад. Устроил жуткий скандал в полиции и, вероятно, занят тем же и в ФБР. У него связи повсюду, и он поднял всех на уши, пытаясь найти дочь.

– Несомненно. – Пендергаст поднес к губам чашку и сделал глоток. – Наркотиками она не баловалась?

– Не исключено. Теперь столько народу на игле – что бедные, что богатые. Нигде это не зафиксировано, но ее несколько раз подбирали в состоянии опьянения, последний раз полгода назад. Анализ показал присутствие кокаина в крови. Обвинений не предъявлялось. Мы составляем список всех, с кем она имела дело, – вокруг нее была

немалая толпа прихлебателей. В основном бездельники, детишки богатых родителей из Верхнего Ист-Сайда и всякий европейский мусор. Как только известим отца, начнем обрабатывать ее дружков. Вы, конечно, будете получать всю информацию.

Проктор принес чашку кофе.

– Вы хотите сказать, отец еще не знает? – спросил Пендергаст.

– Ну да… ее идентифицировали всего час назад. И я у вас отчасти поэтому.

Пендергаст вскинул брови, и на его лице появилось недовольное выражение.

– Надеюсь, вы не станете просить меня нанести ему визит соболезнования.

– Это не визит соболезнования. Вы ведь делали такое прежде, верно? Это часть расследования.

– Принести миллиардеру Озмиану новость об убийстве и обезглавливании его дочери? Нет уж, спасибо.

– Слушайте, это не просьба. Вы не можете отказаться. Вы – ФБР. Мы должны показать ему, что мы серьезно занимаемся расследованием, как и Бюро. Если вас там не будет, поверьте мне, ваш начальник обязательно об этом узнает. Вам это нужно?

– Я могу вынести неудовольствие Говарда Лонгстрита. Я не в настроении покидать сейчас мою библиотеку и отправляться куда-то с миссией скорби.

– Вам нужно увидеть его реакцию.

– Вы думаете, он подозреваемый?

– Нет, но, возможно, убийство связано с его деловыми контактами. Я хочу сказать, что этот тип считается мерзавцем мирового уровня. Он уничтожил немало карьер, захватил кучу компаний враждебным поглощением. Может, он разозлил не тех людей и они, чтобы отомстить, убили его дочь.

– Мой дорогой Винсент, подобные вещи не самая сильная моя сторона.

Д'Агоста начал злиться. Лицо у него раскраснелось. Обычно он уступал Пендергасту, но на сей раз специальный агент был категорически не прав. Он всегда славился своим умением правильно оценивать ситуацию – что с ним теперь такое, черт побери?

– Послушайте, Пендергаст. Если не для дела, то для меня. Я прошу вас как друг. Пожалуйста. Я не могу пойти к нему один, просто не могу.

Он почувствовал на себе пристальный взгляд серебристых глаз Пендергаста. Наконец агент поднял чашку, осушил ее и со вздохом поставил на блюдце:

– Трудно сказать «нет», когда к тебе взывают с такой мольбой.

– Хорошо. Отлично. – Д'Агоста встал, так и не прикоснувшись к кофе. – Но мы должны поспешить. Этот долбаный репортер Брайс Гарриман вынюхивает все, как пес. Новость может разойтись в любую минуту. Мы не можем допустить, чтобы Озмиан узнал о смерти дочери из заголовка в таблоиде.

– Прекрасно.

Пендергаст повернулся, и в дверях библиотеки, как по волшебству, снова появился Проктор.

– Проктор, – сказал Пендергаст, – будьте добры машину к дверям.

4

Винтажный «роллс-ройс-сильвер-рейт» с Проктором за рулем, столь неуместный в тесном, запруженном пешеходами лабиринте Нижнего Манхэттена, протиснулся сквозь затор на Вест-стрит и подъехал к штаб-квартире «ДиджиФлад» в середине Кремниевой аллеи. Территория «ДиджиФлад» с двумя большими зданиями занимала целый квартал между Вест, Норт-Мур и Гринвич. В одном из зданий, построенном еще в девятнадцатом веке, прежде размещалось крупное полиграфическое предприятие; второе здание было новеньким пятидесятиэтажным небоскребом. Д'Агоста подумал, что из обоих открывается великолепный вид на Гудзон, а с другой стороны – на небесную линию Нижнего Манхэттена.

Д'Агоста предварительно позвонил в компанию и предупредил, что они едут на встречу с мистером Озмианом и у них есть информация о его дочери. И когда они въехали в подземный парковочный гараж под башней «ДиджиФлад», парковщик, поговорив с Проктором, указал на место возле бокса с надписью «ОЗМИАН 1». Они еще не успели выйти из машины, как появился человек в темно-сером костюме.

– Джентльмены, – обратился он к ним без всяких рукопожатий, чисто по-деловому, – можно попросить вас показать ваши удостоверения?

Пендергаст достал из кармана бумажник, раскрыл его и предъявил жетон ФБР, то же самое проделал со своим удостоверением д'Агоста.

– Мой водитель останется в машине, – сказал Пендергаст.

– Превосходно. Сюда, джентльмены.

Если этот человек и удивился, увидев полицейского и агента ФБР в «роллсе», то никак не показал своего удивления.

Они последовали за ним в расположенный рядом отдельный лифт, двери которого их сопровождающий открыл своим ключом. Выдохнув сжатый воздух, кабина резко набрала скорость и через минуту достигла верхнего этажа. Двери с шуршанием открылись, и посетители шагнули в помещение, явно предназначенное для высшего руководства. Д'Агоста сразу обратил внимание, что главную роль в дизайне играет матовое стекло, шлифованный черный гранит и полированный титан. В этом пространстве с его пустотой было что-то от традиции дзен. Сопровождающий шел быстрым шагом, они следовали за ним по просторной зоне ожидания, изогнутой, как мостик космического корабля, пока не подошли к двойным березовым дверям в середине стены, которые бесшумно открылись при их приближении. За дверьми находилось несколько внешних офисов, заполненных мужчинами и женщинами, одетыми в то, что д'Агоста принял за повседневный шик Кремниевой долины: черные футболки и льняные пиджаки, джинсы в обтяжку и эти испанские туфли, ставшие последним писком моды, – как там они называются? Пиколинос.

Наконец они добрались до логова самого предпринимателя: перед ними оказались еще одни двойные березовые двери, такие большие, что в одну из них была встроена меньшая дверь для нормального входа и выхода.

– Джентльмены, пожалуйста, подождите здесь минутку.

Человек проскользнул в меньшую дверь и закрыл ее за собой.

Д'Агоста посмотрел на Пендергаста. Из-за двери до них доносился приглушенный голос, набирающий высоту в контролируемой ярости. Слов д'Агоста не мог уловить, но смысл не вызывал сомнений: какому-то бедняге вставляли болт в задницу. Голос достиг пика и оборвался, словно завершив список претензий. Наступила неожиданная тишина.

Через секунду дверь открылась. Вышедший из нее человек – седоволосый, высокий, красивый, безукоризненно одетый – всхлипывал, как ребенок, его лицо было залито слезами.

– Помните, я считаю вас ответственным! – догнал его голос из кабинета. – Мы нарушаем проприетарный код по всему Интернету из-за этой треклятой инсайдерской утечки. Найдите сукина сына, который виноват в случившемся, или пострадает ваша задница!

Человек, как слепой, прошел мимо них и исчез в зоне ожидания.

Д’Агоста еще раз посмотрел на Пендергаста, чтобы увидеть его реакцию, но никакой реакции не было; лицо агента, как всегда, оставалось непроницаемым. Лейтенант порадовался тому, что Пендергаст обрел свою прежнюю форму, по крайней мере внешне; его тонко вылепленное лицо было таким бледным, что казалось высеченным из мрамора, его глаза особенно ярко горели в прохладном естественном свете, заполнявшем помещение. Однако его худоба пугала.

Жалкий вид сотрудника компании, которому устроили взбучку, немного выбил д’Агосту из колеи, и он мысленно посмотрел на себя со стороны. После женитьбы на Лоре Хейворд он стал носить двубортные костюмы только от лучших итальянских модельеров – Бриони, Раваццоло, Зеньи – с рубашками из тонкого хлопка от «Брукс бразерс». Единственным намеком на форму оставалась лейтенантская шпала на лацкане. Нужно сказать, что именно Лора изменила его отношение к одежде, выбросив все его коричневые костюмы из полиэстера. Д’Агоста обнаружил, что одежда дает ему ощущение защищенности, словно у него в кармане лежит миллион долларов, хотя коллеги и подшучивали над ним, говоря, что в двубортном костюме он похож на мафиози. Это даже доставляло ему удовольствие. Он только старался не перещеголять своего босса, капитана Глена Синглтона, который был известен всей нью-йоркской полиции как записной модник.

Снова появился их сопровождающий в темно-сером костюме:

– Мистер Озмиан примет вас немедленно.

Они последовали за ним в большой угловой кабинет, выходящий окнами на южную и западную стороны. Строгие изящные грани Башни Свободы[4] заполняли одно из окон и казались такими близкими, что д’Агоста мог бы дотянуться до них. Из-за черного гранитного стола, похожего на каменные плиты, сложенные наподобие надгробия, вышел человек. Худой, высокий, аскетического вида, очень красивый, с черными волосами, седеющими на висках, с коротко стриженной седоватой бородкой, в очках в стальной оправе. На нем был белый вязаный свитер из толстой пряжи, черные джинсы и черные туфли. Этот монохромный эффект производил сильное впечатление. Хозяин кабинета не выглядел как человек, который только что высек кого-то, как мальчишку. Но и дружелюбным он не казался.

– Да, пора бы уже, – заявил он и показал на кресла сбоку от стола, не приглашая, а словно приказывая садиться. – Моя дочь отсутствует вот уже четыре дня. И наконец-то власти удостоили меня визитом. Садитесь и рассказывайте, что происходит.

Д’Агоста посмотрел на Пендергаста и увидел, что тот не собирается садиться.

– Мистер Озмиан, – начал Пендергаст, – когда вы в последний раз видели свою дочь?

– Я не собираюсь повторять все это снова. Я рассказывал об этом по телефону с десяток…

– Прошу вас, всего два вопроса. Когда вы в последний раз видели дочь?

– За обедом. Четыре дня назад. После этого она отправилась к друзьям. Домой так и не вернулась.

– А когда конкретно вы обратились в полицию?

Озмиан вздохнул:

– На следующее утро, около десяти.

– Разве вы не привыкли к ее поздним возвращениям?

– Но не к таким поздним. Что именно…

Внезапно он замолчал. Видимо, подумал д’Агоста, он увидел что-то на их лицах. У этого человека было собачье чутье.

– Что случилось? Вы ее нашли?

Д’Агоста глубоко вздохнул, собираясь заговорить, но Пендергаст, к его великому изумлению, опередил его.

– Мистер Озмиан, – произнес Пендергаст своим самым спокойным, ровным голосом, – мы принесли вам плохие новости: ваша дочь мертва.

Озмиана словно подстрелили. Он пошатнулся, и ему пришлось ухватиться за подлокотник кресла, чтобы не упасть. Его лицо мгновенно побледнело, губы зашевелились, но произвели только неразборчивый шепот. Он стал похож на стоящего мертвеца.

Его снова качнуло, и д’Агоста шагнул вперед и обхватил его за плечи:

– Давайте присядем, сэр.

Человек безмолвно кивнул и позволил подвести себя к креслу. В железной хватке д’Агосты он казался легким как перышко.

Губы Озмиана сложились в вопрос «как?», но из них вырвалась только струйка воздуха.

– Ее убили, – сказал Пендергаст по-прежнему очень ровным голосом. – Ее тело нашли вчера вечером в заброшенном гараже в Куинсе. Мы

смогли идентифицировать ее сегодня утром. Мы пришли к вам, поскольку хотели, чтобы это известие дошло до вас официально, прежде чем оно появится в газетах, а оно там появится очень скоро.

Хотя Пендергаст говорил без всяких прикрас, голос его передавал сострадание и скорбь.

И опять губы Озмиана шевельнулись.

– Убили? – с трудом выдавил он.

– Да.

– Как?

– Выстрелом в сердце. Она умерла мгновенно.

– Выстрелом? *Выстрелом?* – Его смертельно бледное лицо слегка порозовело.

– Через несколько дней мы будем знать больше. Боюсь, что вам предстоит процедура опознания тела. Мы, конечно, будем рады проводить вас туда.

Недоумение и ужас исказили лицо Озмиана.

– Но… *убили*? За что?

– Следствие сделало только первые шаги. Судя по всему, ее убили четыре дня назад и оставили тело в гараже.

Озмиан ухватился за подлокотники и поднялся на ноги. Его лицо стремительно обретало огненно-красный цвет. Несколько секунд он стоял, переводя взгляд с Пендергаста на д’Агосту и обратно. Было очевидно, что к нему возвращается способность мыслить и что он готов вот-вот взорваться.

– Вы… – начал он. – Вы ублюдки.

Никто ему не ответил.

– Где было ФБР все эти четыре дня? Это ваша вина, *ваша вина*! – Его голос, вначале едва слышный, звучал все громче, и к концу фразы Озмиан сорвался на крик, брызжа слюной.

Пендергаст очень сдержанно прервал его:

– Мистер Озмиан, она, вероятно, была уже мертва, когда вы сообщили о ее исчезновении. Но я вас заверяю, что делалось все возможное, чтобы ее найти. Все возможное.

– Вы, пустоголовые бездари, вы всегда так говорите, лживые сукины…

Озмиан захлебнулся собственным голосом, словно проглотил слишком большой кусок. Он закашлялся, лицо его побагровело. С яростным криком он шагнул вперед, схватил со стеклянного столика тяжелую скульптуру, поднял ее и швырнул на пол. Покачнувшись, он потащился к электронной доске, отбросил ее в сторону, перевернул лампу, схватил со своего рабочего стола какую-то награду, сделанную из керамики, и кинул ее на стеклянный столик, отчего оба предмета с ужасающим треском разлетелись на мелкие осколки, дождем посыпавшиеся на гранитный пол.

В кабинет вбежал человек в темно-сером костюме.

– Что происходит? – спросил он в замешательстве, пораженный видом разгромленного кабинета и своего босса, вышедшего из берегов. Его взгляд заметался между Озмианом, Пендергастом и д’Агостой.

Появление этого человека как-то подействовало на Озмиана, он подавил в себе вспышку ярости и, тяжело дыша, остановился посреди комнаты. Осколок стекла попал ему в лоб, из ранки выступила капелька крови.

– Мистер Озмиан?..

Озмиан повернулся к своему подчиненному и заговорил хриплым голосом, но спокойно:

– Выйди. Запри дверь. Найди Изабель. Сюда никто не должен входить, кроме нее.

– Да, сэр.

Человек почти бегом покинул кабинет.

Озмиан неожиданно разразился слезами, истерически всхлипывая. Немного помедлив, д’Агоста все же подошел к миллиардеру, взял его под руку и опять помог сесть в кресло. Озмиан сгорбился, обхватил себя руками и принялся раскачиваться взад-вперед, рыдая и охая.

Минуту-другую спустя он начал выходить из этого состояния. Вытащил платок из кармана, тщательно обтер лицо, с трудом взял себя в руки и замер в молчании.

Наконец он произнес ровным голосом:

– Расскажите мне все.

Д’Агоста откашлялся и начал говорить. Он рассказал, как двое мальчишек нашли тело в гараже в куче листьев, как за дело взялся отдел по расследованию убийств. Он сообщил, что привлек к делу всю команду криминалистов во главе с лучшим профессионалом и сейчас преступление расследуют более сорока детективов. Это приоритетное

дело всего подразделения, к тому же ФБР оказывает всестороннюю помощь. Д'Агоста выставил все в самом выгодном свете. Озмиан слушал, сидя с опущенной головой.

– У вас есть какие-либо предположения насчет того, кто мог это сделать? – спросил Озмиан, когда д'Агоста закончил.

– Пока нет, но будут. Мы найдем убийцу, даю вам слово.

Он замолчал, не зная, как сказать Озмиану об обезглавливании. У него не получилось упомянуть об этом в своем рассказе, но он знал, что прежде, чем они уйдут, придется все сказать, ведь газеты будут по-всякому пережевывать этот факт. И самое ужасное, что Озмиана попросят опознать обезглавленное тело – тело его дочери. Полиции было известно, что это она, по отпечаткам пальцев, но закон все еще требовал физического опознания, даже если оно, как в данном случае, представлялось ненужным и жестоким.

– После того как вы опознаете тело, – снова заговорил д'Агоста, – мы бы хотели поговорить с вами, и чем скорее, тем лучше. Нам нужно получить сведения о знакомых вашей дочери, которых вы знаете, их имена и контактную информацию. Нам нужно услышать обо всех трудностях в ее жизни и в вашей деловой или профессиональной сфере – обо всем, что может быть связано с убийством. Какими бы неприятными ни были эти вопросы, я уверен, вы понимаете, почему мы обязаны их задать. Чем больше мы узнаем, тем скорее поймаем того или тех, кто совершил это преступление. Естественно, вы можете пригласить своего адвоката, если чувствуете такую необходимость.

Озмиан помедлил:

– Прямо сейчас?

– Мы бы хотели поговорить с вами в департаменте, если вы не возражаете. После... опознания. Может быть, попозже сегодня днем, если вы почувствуете в себе силы?

– Послушайте, я... я готов помогать. Убита... Господи, помоги мне...

– Есть еще одно обстоятельство, – сказал Пендергаст тихим голосом, который сразу же заставил Озмиана замолчать.

Миллиардер поднял голову и посмотрел на Пендергаста со страхом в глазах.

– Какое? – спросил он.

– Вы должны быть готовы опознать дочь по телесным признакам – родинкам, татуировкам, хирургическим шрамам. Или по каким-то

другим признакам, не телесным. Например, по ее одежде и другим вещам.

Озмиан моргнул:

– Я не понимаю.

– Тело вашей дочери было обезглавлено. Мы… пока не нашли голову.

Озмиан смотрел на Пендергаста бесконечно долгое мгновение. Потом его глаза скользнули в сторону в поисках д’Агосты.

– Почему? – прошептал он.

– Это вопрос, на который мы очень хотели бы найти ответ, – сказал Пендергаст.

Озмиан продолжал сидеть, обмякнув в кресле. Наконец он произнес:

– Когда будете уходить, дайте моему помощнику адрес морга и адрес места, где вы собираетесь говорить со мной. Я буду там в два часа дня.

– Хорошо, – сказал Пендергаст.

– А теперь оставьте меня.

5

Марк Кантуччи резко проснулся, когда самолет в его сне начал стремительно падать в океан. Кантуччи лежал в темноте, и его сердце постепенно усмиряло свой бешеный ритм, по мере того как вокруг проступали привычные очертания его спальни. Он дьявольски устал от этого повторяющегося сна, в котором он летел в самолете, захваченном террористами. Они ворвались в кабину пилотов и заперли дверь, и секунды спустя самолет резко накренился и нырнул в безумное пике, со всей скоростью устремляясь к далекому штормовому морю, а он в свой иллюминатор видел, как черная вода все приближается и приближается, и понимал, что конец неизбежен.

Он лежал в кровати и думал, что лучше: включить свет и почитать немного или попытаться уснуть. Который теперь час? В комнате стояла полная темнота, и стальные рольставни на окнах были опущены, так что прикинуть хотя бы приблизительно, который час, он никак не мог. Кантуччи потянулся к своему сотовому телефону, лежавшему на прикроватном столике. Куда делся этот треклятый телефон? Не мог же он забыть положить его туда: привычки Кантуччи были отлажены, как часы. А вот, выходит, забыл, потому что телефона там не было.

Слишком раздосадованный, чтобы заснуть, Кантуччи сел, включил лампу возле кровати и повертел головой в поисках телефона. Он сбросил

с себя одеяло, встал, осмотрел пол вокруг кровати, куда мог бы свалиться телефон, потом подошел к деревянной вешалке, на которую повесил брюки и пиджак. Быстрая проверка показала, что телефона нет и там. Происходящее вызывало у него все большее раздражение.

Прикроватных часов у него не было, но система сигнализации имела встроенные часы с диодным экранчиком, поэтому Кантуччи подошел к блоку и сдвинул защитную панель. И тут его ждал еще один пренеприятнейший сюрприз: экран блока сигнализации был черным, огонек, показывающий, что сигнализация активирована, не горел. Однако электричество в доме никто не отключал, и блок системы внутреннего наблюдения, расположенный рядом, продолжал работать. Очень странно.

Кантуччи впервые ощутил укол страха. Система тревожной сигнализации была лучшей из тех, что продавались за деньги. Ее не только намертво вмонтировали в дом, но и обеспечили своим автономным питанием и не менее чем двумя запасными аккумуляторами на случай отключения электричества или каких-либо технических проблем, а кроме того, для связи с тревожной линией охранной компании имелись городской, сотовый и спутниковый телефоны.

Но вот пожалуйста, сигнализация не работала.

Кантуччи, бывший нью-джерсийский прокурор, который уничтожил преступное семейство Отранто, прежде чем самому стать адвокатом гангстеров у соперничающего семейства Бонифаччи и получить столько скрепленных кровью клятв возмездия, что и не сосчитать, имел все основания беспокоиться о собственной безопасности.

Экран системы внутреннего наблюдения работал как полагается, автоматически проверял все камеры в доме. Их было двадцать пять, по пять на каждый этаж особняка на Восточной Шестьдесят шестой улице, где Кантуччи жил в одиночестве. Он держал охранника, который оставался с ним в доме в течение дня, но на семь часов вечера было установлено автоматическое опускание стальных рольставней, и после этого времени дом становился неприступной мини-крепостью.

Наблюдая за циклической проверкой камер по этажам, Кантуччи вдруг увидел нечто странное. Он нажал на кнопку «стоп» и в ужасе уставился на экран. Привлекшая его внимание камера передавала картинку из главного холла здания, и она показывала незваного гостя – человека, облаченного в черное трико и с черной маской на лице. Человек держал в руках композитный лук с четырьмя оперенными стрелами в колчане. Пятая стрела находилась в луке – человек нес его перед собой, словно собираясь стрелять. Этот ублюдок походил на Бэтмена и Робин Гуда в одном флаконе.

Это было просто черт знает что. Каким образом он проник за стальные рольставни? И как ему удалось обойти тревожную сигнализацию?

Кантуччи нажал тревожную кнопку, но та, конечно, не сработала. А его сотовый исчез. Совпадение? Он поспешил к ближайшему городскому телефону и приложил трубку к уху. Тишина.

Когда человек вышел из угла охвата камеры, Кантуччи быстро переключился на следующую. Хорошо хоть эта система работала.

И как только он подумал об этом, ему пришла в голову другая мысль: почему незваный гость не вывел из строя всю систему?

Человек направился к лифту, остановился и нажал на кнопку рукой в черной перчатке. Кантуччи услышал гудение механизма – кабина спустилась с пятого этажа, где находилась его спальня, на первый.

Кантуччи немедленно обуздал свой страх. На его жизнь было совершено шесть покушений, и все провалились. Нынешнее – самое идиотское из них, и его тоже ждет неудача. Электричество пока не отключилось. Он может остановить лифт одним нажатием кнопки, после чего незваный гость окажется в ловушке… но нет. Нет!

Кантуччи без промедления натянул на себя халат, рывком открыл прикроватную тумбочку, вытащил оттуда «Беретту M9» и магазин с дополнительными пятнадцатью патронами и сунул их в карман халата. В пистолете и без того был полный магазин и еще один патрон в патроннике – так уж он привык, – но он все равно проверил. Все на месте.

Он бесшумно, но быстро вышел из спальни в узкий коридор и встал перед дверьми лифта. Кабина теперь снова поднималась. Кантуччи слышал постукивание и гудение механизмов, на указателе сменялись цифры этажей: третий… четвертый… пятый…

Он ждал в положении готовности к стрельбе, пока не услышал дрожь останавливающейся кабины. А потом, когда двери еще не успели открыться, он принялся стрелять в них. Девятимиллиметровые патроны «парабеллум» пробивали тонкую сталь, сохраняя убойную силу и по другую сторону, грохот в замкнутом пространстве был оглушающим. Стреляя, Кантуччи отсчитывал выстрелы, быстро, но точно – один, два, три, четыре, пять, шесть, – перемещая ствол по горизонтали и вертикали, чтобы наверняка поразить того, кто находится в кабине. У него осталось еще немало патронов, чтобы закончить работу, как только двери откроются.

Двери разошлись. К немалому потрясению Кантуччи, кабина оказалась пустой. Он запрыгнул внутрь и выстрелил два раза в потолок кабины, чтобы быть уверенным, что человек не спрятался там, потом нажал

кнопку «стоп», зафиксировав кабину на этом этаже, чтобы ею больше нельзя было воспользоваться.

«Сукин сын». У киллера оставался единственный способ подняться к нему на этаж – по лестнице. Незваный гость был вооружен луком и стрелами. Кантуччи же, опытный стрелок, держал в руке пистолет. Он мгновенно принял решение: «Не ждать, атаковать первому». Узкая лестница с площадками между этажами – неудобное место, чтобы стрелять из лука, но идеальное для стрельбы из пистолета в тесном пространстве.

Конечно, не исключалось, что и у противника есть пистолет, но он явно собирался воспользоваться луком. В любом случае Кантуччи не собирался рисковать.

Держа пистолет наготове, он босиком бросился вниз по лестнице, двигаясь почти бесшумно, готовый стрелять в любую секунду. Но, спустившись до второго этажа, он понял, что незваного гостя вообще нет на лестнице. Вероятно, тот поднялся, а потом вышел на одном из нижних этажей. Но на каком? Где этот мерзавец?

Кантуччи сошел с лестницы на втором этаже и, проверяя углы, скользнул в холл. Здесь никого не было. Один коридор через арку вел в общую комнату, другой заканчивался закрытой дверью ванной.

Кантуччи кинул взгляд на экран системы наблюдения в холле, прокрутил все камеры. Вот он где! На третьем этаже, крадется по коридору к музыкальной комнате. Что ему там нужно? Кантуччи мог бы подумать, что имеет дело с сумасшедшим, вот только его незваный гость двигался уверенно, словно у него имелся план. Но какой план? Уж не собирается ли он украсть Страдивари?

Господи боже, вот оно что. *Наверняка*.

Самое ценное его владение – скрипка Страдивари «L'Amoroso» 1696 года, которая прежде принадлежала герцогу Веллингтонскому. Из-за скрипки, а еще из опасения за свою жизнь Кантуччи и установил такую серьезную систему безопасности в своем доме.

Он увидел, как человек зашел в музыкальную комнату и закрыл за собой дверь. Кантуччи переключил прибор на камеру внутри комнаты: преступник двигался к сейфу, в котором находилась скрипка. Как он собирается проникнуть в сейф? Эта чертова штуковина считалась стопроцентно надежной. Но ведь мерзавец уже умудрился отключить сложную сигнализацию. Кантуччи понял, что лучше не исходить из предположений.

Незваный гость не мог не слышать выстрелы, а следовательно, он знает, что хозяин дома вооружен и ищет его. Так что же у него на уме? Все

происходящее казалось бессмысленным. Кантуччи увидел, как человек остановился у сейфа и нажал какие-то цифры на кнопочной панели. Явно неверные цифры. Теперь он достал серебряную коробочку – какое-то электронное устройство – и прикрепил ее к дверце сейфа. Чтобы сделать это, он прислонил лук и стрелы к стене.

Кантуччи понял, что это его шанс. Он знал, где находится незваный гость и где он проведет как минимум несколько следующих минут, а кроме того, он знал, что лук и стрелы сейчас не в руках преступника. Мысли этого человека сейчас заняты металлическим устройством и сейфом.

Кантуччи бесшумно поднялся по лестнице на третий этаж, выглянул из-за угла и увидел, что дверь музыкальной комнаты закрыта, а гость, вероятно, находится внутри. Проскользнув босыми ногами по устланному ковром коридору, он остановился у закрытой двери. Он мог распахнуть ее и расстрелять человека задолго до того, как несостоявшийся вор сможет схватить свой дурацкий лук и стрелу и выстрелить в него.

Плавным целенаправленным движением он схватил ручку левой рукой, распахнул дверь и бросился внутрь с поднятым пистолетом, нацеленным в сторону сейфа.

Никого. Комната была пуста.

Кантуччи замер, мгновенно поняв, что попал в какую-то ловушку, потом повернулся кругом, поливая комнату огнем. Он не остановился даже в тот момент, когда стрела, пролетев по воздуху, пронзила ему грудь и пригвоздила его к стене. Вторая и третья стрелы, выпущенные одна за другой, прочно прибили его к стене – три стрелы треугольником пронзили его сердце.

Незваный гость, который занимал позицию в открытой двери комнаты по другую сторону коридора, прошел вперед и остановился в двух футах от жертвы, удерживаемой в вертикальном положении тремя стрелами. Голова Кантуччи упала на грудь, руки повисли. Убийца включил свет в коридоре. Он прислонил лук к стене и оглядел жертву, медленно и расчетливо, с головы до ног. Потом двумя руками схватил поникшую голову. Приподнял ее и посмотрел в выпученные – но незрячие – глаза. Большим пальцем он поднял верхнюю губу убитого, чуть повернул голову, быстро осмотрел зубы, белые, ровные и без всяких пломб. Стрижка была дорогая, кожа лица гладкая и плотная. Для шестидесятипятилетнего человека Кантуччи очень неплохо заботился о себе.

Незваный гость отпустил голову, и та упала в прежнее положение. Он остался доволен.

6

На следующий день, в четыре часа пополудни, начальник следственного отдела лейтенант Винсент д’Агоста сидел в просмотровой комнате Б205 в здании Уан-Полис-Плаза[5], прихлебывал из чашки пережженный, мутный, холодный как лед кофе и просматривал нечеткую видеозапись с камеры наблюдения, которая выходила на промышленную часть Куинса, где было найдено тело. За просмотром записей последней из трех паршивых камер наблюдения он провел два часа без всяких результатов. Он мог бы поручить это занятие кому-нибудь из подчиненных, но какая-то его часть противилась тому, чтобы загружать своих людей такой нудной работой.

Услышав, как кто-то постучал по открытой двери, д’Агоста повернулся и увидел высокую атлетическую фигуру своего начальника капитана Синглтона, облаченного в моднейший синий костюм; очертания его слегка оттопыренных ушей вырисовывались в тусклом свете из коридора. В руках Синглтон держал две банки пива.

– Винни, на кого ты собираешься произвести впечатление? – спросил он, входя.

Д’Агоста остановил прокрутку, откинулся на спинку стула и потер руками лицо.

Синглтон уселся рядом с д’Агостой и поставил перед лейтенантом одну из банок пива:

– Этот кофе следует арестовать и обыскать. Попробуй-ка пиво вместо него.

Д’Агоста схватил ледяную банку, вскрыл и, когда та издала дружелюбное шипение, приподнял ее:

– Спасибо от всей души, капитан.

Он с благодарностью присосался к банке.

Синглтон открыл свою банку:

– Ну, так что у тебя есть?

– Что касается записей с камер наблюдения, то ничего. Между тремя этими камерами огромные мертвые зоны, и я уверен, что все действие происходило именно там.

– А записи по прилегающей территории?

– В том-то и дело. Это в основном жилой район, ближайший магазин – в добром квартале оттуда.

Синглтон кивнул:

– Никаких связей с убийством прошлой ночи? Этого юриста гангстеров, Кантуччи?

– Кроме обезглавливания – ничего. Методы совершения преступления абсолютно различные. Разное оружие, разные способы проникновения и отхода. Жертвы никак не связаны. К тому же в случае с Озмиан обезглавливание произошло сутки спустя после убийства, а голову Кантуччи отрезали сразу же после смерти жертвы.

– Значит, ты считаешь, что связи между ними нет?

– Возможно, что и нет, но два обезглавливания одно за другим – довольно странное совпадение. Я ничего не исключаю.

– А что с записями камер наблюдения в доме Кантуччи?

– Ничего. Их даже не стерли – просто забрали жесткие диски. Кто-то заранее вывел из строя камеры перед домом на обоих углах Третьей авеню. Парень, который прикончил Кантуччи, был профессионалом.

– Профессионал с луком и стрелами?

– Да. Может, это удар мафии, означающий некое послание. Кантуччи был настоящий сукин сын. Он уничтожил одну из семей, будучи прокурором, а потом пошел служить их врагам. Он грязнее тех умников, которых защищал, в два раза богаче и в три раза умнее. Врагов у него выше крыши. Мы над этим работаем.

– А девица Озмиан?

– Трудный ребенок. Наши криминалисты на всякий случай обыскали ее комнату в доме отца – ничего существенного. А еще мы проверяем ее друзей, тоже живущих на широкую ногу, но до сих пор не нашли никаких ниточек. Мы пока еще только зондируем.

Синглтон хмыкнул.

– Вскрытие подтвердило, что она была убита выстрелом сзади, потом она достаточно долго оставалась в неизвестном месте, где тело потеряло всю кровь, а оттуда ее перевезли в гараж, где спустя приблизительно сутки тело обезглавили. У нас куча волосков, тканей и непроявленных отпечатков, с которыми мы работаем, но у меня предчувствие, что ничего из этого не получится.

– А отец?

– Суперхитрожопый. Мстительный. Абсолютный говнюк. У него бешеный темперамент: вопли, крики, крушит что ни попадя, потом вдруг резко стихает – жуть.

Когда днем ранее Озмиан пришел на опознание тела (опознал дочь по родинке на левой руке), он вел себя так тихо, что у д’Агосты от страха мурашки бегали по спине.

– Готов поспорить, что он дал своим людям команду потихоньку искать убийцу. Очень надеюсь, что мы найдем его первыми. Если люди Озмиана найдут его прежде, чем мы, боюсь, что преступник исчезнет без следа, а нам никогда не удастся закрыть дело.

– Он что, не скорбит?

– Скорбит, да еще как. Если его личная жизнь хоть немного похожа на профессиональную, то мне кажется, что его способ скорбеть будет состоять в том, чтобы отыскать преступника, помучить его хорошенько живого, потом сделать петельку из его кишок и повесить на ней.

Синглтон поморщился, сделал еще глоток:

– Миллиардер-линчеватель. Упаси нас бог. – Он посмотрел на д’Агосту. – Какие-нибудь связи с деловыми интересами отца? Ну, ты понимаешь: убить дочь, чтобы отомстить отцу.

– Мы рассматриваем и такие варианты. Озмиан участвовал в множестве судебных разбирательств, получал немало угроз. Эти люди из интернет-компаний – сущие викинги.

Синглтон крякнул, и несколько секунд они просидели в молчании. Такова была манера Синглтона курировать расследования: присесть вечерком, когда все уже разошлись, и почесать языком. Именно поэтому он был таким хорошим копом и замечательным коллегой. Наконец он зашевелился на стуле:

– Знаешь этого типа из «Пост», Гарримана, который тут все вынюхивает, задает вопросы, преследует моих ребят? От него есть какой-нибудь прок?

– Он сукин сын, но историю состряпать может.

– Очень плохо. Потому что история и без того громкая, а может стать просто вопиющей.

– Да.

– А ФБР? У них какая повестка? И почему они решили, что это дело федерального значения?

– Я с ними могу работать, не волнуйтесь.

– Рад слышать. – Синглтон поднялся. – Винни, ты прекрасно поработал. Продолжай в том же духе. Если понадобится какая-нибудь поддержка с моей стороны – скажем, пнуть кого-нибудь под зад для ускорения дела, – сообщи мне.

– Конечно, капитан.

Синглтон ушел. Д'Агоста кинул пустую банку в корзинку для мусора и вернулся к своему бесконечно нудному видео.

7

Лейтенант д'Агоста припарковал служебную машину в огороженном лентой пространстве перед таунхаусом. Он вышел из машины, с другой стороны вышел его помощник сержант Карри. Д'Агоста несколько секунд разглядывал таунхаус, сооруженный из розового гранита в центре тихого квартала между Второй и Третьей авеню и обсаженный голыми деревьями гинкго. Убитый Кантуччи был худшим представителем гангстерских адвокатов, скользким как угорь. В течение двух десятилетий полиция держала его в перекрестье прицела, несколько раз его дело слушалось на заседании большого жюри, но им так и не удалось лишить его лицензии на адвокатскую деятельность. Он принадлежал к неприкосновенным.

Зато теперь к нему прикоснулись – капитально прикоснулись. И д'Агоста не мог понять, каким образом киллер преодолел сложнейшую охранную систему таунхауса.

Он покачал головой и направился к входу сквозь темноту декабрьского вечера. Карри придержал для него дверь, д'Агоста вошел в холл и огляделся. Дом был серьезный, заполненный старинными редкостями, картинами и персидскими коврами. Д'Агоста уловил слабый запах разных химикалий и растворителей, которыми пользовались криминалисты. Но их работа была уже завершена, так что ему не понадобилось надевать обычные в подобных случаях бахилы, шапочку и халат, и д'Агоста был благодарен за это, вдыхая спертый воздух, поскольку рольставни таунхауса все еще оставались опущены.

– Готовы для прогулки, сэр? – спросил Карри.

– А где консультант по системам безопасности? Он должен был ждать меня здесь.

Из тени появился человек – афроамериканец, невысокий, седоволосый, в синем костюме, державший себя с мрачным достоинством. Говорили, что он один из лучших специалистов в городе по электронным системам

безопасности, и д’Агоста удивился, увидев, что этому человеку под семьдесят.

Он протянул холодную руку:

– Джек Марвин. – Голос у него был глубокий, как у проповедника.

– Лейтенант д’Агоста. Скажите мне, мистер Марвин, каким образом этот сукин сын прошел через систему безопасности стоимостью в миллион долларов?

Марвин жутковато хохотнул:

– Очень искусно. Не хотите пройтись по дому?

– Да, конечно.

Марвин резво двинулся вперед по центральному коридору, д’Агоста и Карри поспешили за ним. Д’Агоста не мог понять, почему Пендергаст не появился здесь, хотя он и просил агента об этом. Такое дело ему наверняка понравилось бы, а в свете соперничества между полицией города и ФБР д’Агоста полагал, что оказывает агенту услугу, приглашая его сюда. Впрочем, Пендергаст пока не проявлял особого интереса к этому делу – вспомнить хотя бы, с каким трудом его удалось вытащить к Озмиану.

– Здесь, – заговорил Марвин, сопровождая свою речь непрекращающейся жестикуляцией, – установлена система охранной сигнализации «Шарпс энд Гунд». Эта фирма обгоняет время в своей отрасли, лучше их нет никого. Именно ее предпочитают нефтяные магнаты Персидского залива и русские олигархи. – Он помолчал. – В доме в общем и целом двадцать пять камер. Одна здесь, – он показал на камеру в верхнем углу, – другие там, там и там. – Он быстро тыкал пальцем в разные стороны. – Каждый квадратный дюйм под наблюдением.

Марвин остановился и повернулся, взмахивая руками то в одну, то в другую сторону, как экскурсовод в каком-нибудь историческом особняке.

– А здесь у нас инфракрасный щит с детекторами движения по углам, тут и тут.

Он показал на дверь лифта и нажал кнопку:

– Сердце системы – на чердаке, в специальном стальном шкафу.

Дверь кабины, изрешеченная пулями, открылась, и они вошли внутрь.

Кабина, тихонько гудя, поднялась на пятый этаж, и здесь они вышли. Марвин продолжил:

– Камера здесь, здесь и здесь. Еще инфракрасные щиты, детекторы движения, детекторы давления. Спальня за этой дверью.

Он повернулся вокруг себя:

– Датчики на двери и на всех окнах, а после захода солнца окна забираются стальными ставнями. Система имеет множественные резервы. Обычно она питается от домашней электросети и имеет два независимых дополнительных источника питания: генератор и ряд морских аккумуляторов глубокого разряда. Система предусматривает три независимых метода оповещения живого оператора: по городскому телефону, то же самое по сотовому и то же самое по спутниковому. Даже если ничего не происходит, система каждый час подает сигнал «все в порядке».

Д’Агоста тихонько присвистнул. Он просто жаждал услышать, как эта система была побеждена.

– Система сообщает обо всех аномалиях. Если заряд аккумулятора низок, система дает оповещение. Если вырубается электричество, система дает сигнал. Помехи в сотовой сети – оповещение. Удар молнии, скачок напряжения, паук сплел паутину на инфракрасном датчике – оповещение. У «Шарпс энд Гунд» собственные команды реагирования, которые отправляются на сигнал, если полиция не торопится или если все патрульные машины на вызовах.

– Система кажется неуязвимой.

– Теперь уже не кажется, верно? Как и любая вещь, созданная человеком, эта тоже имеет свою ахиллесову пяту.

Д’Агосте надоело стоять в темном коридоре. Его манила элегантная гостиная с удобными стульями в конце коридора, ведь он провел на ногах почти весь день после всего лишь полуторачасового сна.

– Присядем? – предложил он, махнув рукой в сторону гостиной.

– Я собирался показать вам чердак. Вот лестница.

Д’Агоста и Карри последовали за проворным консультантом к узкому лестничному пролету, который вел на низкий чердак. Когда Марвин включил свет, д’Агоста увидел пространство, наполненное пылью и пахнущее плесенью. Воздух здесь стоял спертый, к тому же им приходилось пригибаться.

– Нам сюда, – сказал Марвин, показывая на большой новенький металлический шкаф с открытой дверью. – Здесь центральный пульт

управления системой. По существу, это большой сейф. Открыть невозможно, если вы не знаете кода, а у нашего преступника кода не было.

– Что же помогло ему проникнуть в дом?

– Троянский конь.

– В каком смысле?

– Система «Шарпс энд Гунд» знаменита своей неуязвимостью – хакеры против нее бессильны. Это обеспечивается путем частичной изоляции каждой системы безопасности от Интернета. Ни при каких обстоятельствах вы не можете внедрить в систему свои команды. Даже главный офис «Шарпс энд Гунд» не может передать какие-либо данные в систему безопасности, которая создана таким образом, что передача данных происходит строго в одностороннем порядке – из нее. Хакеры не могут проникнуть в нее удаленно.

– А если требуется сделать обновление или перезагрузку системы?

– Техник должен физически присутствовать на месте, открыть сейф с помощью кода, которого нет даже у владельца и даже у техника, – код создается генератором случайных чисел в центральном офисе и устно передается технарю, когда он прибывает на место, после чего он может загрузить в систему обновление при непосредственном к ней подсоединении.

Д’Агоста переступил с ноги на ногу, стараясь не удариться головой о потолок. Он увидел пару крысиных глаз, горящих в темноте и устремленных на пришельцев. Даже в доме стоимостью в двадцать миллионов водятся крысы. Лейтенант мысленно взмолился, чтобы Марвин поскорее приступил к делу.

– Хорошо, но как же преступнику удалось все это провернуть?

– Первую вещь он сделал несколько дней назад. На улице перед домом он использовал блокирующее устройство, чтобы приостановить ежечасную отправку сообщений о нормальной работе системы. Он мог сделать это из машины довольно простым генератором электромагнитных помех. Было послано несколько произвольных вспышек, которые несколько раз блокировали передачу сигнала по сотовой сети. «Шарпс энд Гунд» таким образом была введена в заблуждение, там решили, что система дает сбой и ее нужно заменить. И тогда они прислали двух человек – всегда двух человек – с новой установкой. Обычно они паркуются во втором ряду, и один остается в фургоне. Но ваш преступник воспользовался двумя дорожными конусами, чтобы заранее занять удобное парковочное место. Чуть подальше по улице. Очень привлекательно. И вот они паркуются там и

оба идут к дому, оставив фургон без присмотра приблизительно на три минуты.

– И вы все это проработали?

– Конечно.

Д’Агоста кивнул, впечатленный.

– Ваш незваный гость пробирается в машину, берет сотовое устройство, заменяет карту памяти на другую, с вирусом, кладет устройство на место. Ремонтники возвращаются, забирают свои вещи, идут в дом, кодом, присланным им из офиса, открывают стопроцентно надежный сейф, устанавливают новое сотовое устройство и уходят. После чего вирус пробирается в систему и захватывает ее. *Полностью*. Этот вирус открыл киллеру входную дверь, потом закрыл за ним. Он отключил все телефоны. Он отрубил инфракрасный щит, детекторы движения и давления, но оставил камеры наблюдения. Вирус даже отпер сейф, чтобы преступник, уходя, мог забрать жесткие диски.

– Откуда этот неизвестный преступник мог узнать о работе системы столько, что сумел создать вирус? – спросил д’Агоста.

– Ниоткуда.

– Вы хотите сказать, это дело рук кого-то из своих?

– Однозначно. Чтобы создать такой вирус, преступник должен был декомпилировать фирменную программу системы. Он точно знал, что делает, а еще он знал о том, что фирма засекречивает все свои деловые операции. Я ничуть не сомневаюсь, что в дело были вовлечены служащие компании или бывшие служащие. И не кто угодно, а люди, очень хорошо знакомые с процессом установки этой конкретной системы.

Это была чертовски хорошая наводка. Но обстановка на чердаке уже начала доставать д’Агосту. Он весь вспотел, а воздух здесь стоял спертый. Он не мог дождаться, когда выйдет на декабрьский холод.

– Скажите, мы уже закончили здесь?

– Пожалуй. – Но вместо того, чтобы пойти к лестнице, Марвин понизил голос: – Однако должен сказать вам, лейтенант, что при попытке получить список настоящих и бывших сотрудников фирмы я уперся в каменную стену. Исполнительный директор Джонатан Ингмар, первоклассный обструкционист…

– Давайте разберемся с этим, мистер Марвин.

Д’Агоста дружески взял Марвина за плечи и направил к лестнице. Они спустились в более прохладную атмосферу.

– Все это будет в моем докладе, – сказал Марвин. – Технические подробности, спецификации системы, работа. Представлю его вам завтра.

– Спасибо, мистер Марвин. Вы прекрасно поработали.

Когда они оказались на пятом этаже, д’Агоста сделал несколько глубоких, благодарных вдохов.

8

– Мартини?

В квартире на Пятой авеню, с гостиной, выходящей на Центральный парк и Резервуар имени Жаклин Кеннеди-Онассис, поверхность которого сверкала в лучах закатного солнца, Брайс Гарриман удобно устроился на диване в стиле Людовика XIV, сохраняя невозмутимый вид, с репортерским блокнотом на коленях. Блокнот, конечно, был только для вида: все записывалось на телефон Гарримана, лежащий в нагрудном кармане пиджака.

Было одиннадцать часов утра. Гарриман знал немало людей, попивающих коктейли до полудня, – он вырос с такими людьми, – но в данном случае он работал и хотел сохранить свои мозги в порядке. С другой стороны, он видел, что Изольде Озмиан, сидевшей напротив него в шезлонге, коктейль крайне необходим… и следует поощрить ее желание.

– Не откажусь, – сказал Гарриман. – Двойную порцию, безо льда с лимоном. «Хендрикс», если у вас есть.

Он сразу же увидел, как посветлело ее лицо.

– И мне то же самое.

Высокий, сутулый, мрачный дворецкий медленно кивнул, произнес: «Да, миссис Озмиан», потом развернулся с явственно слышимым скрипом и исчез в дверях фантастически вульгарной и загроможденной мебелью квартиры.

Гарриман отчетливо ощущал свое преимущество над сидящей перед ним женщиной и собирался воспользоваться им на всю катушку. Он знал таких людей, как она, притворяющихся, будто они принадлежат к высшему классу, и устраивавших из этого презабавный шурум-бурум. Все в ней – от крашеных волос до избытка косметики и бриллиантовых украшений (бриллианты были слишком велики, чтобы быть элегантными) – вызывало у него желание покачать головой. Эти люди

никогда ничего не поймут. Они никогда не догадаются, что их вульгарные бриллианты, длиннющие лимузины, ботоксные лица, английские дворецкие и гигантские дома в Хэмптоне являются социальным эквивалентом рекламного щита с надписью:

Я – НУВОРИШ,ПЫТАЮЩИЙСЯ ПОДРАЖАТЬ ТЕМ, КТО ВЫШЕ МЕНЯ,И Я НЕ ПОНИМАЮ, КАК ЭТО ДЕЛАТЬ

Сам Брайс не был нуворишем. Ему не требовались ни бриллианты, ни машины, ни дома, ни дворецкие, которые заявляли бы об этом. Ему требовалось только одно – его фамилия. Гарриман. Тот, кто знал, тот знал, а тот, кто не знал, не стоил его беспокойства.

Свою журналистскую карьеру Гарриман начал в «Нью-Йорк таймс», где благодаря своему таланту пробился наверх из редакторской в отдел городских новостей; но маленькие неприятности – включая его репортаж о происшествии, которое впоследствии стало известным как «бойня в метро», а также тот факт, что великий и несносный, ныне покойный Уильям Смитбек написал о том случае лучше и натянул ему нос, – привели к его бесцеремонному изгнанию из «Таймс». Это был самый мучительный период в его жизни. С поджатым хвостом он прокрался в «Нью-Йорк пост». В конечном счете тот его шаг, как выяснилось, привел к лучшим событиям в его жизни. Вечно бдительная, вечно ограничивающая редакторская рука, которая держала его в узде в «Таймс», в «Пост» оказалась гораздо менее жесткой. Больше никто не заглядывал через его плечо, не калечил его стиль. Гарриман обнаружил, что некая скупая элегантность, свойственная журналистике «Пост», не повредила ни ему, ни его верным читателям. За десять лет в газете он поднялся из рядовых до репортера-звезды в отделе городских новостей.

Но десять лет – период немалый в газетном деле, и карьера Гарримана в последнее время пошла под уклон. Несмотря на его снисходительное отношение к женщине, сидящей перед ним, он все же ощущал некоторую дрожь отчаяния. Он давно не выдавал громких историй и уже начал чувствовать на своей шее горячее дыхание более молодых коллег. Ему требовалось что-нибудь крупное, и не когда-нибудь, а прямо сейчас. Гарриман предполагал, что это может оказаться как раз таким делом. У него был нюх на определенный тип историй, он умел через разговор проникать в мысли определенного вида людей. Людей вроде женщины, сидящей напротив него, – Изольды Озмиан, бывшей модели, социальной выскочки, образцовой золотоискательницы, бывшей жены-конфетки великого Антона Озмиана, которая за девять месяцев супружеской благодати в ходе громкого бракоразводного процесса получила девяносто миллионов долларов. Брайс для себя подсчитал, что каждый месяц супружества стоил Озмиану десять миллионов, а каждое совокупление обошлось в триста тридцать три тысячи, если считать, что занимались они этим раз в день, хотя это явно была завышенная оценка,

поскольку Озмиан был одним из интернетных трудоголиков и практически спал в своем кабинете.

Брайс знал, что у него обостренное чутье на громкую историю, а у этой истории имелись все признаки таковой. Но в последнее время он должен был опасаться своих коллег из «Пост», этаких голодных младотурок, которые только и ждали случая скинуть его с трона. У него не получилось пробиться к Озмиану (а он на это надеялся), а копы, в отличие от обычного, если и открывали рты, то лишь чуть-чуть. Однако приема у Изольды он добился без труда. Вторая жена Озмиана была знаменита своей злопамятностью и мстительностью, и он остро чувствовал, что эта женщина – настоящая золотая жила в злобной и прекрасной упаковке, она только и ждет случая, чтобы вывалить свою гору грязи.

– Итак, мистер Гарриман, – сказала Изольда с кокетливой улыбкой, – чем я могу быть вам полезной?

Гарриман начал медленно и непринужденно:

– Я ищу что-нибудь из прошлого мистера Озмиана и его дочери. Ну, вы понимаете, чтобы после трагического убийства помочь нарисовать их образ как человеческих существ, вот я о чем.

– Человеческих существ? – повторила Изольда, и в ее голосе послышалась некоторая резкость.

«Ну, тут будет много чего».

– Да.

Пауза.

– Я бы не стала давать им характеристику в таком ключе.

– Простите, в каком ключе? – спросил Брайс, изображая из себя тупое невежество.

– В ключе «человеческие существа».

Брайс сделал вид, что записывает в своем блокноте, давая ей время подумать.

– Я была наивной девочкой, невинной моделью из Украины, когда познакомилась с Озмианом. – Ее голос приобрел плаксивую нотку жалости к самой себе. – Он меня просто потряс, это было что-то: обеды, частные самолеты, пятизвездочные отели, всякие такие дела.

Она фыркнула. В ее акценте слышалась приятная славянская твердость и уродливая гнусавость Куинса.

Гарриман знал, что она была не просто моделью: ее красноречивые фотографии в обнаженном виде циркулировали в Сети и, возможно, будут циркулировать до скончания времен.

– Ах, какая же я была дура! – произнесла Изольда дрожащим голосом.

В этот момент появился дворецкий с двумя огромными мартини на серебряном подносе, поставил один стакан перед хозяйкой, другой – перед Гарриманом. Изольда схватила свой, как человек, умирающий от жажды, и осушила едва ли не половину бассейна, прежде чем осторожно поставить стакан на место.

Брайс сделал вид, что тоже пригубил. Он не мог понять, что нашел в ней Озмиан. Она была, конечно, изумительно красива, стройная, спортивная, аппетитная, ее тело свернулось на шезлонге, как кошачье, но в мире хватало красивых женщин, из которых Озмиан мог бы выбрать. Почему ее? Разумеется, могли быть какие-то причины, проявляющиеся только в спальне. Пока Изольда говорила, Брайс мысленно перебирал различные возможности в этой области.

– Мною воспользовались, – сказала она. – Я понятия не имела, во что вляпалась. Он взял миленькую иностраночку и раздавил ее, вот так. – Она взяла вычурную подушечку и сжала ее самым безжалостным образом. – Вот так!

– На что был похож ваш брак?

– Вы наверняка читали об этом в газетах.

Он и в самом деле читал и даже сам кое-что писал, о чем ей было прекрасно известно. «Пост» приняла ее сторону – все ненавидели Антона Озмиана. Этот человек старался изо всех сил, чтобы его ненавидели.

– Всегда лучше узнавать что-то из первоисточника.

– У него был бешеный нрав. Боже ж ты мой, ну и нрав! Неделя прошла после нашей свадьбы, всего неделя, как он разгромил нашу гостиную, расколотил мою коллекцию мишек Сваровски, всех до одного, хруп, хруп, хруп. Это разбило мое сердце. Он был *ужасно* жестоким.

Брайс помнил эту историю. Все произошло, когда Озмиан узнал о том, что его жена спала с тренером по кроссфиту, а также со своим старым дружком из Украины, и даже ходили разговоры, что она успела потрахаться с ними обоими в утро перед свадьбой. Пока что ничего нового. Она пыталась обвинить Озмиана в том, что он ее избил, но доказать избиение в суде не смогла. В конечном счете она подала на развод и отсудила у него девяносто миллионов, что было непростой задачей, даже если бы он был триллионером.

Брайс подался вперед и добавил сострадания в голос:

– Как ужасно это было для вас!

– Я должна была догадаться с самого начала, ведь моя малютка Пуфи укусила его, как только увидела. А потом…

– Я вот думаю, – мягко продолжил Брайс, направляя разговор в нужное ему русло, – не могли бы вы рассказать мне о его отношениях с дочерью, Грейс.

– Как вы знаете, она его дочь от первого брака. Не я ее родила, тут можете не сомневаться. Грейс – ну и имечко![6] – Изольда ядовито рассмеялась. – У нее с Озмианом были тесные отношения. Одного поля ягода.

– Насколько тесные?

– Он избаловал ее до невозможности! Во время учебы в колледже она только и делала, что убивала время на вечеринках, а диплом получила лишь благодаря тому, что папочка подарил колледжу новую библиотеку. Потом она отправилась в большое двухгодичное путешествие по Европе – путешествовала из спальни одного европейского бездельника в спальню другого. Год околачивалась на Ибице. Затем вернулась в Америку, прожигала папочкины деньги, поддерживала экономику Колумбии, потребляя, наверное, половину ее национального ВВП.

Это было что-то новенькое. Во время развода пресса более или менее воздерживалась от интервью с дочерью. Даже «Пост» не хотела втягивать ребенка в такой развод. Но теперь Грейс была мертва, и Гарриман чувствовал, что его репортерский радар улавливает сигналы большой удачи.

– Вы хотите сказать, у нее были проблемы с наркотиками?

– Проблемы? Да она была наркоманкой!

– Просто пользовалась иногда или сидела на них?

– Дважды проходила реабилитацию в этом местечке для знаменитостей в Ранчо-Санта-Фе, как там оно называется? «Нехоженая дорога». – Она издала еще один издевательский смешок.

Мартини в ее стакане не осталось, и дворецкий принес еще порцию, хотя она и не просила, а пустой стакан забрал.

– А о каком наркотике вы говорите? О кокаине?

– Да обо всех сразу! И Озмиан позволял ей! Потакатель худшего сорта. Ужасный отец.

И тут Гарриман подошел к главному пункту дела:

– Не знаете ли вы, случайно, миз Озмиан, чего-нибудь такого из прошлого Грейс, что могло бы привести к ее убийству?

– Подобные девицы всегда плохо кончают. Я работала как каторжная на Украине, я переехала в Нью-Йорк, никогда никаких наркотиков, никакого алкоголя, ела здоровые салаты без приправ, работала по два часа в день, спала по десять часов по ночам…

– Она не могла совершить что-нибудь противозаконное, связанное с торговлей наркотиками или с организованной преступностью, из-за чего кто-то захотел ее убить?

– Что касается торговли наркотиками, я ничего не знаю. Но в ее прошлом было кое-что. Ужасное. – Она помедлила. – Наверно, мне не следует об этом говорить: Озмиан заставил меня подписать договор о конфиденциальности, включив его в условия по разделу имущества…

Ее голос смолк.

Гарриман почувствовал себя золотоискателем, чья кирка задела краешек золотой жилы. Теперь ему оставалось только покопаться вокруг и смахнуть пустую породу. Но он решил действовать осторожно; из собственного опыта он знал, что в подобных случаях молчание дает лучший результат, чем наводящие вопросы. Люди чувствуют побуждение говорить в эту тишину. Он сделал вид, что просматривает свои записи, ожидая, когда две порции мартини сделают свое дело.

– А впрочем, я могу вам сказать. Теперь могу. Теперь, когда ее нет, тот договор утратил силу, вы так не считаете?

И снова он ответил молчанием. Брайс был достаточно умен, чтобы не отвечать на такие вопросы.

– Уже к концу нашего брака… – Изольда сделала глубокий вдох, – Грейс, пьяная и обкурившаяся, сбила восьмилетнего мальчика. Мальчик впал в кому. Две недели спустя он умер. Просто кошмар. Его родителям пришлось отключать его от системы жизнеобеспечения.

– О нет, – с искренним ужасом произнес Гарриман.

– О да.

– И что случилось потом?

– Папочка ее отмазал.

– Каким образом?

– Ловкий адвокат. Деньги.

– А где это случилось?

– В Беверли-Хиллс. Где же еще? Пришлось стереть все записи. – Она замолчала, допила свою вторую порцию и с видом победительницы стукнула стаканом о столешницу. – Но для нее все это уже не важно. Похоже, фортуна все-таки отвернулась от Грейс Озмиан.

9

Кабинет Говарда Лонгстрита в большом здании ФБР на Федерал-плаза был точно таким, каким Пендергаст его помнил: скупо украшенный, заставленный шкафами с книгами по всем мыслимым отраслям знаний – и без единого компьютера. Часы на стене сообщали каждому, кто интересовался, что сейчас без десяти пять. Благодаря двум потертым «ушастым» креслам и маленькому чайному столику на иранском ковре ручной работы кабинет больше походил на гостиную в старинном английском мужском клубе, чем на кабинет в здании правоохранительной службы.

Лонгстрит сидел в одном из «ушастых» кресел, а рядом на столике стоял на подносе неизменный «Арнольд Палмер»[7]. Пошевелившись своим большим телом, Лонгстрит провел рукой по длинным седым волосам, потом той же рукой молча указал Пендергасту на другое кресло.

Пендергаст сел. Лонгстрит глотнул своего любимого напитка и поставил стакан на поднос. Он намеренно не предложил стаканчик Пендергасту.

Молчание длилось и длилось, и наконец исполнительный заместитель директора заговорил.

– Агент Пендергаст, – произнес он монотонным голосом. – Я хочу прямо сейчас услышать ваш доклад. Меня особенно интересует ваше мнение касательно того, были ли эти два убийства совершены одним лицом.

– Боюсь, я ничего не могу добавить к докладу по первому убийству, с которым вы уже знакомы.

– А по второму?

– Я им не занимался.

На лице Лонгстрита появилось недоуменное выражение.

– Не занимались? Почему, черт побери?

– Я не получал приказа расследовать его. Непохоже, что это федеральное дело, сэр, разве что эти два убийства связаны.

– Сукин сын, – пробормотал Лонгстрит, хмуро глядя на Пендергаста. – Но вам известно о втором убийстве.

– Да.

– И вы не думаете, что они связаны?

– Я предпочитаю не строить догадки.

– А вы постройте, черт побери! Мы имеем дело с одним убийцей или с двумя?

Пендергаст закинул ногу на ногу:

– Рассмотрим варианты. Первый: оба убийства совершил один и тот же киллер, после третьего его можно будет квалифицировать как серийного убийцу. Второй: убийца первой жертвы выкинул тело в гараж, а голова была отрезана не имеющим отношения к убийству человеком, который затем продолжил набивать руку обезглавливанием. Третий: второе убийство было простой попыткой подражания первому. Четвертый: убийства совершенно не связаны между собой, два обезглавливания – это случайное совпадение. Пятый…

– Хватит! – прервал его Лонгстрит, повысив голос.

– Мои извинения, сэр.

Лонгстрит отхлебнул из стакана, поставил его на прежнее место и вздохнул:

– Слушайте, Пендергаст… Алоизий, я бы солгал вам, если бы сказал, что назначил вас расследовать то первое убийство не в качестве наказания за ваше самовольное поведение на острове Идиллия в прошлом месяце. Но я готов закопать боевой топор. Потому что, если говорить откровенно, мне нужны ваши необыкновенные таланты для расследования дела. Оно уже начинает разрастаться как снежный ком, и вы наверняка знаете об этом из газет.

Пендергаст не ответил.

– Нам очень важно найти связь между двумя убийствами, если она существует. Или же, напротив, доказать, что никакой связи нет. Если мы имеем дело с серийным убийцей, то это может стать началом чего-то воистину ужасного. А серийные убийцы – ваша специализация. Проблема вот в чем: несмотря на наше громогласное заявление по первому телу, которое якобы было привезено из Джерси и выгружено в Куинсе, у нас нет никаких доказательств того, что дело и вправду федеральное, а потому расследование следует вести весьма деликатно с точки зрения соблюдения протокола. Я не могу официально подключить к расследованию кого-нибудь еще из наших агентов, пока нью-йоркская полиция не попросит об этом, а вы знаете, что ничего подобного не случится, пока речь не зайдет о терроризме. Поэтому мне

нужно, чтобы вы поехали туда и внимательно, пристально взглянули на второе убийство. Если это дело рук начинающего серийного убийцы, я хочу быть в курсе. Если это два разных убийства, то мы можем отойти в сторону и пусть полиция Нью-Йорка сама все расхлебывает.

– Я вас понимаю, сэр.

– Может, хватит уже с этим вашим «сэром»?

– Хорошо.

– Я знаю капитана Синглтона, он парень надежный, но он не станет долго терпеть наше вмешательство, если не будет четкого федерального предписания. Еще я знаю, что у вас долгая история отношений с лейтенантом… как его?.. Д'Агостой.

Пендергаст кивнул.

Лонгстрит посмотрел на него долгим оценивающим взглядом:

– Поезжайте на место второго убийства. Выясните, тот ли это человек или нет, и доложите мне.

– Хорошо.

Пендергаст начал было вставать, но Лонгстрит поднял руку, останавливая его:

– Я вижу, что вы не похожи на самого себя. Алоизий, мне нужно, чтобы вы работали на сто процентов ваших способностей. Если вам что-то препятствует, я должен знать. Потому что в этих убийствах есть что-то… не знаю… странное для меня.

– В каком смысле?

– Не могу нащупать, но мое чутье редко меня подводит.

– Понятно. Не сомневайтесь, я сделаю все, что в моих силах.

Лонгстрит откинулся назад в кресле, небрежно махнув рукой. Пендергаст встал, бесстрастно кивнул, повернулся и вышел из кабинета.

10

Час спустя Пендергаст вернулся в свое жилище из трех смежных квартир в «Дакоте»[8] с окнами, выходящими на Сентрал-Парк-Уэст и Западную Семьдесят вторую улицу. Несколько минут он беспокойно перемещался по многочисленным комнатам, брал в руки какой-нибудь предмет искусства, клал его на место, наливал себе стакан шерри, но забывал его на буфете. Странно, но в последние дни он не находил никакого удовольствия в тех вещах, которые раньше вызывали у него

интерес и воодушевление. Встреча с Лонгстритом в каком-то смысле выбила его из колеи, – точнее, не сама встреча, а прощупывающие и раздражающие замечания, которыми она закончилась.

«Я вижу, что вы не похожи на самого себя».

При этом воспоминании Пендергаст нахмурился. Из своего опыта занятий чонгг ран он знал, что именно те мысли, которые ты изо всех сил стараешься прогнать из головы, будут постоянно возвращаться к тебе. Лучший способ не думать о чем-то состоит в том, чтобы полностью принять это в себя, а потом выращивать безразличие к нему.

Перейдя из помещений, предназначенных для посетителей, на свою личную половину, Пендергаст направился в кухню, где на языке жестов обсудил со своей глухонемой домработницей мисс Ишимура меню обеда на этот вечер. В конце концов их выбор пал на блины окономийаке из батата, свиную грудинку и осьминога.

Прошло три недели с того дня, как воспитанница Пендергаста Констанс в одночасье собралась и покинула их дом на Риверсайд-драйв, 891, – уехала в отдаленный монастырь в Индии, где воспитывался ее маленький сын. После ее отъезда Пендергаст впал в совершенно нехарактерное для него эмоциональное состояние. Но по мере того, как шли дни и недели, голоса, звучавшие в его голове, замолкали один за другим, и наконец остался всего один голос – тот, который находился в самой сердцевине его странного беспокойства.

«Ты можешь любить меня так, как я этого хочу? Как мне это нужно?»

Пендергаст с неожиданной яростью прогнал этот голос.

– Я справлюсь, – пробормотал он себе под нос.

Выйдя из кухни, он прошел по коридору в крошечную, аскетическую комнату без окон, немногим отличающуюся от монашеской кельи. Там стоял только простой деревянный стол, не покрытый лаком, и стул с прямой спинкой. Пендергаст сел, открыл единственный ящик стола, осторожно вытащил оттуда и положил на столешницу три предмета: записную книжку в твердом переплете, камею и расческу. Он посидел немного, разглядывая каждый из них по очереди.

«Я тебя люблю. Но ты ясно дал понять, что не отвечаешь мне любовью».

Записная книжка была изготовлена во Франции, под оранжевой обложкой из итальянской искусственной кожи скрывались пустые страницы веленевой писчей бумаги из Клерфонтена, идеальные для письма авторучкой. Исключительно такими записными книжками пользовалась Констанс в последние десять лет, с того времени как почтенный английский поставщик дневников в кожаных обложках

оставил бизнес. Пендергаст нашел эту книжку в одной из ее личных комнат в нижнем подвале особняка: это был один из ее последних дневников, оставшийся незаконченным из-за ее неожиданного отъезда в Индию.

Пендергаст еще не открывал его.

Затем он взял старинную расческу из панциря черепахи и старую изящную камею в обрамлении желтого восемнадцатикаратного золота. Камея, насколько ему было известно, была изготовлена из ценного сардоникса Cassis madagascariensis – раковины морского моллюска семейства шлемовидки.

Оба предмета входили в число самых любимых вещей Констанс.

«Зная то, что я знаю, сказав то, что я сказала… Продолжение жизни под этой крышей будет для меня невыносимо».

Пендергаст взял эти три предмета и вышел из комнаты. Пройдя по коридору, он открыл невзрачную дверь, которая вела в третью, самую тайную из его квартир. За дверью находилась маленькая комната, в противоположной стене которой была не дверь, а сёдзи – сдвижная перегородка из дерева и рисовой бумаги. А за сёдзи, скрытый в глубине массивных стен старого красивого многоквартирного дома, раскинулся чайный сад, воссозданный Пендергастом точно по имевшимся описаниям.

Он медленно задвинул за собой перегородку и остановился, прислушиваясь к тихому воркованию голубей и вдыхая запах эвкалиптов и сандалового дерева. Всё здесь: петляющая между растениями дорожка, вымощенная плоскими камнями, карликовые сосны, водопад, чайный домик, почти невидимый в зарослях зелени впереди, – все было покрыто пятнами неяркого отраженного света.

Наконец Пендергаст зашагал по дорожке мимо каменных фонарей к тясицу – чайному домику. Пригнувшись, он вошел в тесное пространство тясицу. Закрыв за собой садоугути (дверь) чайного домика, он осторожно положил три предмета, которые принес сюда, и огляделся, чтобы убедиться, что все необходимое для чайной церемонии – мидзусаси[9], венчики, черпаки, жаровня, металлический чайник кама – на месте. Он поставил чашу для чая и контейнер с зеленым порошковым чаем маття на нужные места, потом уселся на коврик татами. На последующие тридцать минут он полностью погрузился в церемонию: исполнил ритуал очищения различной утвари, вскипятил воду, подогрел чайную чашу тяван и наконец, зачерпнув горячую воду и вылив ее в чашу, насыпал надлежащую пропорцию маття. Только тогда, после всех окончательных приготовлений, выполненных чуть ли не с благоговейной точностью, он попробовал чай, отпивая его крошечными

глотками. При этом он позволил себе – в первый раз почти за целый месяц – в полной мере ощутить скорбь и вину, которые полностью завладели его сознанием, а затем медленно отступили.

Когда к нему вернулось спокойствие, Пендергаст осторожно и сосредоточенно прошел последние шаги церемонии, повторно очистив утварь и возвратив ее на надлежащие места. Теперь он снова посмотрел на три предмета, которые принес с собой. Немного помедлив, он взял записную книжку, открыл ее наугад в первый раз и позволил себе прочесть один абзац. Сквозь написанные Констанс слова мгновенно проступила ее личность: ее язвительный тон, холодный ум, ее немного циничный, немного жуткий взгляд на мир – и все это пропущенное через систему представлений девятнадцатого века.

Для него стало большим облегчением то, что он мог теперь читать этот дневник с некоторой степенью отстраненности.

Пендергаст положил дневник рядом с расческой и камеей: простые голые стены и пол чайного домика представлялись ему наилучшим местом для этих вещей, и, возможно, в не столь отдаленном будущем он вернется сюда созерцать их и их хозяйку. Но сейчас его ждали другие дела.

Он покинул тясицу, прошел по дорожке, вышел из сада и быстрым уверенным шагом направился по длинному ряду коридоров к входной двери в апартаменты. На ходу он вытащил из кармана пиджака телефон и в одно нажатие набрал номер:

– Винсент? Будьте добры, приезжайте в дом Кантуччи. Я готов к той прогулке, о которой вы говорили.

Убрав телефон в карман, он надел пальто из викуньи и вышел из квартиры.

11

Д’Агоста вовсе не был в восторге оттого, что ему пришлось вернуться на место преступления практически посреди ночи, пусть даже ради встречи с Пендергастом, который наконец-то соизволил осмотреть это место. Сержант Карри впустил лейтенанта в дом, а мгновение спустя д’Агоста увидел огромный винтажный «роллс» Пендергаста – машина с Проктором за рулем подъехала к бортовому камню. Специальный агент вышел из машины и проскользнул мимо Карри.

– Добрый вечер, мой дорогой Винсент.

Они двинулись по коридору.

– Видите все эти камеры наблюдения? – спросил д’Агоста. – Преступник хакнул систему безопасности, обошел все защиты.

– Я хотел бы увидеть доклад.

– У меня для вас все собрано, – сказал д’Агоста. – Судебная экспертиза, волосы, волокна, отпечатки – что угодно. Сержант Карри даст вам материалы на выходе.

– Отлично.

– Проникновение произошло через входную дверь, – продолжил д’Агоста. – Преступник взломал систему сигнализации, и она сама его впустила. Он много перемещался по дому. Вот как развивались события, насколько мы понимаем. Похоже, что, когда убийца вошел, Кантуччи проснулся. Мы думаем, что Кантуччи подошел к монитору и увидел убийцу внизу. Он надел халат, взял свой пистолет – «беретту» калибра девять миллиметров. Предположив, что преступник поднимается наверх в лифте, он произвел несколько выстрелов через дверь, когда кабина поднялась на его этаж, но обнаружил, что убийца обманул его, отправив наверх пустую кабину. Тогда Кантуччи, вероятно, вернулся к монитору, а затем спустился на третий этаж, где преступник возился с сейфом, в котором лежит скрипка Страдивари. И тут Кантуччи попал в засаду и был убит тремя стрелами, выпущенными из лука одна за другой прямо ему в сердце. Потом преступник обезглавил его, практически в тот момент, когда сердце перестало биться, если верить патологоанатому.

– Процесс, наверное, был довольно кровавым.

Не вполне поняв, что хотел сказать Пендергаст, д’Агоста пропустил его слова мимо ушей.

– Потом преступник поднялся на чердак, где расположен сейф, в котором находится система сигнализации, открыл его с помощью украденного кода, достал жесткие диски и ушел. Он покинул дом через ту же дверь, через которую вошел. Наш специалист утверждает, что проделать все это мог только служащий охранной компании, настоящий или бывший. Все это вы найдете в докладе.

– Отлично. Давайте тогда начнем. Этаж за этажом, все комнаты на каждом этаже, даже если в них ничего не происходило.

Д’Агоста провел Пендергаста через кухню и гостиную, открывая по его просьбе все двери. Потом они поднялись по лестнице на второй этаж, обошли его, то же самое проделали на третьем. На этом этаже и происходило почти все действие. В задней части узкого таунхауса находились две комнаты, а спереди – одна большая гостиная.

– Убийство произошло в дверях музыкальной комнаты, – сказал д’Агоста, показывая на стену, к которой стрелы пригвоздили убитого.

На стенной панели виднелись следы широкого потока крови, начинающиеся от трех отметин-расщепов; на ковре у стены тоже осталось огромное пятно засохшей крови. Здесь Пендергаст остановился, опустился на колени. Используя фонарик-авторучку, он принялся разглядывать следы, время от времени доставая из кармана пиджака маленькую пробирку, укладывая в нее что-то с помощью пинцета и закрывая пробкой. Потом он вставил лупу в глазницу и принялся изучать ковер и следы от стрел в панели. Д’Агоста не стал напоминать ему, что криминалисты уже прочесали здесь все до последнего дюйма, – он был свидетелем того, как Пендергаст находил улики даже в тех местах, которые были исследованы самым доскональным образом.

Закончив с тем местом, где непосредственно произошло убийство, Пендергаст все так же молча, медленно и с мучительной тщательностью осмотрел всю музыкальную комнату, сейф и две другие комнаты на этом этаже таунхауса. После чего они поднялись на верхние этажи, затем на чердак. Там Пендергаст опять опустился на четвереньки в пыли перед сейфом и внутри его, отбирая в свои пробирки все новые и новые пробы.

Он выпрямился, насколько это позволял низкий чердачный потолок.

– Занятно, – пробормотал он, – весьма занятно.

Д’Агоста понятия не имел, что такого занятного увидел здесь Пендергаст, но знал, что спрашивать бесполезно, ответа все равно не получишь.

– Как я уже говорил, это должен быть кто-то из «Шарпс энд Гунд». Преступник точно знал, как работает система. «Точно знал» – это не пустые слова.

– Отличная ниточка, за которую можно начать тянуть. Кстати… касательно другого убийства. У вас есть еще какие-нибудь новости по делу о дочери?

– Да. Нам удалось получить копии нескольких засекреченных документов из полицейского отделения Беверли-Хиллс. Около восемнадцати месяцев назад Грейс Озмиан убила мальчика, находясь за рулем в нетрезвом состоянии. Сбила его и скрылась. Озмиан отмазал ее с помощью совершенно казуистических юридических уверток. Семье мальчика пришлось нелегко – они получали угрозы.

– Еще одна очевидная ниточка.

– Конечно. Мать мальчика покончила с собой. Отец вроде бы уехал на восток. Мы пытаемся его найти, чтобы поговорить.

– Вы считаете его подозреваемым?

– У него была сильная мотивация.

– Когда он уехал на восток?

– Месяцев шесть назад. Мы утаиваем эту информацию по очевидным причинам, пока он не будет обнаружен.

Они вернулись на первый этаж, и Пендергаст обратился к Карри и небольшой группе полицейских, стоявших рядом с ним:

– Я бы хотел посмотреть эти документы прямо сейчас, если не возражаете.

Карри достал из портфеля папку-гармошку и протянул Пендергасту. Агент мгновенно уселся на стул, открыл папку и принялся листать, вытаскивая документы, просматривая их, потом быстро возвращая на место.

Д'Агоста украдкой взглянул на часы. Десять минут первого.

– Мм, – сказал он. – Документов тут много. Может, вы хотите взять папку домой? Она вся ваша.

Пендергаст поднял голову, в его серебристых глазах загорелись недовольные искорки.

– Прежде чем я уеду, я бы хотел убедиться, что ничего не упустил.

– Хорошо, хорошо.

Д'Агоста погрузился в молчание, а Пендергаст продолжил листать документы. Все ждали с возрастающим нетерпением, пока минуты шли одна за другой.

Внезапно Пендергаст поднял голову:

– А где сотовый телефон мистера Кантуччи?

– В отчете говорится, что его не нашли. Звонки на него уходят в голосовую почту. Телефон выключен. Мы не знаем, куда он делся, этот чертов телефон.

– Он должен был лежать на прикроватном столике, рядом с зарядным устройством.

– Наверное, Кантуччи забыл его где-нибудь.

– Вы обыскивали его офис?

– Да.

– Наш мистер Кантуччи дважды был предметом рассмотрения большого жюри, раз десять полиция получала ордер на обыск в доме, я уже не говорю о многочисленных угрозах убить его. Он бы никогда не выпустил свой сотовый телефон из вида. Никогда.

– Ладно. И что вы хотите этим сказать?

– Убийца забрал его телефон. Забрал *до* убийства.

– С чего вы взяли?

– Убийца поднялся наверх, взял его телефон с прикроватного столика, пока Кантуччи спал, а потом вернулся на первый этаж.

– Нелепица какая-то. Если он это сделал, то почему не убил Кантуччи прямо там, пока тот спал?

– Превосходный вопрос.

– Может быть, он забрал телефон у мертвого Кантуччи?

– Невозможно. Как только мистер Кантуччи понял, что в дом кто-то проник, он сразу же набрал бы «девять-один-один». Отсюда неизбежен вывод о том, что при нем не было сотового, когда он проснулся и начал преследовать убийцу.

Д’Агоста покачал головой.

– Есть еще одна нерешенная загадка, Винсент.

– Какая?

– Почему убийца потратил столько усилий на то, чтобы вывести из строя систему сигнализации, но оставил работать камеры наблюдения?

– Это легкий вопрос, – ответил д’Агоста. – С помощью камер преступник наблюдал за перемещениями жертвы – знал, где в доме находится Кантуччи.

– Но, изымая у жертвы телефон, он и без того знал, где находится Кантуччи: спит в кровати.

Получалось, что Пендергаст прав в своем безумном предположении, будто убийца взял сотовый и вернулся на первый этаж, не убив Кантуччи на месте.

– Прошу прощения, но я с этим не согласен, – возразил д’Агоста.

– Подумайте, что сделал наш мистер Кантуччи, когда проснулся. Он не позвонил в «девять-один-один», потому что не смог найти свой сотовый. Он понял, что система сигнализации отключена, но камеры работают. Он немедленно достал пистолет и использовал камеры наблюдения, чтобы обнаружить преступника. Нашел его и увидел, что тот вооружен охотничьим луком. А у нашего мистера Кантуччи был пистолет с магазином на пятнадцать патронов, и к тому же он был отличным стрелком. Из ваших документов следует, что он нередко выигрывал соревнования по стрельбе из пистолета. Кантуччи решил, что его пистолет и мастерство намного превосходят охотничий лук незваного гостя. Это побудило его начать охоту самому, и я утверждаю, что убийца хотел именно такого развития событий. Это была ловушка. Жертву застали врасплох и убили.

– Откуда вы все это знаете?

– Мой дорогой Винсент, убийство не могло произойти никаким иным способом! Весь сценарий был тщательно проработан человеком, который на протяжении всего времени действовал спокойно, методично и без спешки. Это не профессиональный киллер. Это кто-то гораздо более изощренный.

Д'Агоста пожал плечами. Если Пендергаст хочет идти окольными путями, что ж, это его право – ему не впервой.

– Позвольте спросить еще раз: если справедливо ваше предположение насчет сотового телефона, то почему просто не убить этого парня в его постели?

– Потому что цель преступника состояла не в том, чтобы просто убить.

– Тогда в чем?

– А это, мой дорогой Винсент, и есть тот самый вопрос, на который мы должны ответить.

12

В шесть часов утра Антон Озмиан завтракал в своем кабинете: кружка органического чая пуэр, яичница из белков двух уток породы индийский бегун и кусочек горького стопроцентного шоколада весом в одну унцию. Меню завтрака оставалось неизменным вот уже десять лет. В течение рабочего дня Озмиану приходилось принимать много нелегких деловых решений, и для компенсации он так организовал свою жизнь, чтобы в ней необходимость принятия решений сводилась к минимуму – начиная с завтрака.

Он ел в одиночестве в своем кабинете, окна которого выходили на Гудзон, чья водная гладь в красноватом предутреннем свете напоминала

полотно из жидкой стали. Раздался негромкий стук в дверь, помощник вошел с пачкой утренних газет, положил их на гранитный стол и беззвучно исчез. Озмиан перебрал газеты, просматривая заголовки в обычном порядке: «Уолл-стрит джорнал», «Файнэншл таймс», «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк пост».

«Пост» был последним в его списке, и он читал эту газету не ради новостей, а из антропологического интереса. Когда его глаза остановились на первой странице и ее обычном заголовке, набранном крупным шрифтом, Озмиан замер.

УБИЙСТВО НА ДОРОГЕ

Пьяная дочь Озмиана в прошлом сбила человека и сбежала

Автор Брайс Гарриман

Грейс Озмиан, недавно убитая и обезглавленная дочь интернет-магната Антона Озмиана, на своем «БМВ X6 Тайфун» в июне прошлого года сбила в Беверли-Хиллс восьмилетнего мальчика. Она сбежала с места происшествия, оставив мальчика умирать на улице. Свидетель записал номер машины, и местная полиция остановила и арестовала ее в двух милях от места, где был сбит мальчик. Анализ крови показал содержание алкоголя в крови в количестве 0,16 промилле, что в два раза больше разрешенного.

Ее отец, миллиардер и генеральный директор фирмы «ДиджиФлад», нанял для защиты дочери команду адвокатов в одной из самых дорогих адвокатских фирм Лос-Анджелеса «Кросби, Уилан энд Пул». Грейс Озмиан была приговорена всего к ста часам общественных работ, а данные по делу засекретили. Ее общественная работа состояла в намазывании масла на тосты и подаче блинчиков в приюте для бездомных Лос-Анджелеса два раза в неделю по утрам…

Руки Озмиана стали дрожать, когда он начал читать, и дрожали до последнего слова. Вскоре дрожь усилилась настолько, что ему пришлось положить газету на стол, чтобы закончить чтение. Прочитав статью, он поднялся и, закричав от ярости, схватил стеклянную кружку с чаем и швырнул ее через весь кабинет прямо в картину Джаспера Джонса, изображающую американский флаг. Стакан разбился, прорезал холст и оставил на нем коричневые брызги.

В дверь тут же торопливо постучали.

– Не лезь ко мне! – прокричал Озмиан.

Оглядевшись вокруг, он схватил двухфунтовый железоникелевый метеорит и швырнул его в полотно Джонса, и космический бродяга разорвал картину на две части и сбросил со стены. Наконец Озмиан

вцепился в маленькую бронзовую скульптуру Бранкузи и нанес пострадавшей картине, лежащей теперь на полу, еще несколько кромсающих ударов, завершив ее уничтожение.

Он остановился, тяжело дыша, и уронил Бранкузи на пол. Уничтожение картины, которая обошлась ему в двадцать один миллион долларов на аукционе «Кристи», имело положительный эффект в том смысле, что помогло ему справиться со вспышкой ярости. Озмиан стоял неподвижно, контролируя дыхание и дожидаясь, когда уровень адреналина понизится и сердечный ритм вернется к норме. Почувствовав, что вновь обрел психологически устойчивое состояние, он вернулся к гранитному столу и снова занялся статьей в «Пост». При первом чтении он упустил одну существенную деталь – фамилию автора.

Теперь он ее нашел: Брайс Гарриман. *Брайс Гарриман.*

Озмиан нажал кнопку интеркома:

– Джойс, я хочу немедленно видеть Изабель у себя в кабинете.

Он подошел в картине и посмотрел на нее. Невосполнимая потеря. Двадцать один миллион долларов, и, конечно, никто никакой страховки ему не выплатит, ведь он сам растерзал картину. Но процесс ее уничтожения принес Озмиану странное удовлетворение. Все эти миллионы долларов ничуть не утихомирили океан его гнева. Брайс Гарриман очень скоро поймет, насколько глубок этот океан, потому что, если возникнет такая нужда, он, Озмиан, утопит в нем этого ублюдка.

13

Будучи при исполнении служебных обязанностей, д’Агоста категорически отказался ехать в «роллс-ройсе» Пендергаста – как это будет выглядеть? – и в результате специальный агент, молчаливый и недовольный, поехал с ним на служебной машине. Д’Агоста довольно длительное время не сотрудничал с Пендергастом так тесно и забыл, каким геморроем бывает этот агент ФБР.

Пока сержант Карри вез их по Лонг-Айлендской скоростной автомагистрали, д’Агоста развернул номер «Пост», купленный сегодня утром, и снова взглянул на кричащий заголовок. Синглтон отчитал его сегодня утром за то, что он не поговорил с Изольдой Озмиан прежде Гарримана и не предостерег ее от разговоров с прессой. Статейка была выстроена весьма умело, для того чтобы привлечь внимание публики, повысить уровень истерии и обеспечить Гарриману в будущем постоянный поток «эксклюзивных» историй. Утром она погрузила д’Агосту в свирепое настроение, которое с течением времени только ухудшалось. Он убеждал себя, что ничего не может с этим поделать, что должен двигаться дальше и как можно быстрее размотать дело. Его

люди уже отыскали отца погибшего мальчика: он обосновался в Пирмонте, штат Нью-Йорк, и работал там барменом. После того как они закончат беседу на Лонг-Айленде, Пирмонт станет следующим пунктом назначения д’Агосты.

Когда они подъехали к полупустому моллу в Джерико, где находился офис компании «Шарпс энд Гунд», д’Агоста удивился тому, что столь серьезное предприятие, специализирующееся на охранном бизнесе, имеет штаб-квартиру в подобном месте. Судя по всему, на этом участке в дальнем конце молла прежде размещался самый привлекательный магазин торгового центра, и на опустевшей наружной стене можно было даже разглядеть полустертую надпись «Сирс». Ничто не свидетельствовало о том, что это пространство вообще занято, кроме ряда машин – очень неплохих машин – на зарезервированной парковке. Похоже, компания «Шарпс энд Гунд» не просто не стремилась привлекать к себе внимание, а старалась быть практически невидимой.

Сержант Карри припарковался на месте для гостей, и они выбрались из машины. День стоял холодный, серый, и, пока они шли к двойным стеклянным дверям, резкий ветер гонял перед ними по тротуару старый пластиковый пакет. Здесь наконец обнаружился небольшой логотип «Шарпс энд Гунд». Скромный, но сделанный со вкусом.

Двери не были заперты. Д’Агоста прошел внутрь, Пендергаст и Карри последовали за ним и оказались в элегантном строгом холле, отделанном полированной древесиной твердых пород. За приемной стойкой длиной в двадцать футов сидели три секретаря, которые ничего не делали, а просто ждали, сложив руки.

– Нью-йоркская полиция и ФБР к Джонатану Ингмару, – сказал д’Агоста, наклоняясь над стойкой и показывая свой жетон. – У нас назначена встреча.

– Конечно, джентльмены, – откликнулась одна из секретарей. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Д’Агоста остался стоять, Пендергаст и Карри тоже. Они ждали у стойки, пока секретарь разговаривала по телефону.

– Сейчас кто-нибудь выйдет, – сказала она с ярко-красной помадной улыбкой. – Всего через несколько минут.

Услышав это, Пендергаст направился в зону ожидания, сел, положив ногу на ногу, взял журнал и принялся листать. Его невозмутимость почему-то вызвала у д’Агосты раздражение. Он немного потоптался у стойки, потом все-таки пошел и сел напротив агента:

– Пожалуй, он еще заставит нас ждать.

– Именно это он и сделает. Мой прогноз – минимум тридцать минут.

– Чушь собачья. В таком случае я просто пойду туда.

– Вы не пройдете через баррикады запертых дверей и натасканных, как питбули, помощников.

– Тогда мы пришлем ему повестку, и он как миленький притащится к нам давать показания.

– У таких людей, как исполнительный директор «Шарпс энд Гунд», есть адвокаты, которые будут максимально тянуть резину и ставить вам препоны.

Пендергаст перевернул еще одну страницу единственного журнала в зоне ожидания. Д'Агоста отметил, что это «Пипл» и что внимание агента привлекла статья о Кардашьянах.

Д'Агоста вздохнул, свернул номер «Пост» и засунул в карман, скрестил руки на груди и откинулся на спинку кресла. Сержант Карри остался стоять с непроницаемым лицом.

Прошло не полчаса, а добрых сорок пять минут. Наконец за ними явился невысокий тощий человек с бородкой, в хипстерской шляпе и черной шелковой рубашке. Они проследовали сквозь череду еще более элегантных строгих кабинетов, прежде чем предстали перед Джонатаном Ингмаром. В его белом, почти пустом кабинете не было никаких электронных приборов, если не считать старомодного телефона на столе площадью с добрый гектар. Ингмар оказался худощавым человеком лет пятидесяти, с мальчишеским лицом и копной непокорных светлых волос. У него на лице было написано оскорбительно веселое выражение.

К этому времени д'Агоста был уже на грани безумия и прикладывал серьезные усилия, чтобы не сорваться. Его бесило, что столь длительное ожидание ничуть не взволновало и не озаботило Пендергаста.

– Мои извинения, джентльмены, – сказал исполнительный директор «Шарпс энд Гунд», помахав идеально наманикюренной рукой, – но день выдался напряженный. – Он посмотрел на часы. – Могу уделить вам пять минут.

Д'Агоста включил портативный диктофон, поставил его на стол, потом достал блокнот и раскрыл его:

– Нам нужен список всех бывших и нынешних работников, которые работали с Кантуччи или имели доступ к его аппаратуре.

– К сожалению, лейтенант, наши персональные сведения конфиденциальны.

– Тогда мы получим судебный ордер.

Ингмар развел руками:

– Если вы сможете получить такой ордер, мы, естественно, подчинимся закону.

– Послушайте, мистер Ингмар, очевидно, что убийство Кантуччи – дело рук кого-то из своих, оно спланировано и осуществлено человеком, который работал на вашу компанию и имел доступ к вашему программному коду. Мы будем очень недовольны, если вы станете препятствовать следствию.

– Это чистые домыслы, лейтенант. У меня тут строжайшая дисциплина. Мои работники проходят такую же проверку, как рекруты ЦРУ, если не более серьезную. Могу вас заверить, что вы идете по ложному следу. Вы, конечно, понимаете, что компания, занимающаяся вопросами безопасности, должна быть осторожной относительно информации о своих служащих?

Д’Агосте очень не понравился тон этого человека.

– Значит, не хотите по-доброму, Ингмар? Если вы не начнете сотрудничать с нами прямо сейчас, мы получим судебный ордер и затребуем анкетные данные ваших работников со времен Джорджа Вашингтона – и вам придется таскать вашу задницу на допросы в Уан-Полис-Плаза.

Он замолчал, тяжело дыша. Ингмар посмотрел на него ледяным взглядом:

– Милости прошу. Ваши пять минут истекли, джентльмены. Мистер Блаунт проводит вас.

Снова появился энергичный хипстер, но тут Пендергаст, который до тех пор не произнес ни слова и не выказывал никакого интереса к разговору, неожиданно обратился к д’Агосте:

– Вы позволите взглянуть на этот номер «Пост»?

Д’Агоста передал ему газету, недоумевая, зачем она понадобилась Пендергасту. Агент ФБР развернул газету перед Ингмаром и поднес к его лицу:

– Вы, конечно, читали сегодняшний номер «Пост»?

Ингмар с отвращением схватил газету, посмотрел на нее и отшвырнул в сторону.

– Но вы не прочли статью Брайса Гарримана на первой странице!

– Меня это не интересует. Блаунт, проводите их.

– А вам следовало бы поинтересоваться, потому что завтра на первой странице будет статья про вашу компанию и про вас.

Наступила гробовая тишина. Через несколько секунд Ингмар заговорил:

– Вы угрожаете сливом информации в прессу?

– Сливом? Вовсе нет. В данном случае правильное слово – «информирование». Публика требует информации об убийстве Кантуччи. Мэр Делилло озабочен. Правоохранительные службы обязаны держать общество в курсе того, как продвигается расследование. Вы и ваша компания будете показательным примером нашего продвижения.

– Что вы имеете в виду?

– Согласно основной версии следствия, убийца работал в вашей компании. В *вашей* компании. Таким образом, вы сами становитесь заинтересованным лицом. Вам нравится выражение «заинтересованное лицо»? Оно так богато скрытыми смыслами, содержит столько неясных намеков, ничего на самом деле не утверждая.

К удовлетворению д’Агосты, лицо Джонатана Ингмара переменилось весьма примечательно: надменная самоуверенность исчезла под набухшими венами и покрасневшей кожей.

– Это чистейшая клевета. Я вас засужу – пожалеете, что на свет родились.

– Это было бы клеветой, если бы не было правдой. А это правда: в данном деле вы действительно заинтересованное лицо, особенно после вашего дерзкого отказа сотрудничать с нами. Я уже не говорю о том, что вы заставили нас прождать в холле сорок пять минут в компании с Кардашьянами.

– Вы мне угрожаете?

Пендергаст издал пренебрежительный смешок:

– И как это вы сообразили?

– Я вызываю моего адвоката.

Но прежде, чем Ингмар сделал что-нибудь, Пендергаст достал сотовый и набрал номер:

– Отдел городских новостей? Пожалуйста, свяжите меня с мистером Гарриманом.

– Постойте! Хватит. Отключите телефон.

Пендергаст нажал кнопку на телефоне:

– А теперь, мистер Ингмар, не могли бы вы уделить нам еще несколько минут, а может быть, и часов вашего драгоценного времени? Давайте начнем с тех, кто устанавливал систему у Кантуччи. Я очень рад, что процесс отбора служащих в вашей компании сравним с ЦРУ. Пожалуйста, принесите досье на этих людей. Кстати, ваше досье нам тоже понадобится.

– Я подниму страшный шум. Помяните мои слова.

Тут заговорил д’Агоста. Его мрачное настроение начало улетучиваться.

– Посмотрим, Ингмар, посмотрим. Как вы только что сказали? «Милости прошу»? Спасибо, вы очень любезны. Так что несите эти досье, и побыстрее.

14

Карри высадил Пендергаста у «Дакоты» (агент ФБР привел какие-то туманные объяснения, почему он не может поехать с ними в Пирмонт, на разговор с отцом погибшего мальчика), а сам с д’Агостой поехал по Вест-Сайд-хайвею, через мост Джорджа Вашингтона и дальше по Палисейд-паркуэй. Городок Пирмонт, штат Нью-Йорк, располагался возле магистрали 9W на западном берегу Гудзона, неподалеку от границы с Нью-Джерси. Карри был самым неразговорчивым из сержантов, за что д’Агоста был ему благодарен. Пока Карри вел машину, д’Агоста просмотрел досье, которые они скопировали в «Шарпс энд Гунд».

Систему в доме Кантуччи устанавливали два техника. Один все еще работал в компании и казался совершенно чистым; другой уволился четырьмя месяцами ранее. Вернее, его уволили. Фамилия его была Лэшер, и, когда он поступил в компанию пять лет назад, его анкета была чиста, но в последний год он, похоже, покатился под гору. В досье было множество предупреждений за опоздания, за несколько некорректных политических высказываний и за два неприличных замечания, обращенных к коллегам-женщинам, о чем они сами и сообщили начальству. Заканчивалось досье описанием инцидента с Лэшером, подробности не указывались, упоминалась только какая-то «яростная тирада», что и привело к его немедленному увольнению.

Пока Карри прокладывал путь через заторы на дорогах, настроение у д’Агосты, который сидел, откинувшись на спинку сиденья, улучшалось все больше. Этот тип, Лэшер, очень подходил на роль главного подозреваемого в убийстве Кантуччи. Недовольный жизнью мерзавец вполне мог отомстить выгнавшей его компании. Возможно, Лэшер сам

убил Кантуччи, а может, стал сообщником убийцы, продав свои инсайдерские знания. В любом случае это была чертовски хорошая ниточка, и надо постараться допросить этого типа как можно скорее.

Теперь д’Агоста более, чем когда-либо, был убежден, что два произошедших убийства никак не связаны и расследовать их нужно по отдельности. И вот вам доказательство: следствие в двух этих случаях шло совершенно разными путями. Отец погибшего мальчика Джори Бо, к которому они сейчас ехали, явно был заинтересован в убийстве Озмиан. Для д’Агосты это может стать двойной победой – раскрытие двух крупных дел одновременно. Если он и после этого не получит повышения, то не получит его никогда.

Он повернулся к Карри:

– Давай-ка я введу тебя в курс дела по этому парню в Пирмонте – Бо. Погибший мальчик был его единственным ребенком. Грейс Озмиан, совершившая наезд и сбежавшая с места происшествия, и есть та самая жертва, смерть которой мы расследуем. Тот случай практически сошел ей с рук. После смерти мальчика семья распалась. Мать стала алкоголичкой и в конечном счете покончила с собой. Отец какое-то время провел в клинике для душевнобольных и потерял свой ландшафтный бизнес в Беверли-Хиллс. Полгода назад он переехал на восток. Работает в баре.

– Почему на восток? – спросил Карри. – У него здесь семья?

– Мне об этом не известно.

Карри еще раз кивнул. Это был крупный парень с круглой головой и коротко стриженными рыжеватыми волосами. Выглядел он не очень умным, да и говорить был не мастак, но д’Агоста в конечном счете пришел к выводу, что сержант умен, чертовски умен. Просто он не открывал рта, когда ему нечего было сказать.

Они съехали с Палисейд-паркуэй на магистраль 9W и направились на север. До часа пик было еще далеко, и уже через несколько минут они добрались до Пирмонта. Это был очаровательный городок на Гудзоне, с пристанью вдоль гигантской дамбы, которая и дала городу имя[10], с прелестными деревянными домами, разместившимися на холмах над рекой, и с великолепным видом на мост Таппан-Зи. Д’Агоста вытащил сотовый и вызвал «Гугл-карты».

– Бар называется «Источник». Нам нужно на Пирмонт-авеню.

Он указал Карри направление, и вскоре они подъехали к привлекательному на вид питейному заведению, вышли из машины и двинулись ко входу, сгибаясь под порывами буйного ветра с Гудзона. В четверть пятого бар почти пустовал, за стойкой скучал бармен –

крупный человек с телосложением портового грузчика, в майке без рукавов, с мощными руками в татуировках.

Д’Агоста подошел к бару, вытащил свой полицейский жетон и положил на стойку:

– Лейтенант д’Агоста, отдел по расследованию убийств нью-йоркской полиции. Это сержант Карри. Мы ищем Джори Бо.

Крупный человек уставился на них холодными голубыми глазами:

– Вы его нашли.

Д’Агоста удивился, но не подал виду. Ему удалось скачать из Интернета пару нечетких изображений Бо, однако они не имели ничего общего с накачанным ублюдком, которого он видел перед собой. У парня было совершенно непроницаемое лицо.

– Позвольте задать вам несколько вопросов, мистер Бо.

– О чем?

– Мы расследуем убийство Грейс Озмиан.

Бо положил полотенце, скрестил массивные руки на груди и прислонился к бару:

– Валяйте.

– Я хочу, чтобы вы понимали: в настоящее время вы не являетесь подозреваемым и ваше участие в этом разговоре – дело вашей доброй воли. Если вы станете подозреваемым, мы остановим разговор, разъясним вам ваши права и предоставим возможность обратиться к адвокату. Это вам понятно?

Бо кивнул.

– Вы не припомните, чем занимались в среду четырнадцатого декабря?

Человек залез под стойку, вытащил календарь, посмотрел на него:

– Я работал здесь, в баре, с трех до полуночи. По утрам с восьми до десяти я хожу в спортзал. В промежутке я дома. – Он сунул календарь назад. – Порядок?

– Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?

– В спортзале. И в баре. А в промежутке – никто.

Патологоанатом указал время смерти около десяти часов вечера 14 декабря, плюс-минус четыре часа. Приехать отсюда в Нью-Йорк, убить кого-то, дать жертве время истечь кровью, переместить тело в гараж в

Куинсе, а день спустя, возможно, вернуться и отрезать голову… Придется расписать это на бумаге.

– Вы удовлетворены? – спросил Бо, и в его голосе послышались агрессивные нотки.

Д’Агоста посмотрел на него. Он почувствовал, что стоящий перед ним человек закипает от ярости. Мышца на одной из его скрещенных рук начала подергиваться.

– Мистер Бо, почему вы переехали на восток? У вас здесь, в Пирмонте, друзья или родня?

Бо наклонился над стойкой и приблизил лицо к д’Агосте:

– Я бросил дротик в долбаную карту Соединенных Штатов.

– И дротик попал в Пирмонт?

– Да.

– Забавно, что дротик попал очень близко к тому месту, где проживала убийца вашего сына.

– Послушайте, приятель… вы сказали, ваше имя д’Агоста, верно?

– Верно.

– Послушайте, полицейский д’Агоста. Я больше года представлял себе, как убиваю эту богатую суку, которая сбила моего сына и оставила его истекать кровью посреди улицы. О да. Я хотел убить ее столькими разными способами, вам и не перечесть: сжечь ее на костре, искромсать на куски ножом, переломать ей все кости бейсбольной битой. Так что да, вы правы, забавно, как близко к ней попал в карту дротик. Если вы думаете, что ее убил я, вам повезло. Арестуйте меня и закончите работу, которую все вы – копы, адвокаты и судьи – начали в прошлом году. Работу по уничтожению моей семьи.

Эта маленькая речь была произнесена тихим угрожающим голосом без малейших следов сарказма. Д’Агоста спросил себя, не пересек ли этот парень грань между подозреваемым и обвиняемым, и решил, что пересек.

– Мистер Бо, теперь я хочу сообщить вам о ваших правах. Вы имеете право молчать и отказываться отвечать на вопросы, а любые ваши слова могут быть обращены против вас в суде. Вы имеете право пригласить адвоката и можете вызвать такового немедленно, прежде чем мы начнем допрашивать вас дальше. Если вы решите продолжать отвечать на наши вопросы, то можете прекратить это делать в любую минуту и пригласить адвоката. Если адвокат вам не по средствам, то таковой будет вам

предоставлен. Скажите, мистер Бо, вы понимаете ваши права, разъясненные мной?

И тут Бо начал смеяться. Низкий рокочущий смех постепенно сменился подобием глухого собачьего лая.

– Ну просто как в кино.

Д'Агоста ждал.

– Вы хотите услышать, что я понимаю?

– Да.

– Ну что ж, я вам скажу, что я понимаю. Когда моего малыша сбили и оставили умирать и когда обнаружилось, что за рулем сидела Грейс Озмиан, всеобщая озабоченность мгновенно поменяла объект. Вот так. – Бо громко щелкнул пальцами, и д'Агоста с трудом удержался, чтобы не вздрогнуть. – Копы, адвокаты, страховщики – их озабоченность внезапно переместилась на нее и на все деньги, влияние и власть, которыми начал козырять ее папочка. А ко мне и моей семье ноль внимания – ну, ведь он всего лишь какой-то сраный садовник. Озмиан приговаривают к двум месяцам раздачи блинчиков, а всю информацию по судебным слушаниям закапывают так глубоко, что и не найдешь, в то время как меня приговаривают к потере семьи навечно. Значит, вы хотите знать, что я понимаю? Я понимаю, что система уголовного правосудия в этой стране прогнила. Она работает на богатых. Остальные, жалкие бедолаги, не получают ничего. Так что, если хотите меня арестовать, арестовывайте. Я с этим ничего не могу поделать.

Д'Агоста спокойно спросил:

– Вы убили Грейс Озмиан?

– Я думаю, мне нужен бесплатный адвокат, которого вы мне обещали.

Д'Агоста уставился на Бо. В данный момент он не располагал достаточными уликами, чтобы задерживать подозреваемого.

– Мистер Бо, вы можете запросить юридические услуги в любое время. – Он записал номер. – Я собираюсь проверить ваше алиби на вечер четырнадцатого декабря, а это значит, что мы поговорим с вашим нанимателем, с клиентами бара и просмотрим записи камеры наблюдения вон в том углу.

Он показал на камеру. Они уже подали запрос на записи владельцу бара, и д'Агоста знал, что записи сохранены. Он надеялся, что Бо совершит какую-нибудь глупость и попытается их уничтожить.

Бо хрипло рассмеялся:

– Конечно, можете делать любую фигню, какая вам нравится.

15

В два часа ночи особняк в Ист-Хэмптоне был погружен в тишину. Дом площадью восемнадцать тысяч квадратных футов располагался на участке в двенадцать акров между Фёрзер-лейн и Атлантическим океаном. На территории было устроено подобие парка, включающего в себя лужайки, поле для гольфа, искусственный пруд и беседку, по стилю напоминающую миниатюрный египетский храм. Сам дом представлял собой трехэтажное модернистское сооружение из бетона, стекла, стали и хрома и выглядел как клиника дантиста высшего класса. Большие окна из зеркального стекла невозмутимо мерцали в ночном воздухе, проливая теплый свет на гигантские лужайки вокруг.

В тени каменного волнолома на пустом декабрьском берегу стоял человек и разглядывал дом в бинокль ночного видения. За его спиной ворчал и накатывал на берег зимний Атлантический океан. Луна зашла, и полоса слабого света под названием Млечный Путь поднималась из-за океанического горизонта и образовывала арку над головой человека. В особняке, судя по его виду, царили тишина и спокойствие.

Человек с биноклем остро чувствовал, что этот вид – всего лишь иллюзия.

Он осмотрел подходы, этажи дома, окна, запомнил все подробности. Со своей наблюдательной позиции он не мог видеть первый этаж, но был хорошо знаком с планом дома, который обнаружил в до смешного открытой и незащищенной компьютерной системе Каттера Байквиста, знаменитого архитектора, спроектировавшего этот дом. Среди прочего там были созданные программой автоматизированного проектирования строительные чертежи, механические и электрические схемы, системы безопасности, водопровод, даже музыкальная система. Электронная система безопасности была относительно стандартной. Владелец, личность старомодная, доверял не электронике, а обученным и хорошо оплачиваемым человеческим существам, многие из которых были прежде солдатами специальных сил в Южной Африке и служили в пользовавшемся дурной славой и ныне распущенном Восьмом полку разведывательного спецназа.

За свои пятьдесят пять лет хозяин этого дома-крепости нажил себе множество могущественных врагов. Немало отдельных личностей и организаций очень хотели бы прикончить его – кто из мести, кто из желания заткнуть ему рот, кто просто чтобы отправить послание. Вследствие этого его дом был хорошо подготовлен ко всякого рода вторжениям.

После нескольких минут наблюдения за домом и окрестностями человек с биноклем ощутил слабую вибрацию сотового в кармане. Прозвучало первое из череды подобных запланированных напоминаний, выверенных по времени.

Операция началась.

Человек заранее с военной четкостью, вплоть до секунды, распланировал свои действия. Он, конечно, думал о неожиданностях (и к ним тоже был готов), но всегда любил начинать, следуя плану, в котором каждый его шаг, каждая деталь были прописаны.

Убрав бинокль в рюкзак, он проверил свой «глок», спецназовский нож, навигатор. Он пока не спешил. План в своей начальной фазе развивался медленно и методично. Это уже потом, к концу, будет спешка, обусловленная одним слабым местом плана: у объекта имелась комната-сейф, находящаяся между его спальней и спальней его жены. Если тревога сработает слишком рано, то объект успеет спрятаться там, и тогда операцию придется прервать. Комната-сейф, судя по всему, была неприступной. Она представляла собой единственный укрепленный технологический элемент в простой в других отношениях системе. В дополнение к сложным электронным замкам она была оснащена множеством щеколд. И здесь опять сказывался старомодный подход: хакнуть щеколду невозможно.

Человек медленно двинулся по берегу, держась в тени, и вскоре оказался в дюнах. На нем была одежда из плотного черного шелка, открытые участки кожи были покрыты черным гримом. Для проведения операции он выбрал безлунную ночь буднего дня в конце декабря. Берег и город казались абсолютно мертвыми.

Он беззвучно передвигался среди дюн, держась низких мест, пока не вышел на косогор, ведущий к особняку. Поросший кустарником склон заканчивался девятифутовой каменной стеной с железными пиками поверху, очерчивающей границы участка. По ту сторону стены шла густая живая изгородь из самшита, окружающая длинную ровную открытую лужайку, протянувшуюся к входному портику особняка.

Человек провел рукой по стене. Поверхность камня была шероховатой и давала опытному скалолазу, каковым он и являлся, достаточно точек опоры для рук и ног, чтобы подняться наверх. Человек дождался второго вибрационного сигнала и затем в несколько простых движений забрался на стену. Он знал, что металлические пики наверху служат скорее для устрашения, чем для защиты, и что по вершине проходит невидимый инфракрасный луч охранной системы периметра.

Перебираясь через стену, он специально действовал так, чтобы прервать инфракрасный луч.

Человек спрыгнул на другую сторону, в скрытое пространство между живой изгородью и стеной. Там он присел в темном уголке, невидимый в густой тени, и застыл в ожидании. Сквозь просветы в изгороди ему были видны просторная лужайка и фасад дома. Льющееся из окон сияние вкупе с несколькими со вкусом размещенными прожекторами вполне удовлетворительно освещали зеленую лужайку. Этот свет был одновременно и благом, и проклятием.

Вскоре человек услышал шаги двух охранников с собакой – они шли в его сторону с дальнего края лужайки. Очередная вибрация телефона обозначила его оценку времени подхода этих двоих. Они прибывали, так сказать, точно по расписанию. Он не сомневался в корректности своего плана. Он знал, что сигналы прерванных наружных инфракрасных лучей нередко бывают ложной тревогой, поскольку «нарушителями» часто становятся животные. Последний сигнал, вероятно, тоже признают ложным. Но для пущей надежности он в течение нескольких последних ночей через неравные промежутки времени забрасывал на стену небольшой утяжеленный кусочек брезента, а потом стаскивал его назад так, чтобы прервать луч в этом самом месте, провоцируя рутинную проверку, которую он запрограммировал и на данный случай.

Когда группа приблизилась к живой изгороди, он услышал частое дыхание собаки и раздраженное перешептывание двух охранников. Солдат спецназа обучают не говорить, а пользоваться только жестикуляцией. А еще он почуял запах сигаретного дымка.

Эти люди расслабились.

– Надеюсь, на сей раз Скаут поймает эту животину, – сказал один из них.

– Ну да, какую-нибудь долбаную белку.

Собака неожиданно заскулила. Она почуяла чужака.

Один из охранников приказал собаке:

– Скаут, иди и поймай ее. Поймай ее, мальчик!

Они отпустили собаку, и та бросилась через просвет в изгороди прямо к чужаку, без всякого лая, без предупреждения, – собака, обученная убивать. Он приготовился и, когда собака прыгнула на него, нанес ей единственный размашистый удар спецназовским ножом по горлу, перерезав трахею. Животное, издав булькающий звук, задело его по касательной и рухнуло у его ног.

– Эй, ты слышал? – вполголоса спросил один из охранников. – Скаут! Скаут! Назад, Скаут! Назад!

Тишина.

– Какого хрена?

– Скаут, назад! – прозвучало немного громче.

– Может, вызвать поддержку?

– Да рано еще, бога ради. Он, наверно, понесся за белкой. Дай-ка я посмотрю.

Человек услышал, как первый охранник с шумом продирается сквозь живую изгородь. Он начал думать, что все это становится как-то уж слишком легко. Но дальше будет трудно, он не сомневался.

Все еще окутанный тьмой, он присел в позе готовности к прыжку. Когда шум приблизился, он вскочил и вонзил нож охраннику в горло, сразу перерезав трахею, так что жертва не успела произвести ни малейшего звука. Оттолкнув плечом падающего охранника, человек ринулся через просвет в изгороди, как лайнбекер[11], вырвался наружу и прыгнул на второго охранника, который стоял на открытом пространстве в десяти футах, покуривая все ту же сигарету. Охранник с криком попытался выхватить оружие и даже наполовину достал пистолет из кобуры, когда незваный гость полоснул его по горлу спецназовским ножом. Охранник упал на спину, и человек приземлился на него сверху, получив струю артериальной крови в лицо. Пистолет, так и не выстрелив, отлетел в сторону.

Налетчик остался лежать на дергающемся теле, пока оно не затихло. Какое-то время он выжидал, не двигаясь и вслушиваясь в тишину. Все произошло ярдах в трехстах от дома – достаточно далеко, чтобы в темноте никто ничего не заметил. Маловероятно, что прерванный крик охранника был кем-то услышан. Дом был оснащен прожекторами, которые включались в случае общей тревоги или появления постороннего, но ничего такого не случилось.

Убедившись, что тревога не объявлена, незваный гость встал с мертвого охранника, опустился возле него на колени и обыскал тело, забрав рацию, два магнитных ключа, фонарик и шапку. Он включил рацию (она была настроена на пятнадцатый канал в диапазоне ультракоротких волн), поставил ее в режим приема и засунул себе за пояс, пистолет оставил валяться на земле, шапку надел, а магнитные ключи убрал в карман рубашки.

Он схватил труп за ноги и оттащил за изгородь – туда, где лежал первый охранник, после чего направился на запад, держась между живой изгородью и стеной. Добравшись до угла участка, он повернул на север и прошел, судя по показаниям навигатора, пятьсот ярдов. Теперь он находился с другой стороны дома, и ему оставалось пройти всего сто пятьдесят ярдов лужайки.

Он дождался слабой вибрации таймера на своем сотовом, сообщившего о следующей фазе.

С началом вибрации он поплотнее натянул шапку мертвого охранника и зашагал по траве, целеустремленно двигаясь вперед и освещая себе путь лучом фонарика. Если вблизи шапка никого не могла одурачить, то на расстоянии она действовала неплохо.

Налетчик почти весь был залит кровью и знал, что, как только другие собаки почуют его, они тут же взбесятся. Но этого не должно было случиться, если ветер, дующий с востока, не переменится, а он, судя по метеорологической карте, не должен был перемениться в данное время.

Незваный гость незамеченным преодолел открытое пространство и слился с кустарником, растущим вдоль боковой стены дома, как раз в тот момент, когда еще один охранник с собакой появился из-за угла со стороны фасада и зашагал по траве. Движение воздуха все еще благоприятствовало злоумышленнику. Он дождался в темноте, когда охранник и собака пройдут мимо и завернут за угол, а потом скользнул между кустами и домом к краю выложенного плиткой патио с бассейном в центре. Вдоль одной стороны патио тянулась длинная пергола, и под ее укрытием он добрался до маленького домика, где размещался насос и фильтры бассейна. Дверь была заперта, но замок здесь был стандартный для таких сооружений, а значит, примитивный. Человек вскрыл его отмычкой и вошел в тесное темное пространство, прикрыв за собой дверь, но не до конца.

Телефон снова завибрировал.

Человек поднес рацию к губам и вытащил маленький магнит. Потом нажал кнопку «передача», держа магнит у микрофона.

– Я возле бассейна, – прошептал он. – Тут большая змея, нужна помощь.

Его голос, приглушенный помехами, создаваемыми магнитом, звучал почти неразборчиво.

– Что там про змею? – раздался ответ. – Не понял, повтори.

Он повторил сообщение, чуть отведя магнит от микрофона, чтобы уменьшить уровень помех.

– Понял, кто говорит? – послышалось из динамика.

Вместо ответа он передал одни помехи.

– Хорошо, иду к тебе.

Незваный гость знал, что к нему придет ближайший охранник – человек с собакой, которого он только что видел. Как он и предполагал, человек с

собакой на поводке появился из-за угла и остановился, обшаривая фонариком землю.

– Эй, ты где? Преториус, это ты?

Он оставался в кабинке, ждал.

– Сукин сын, – пробормотал охранник, а потом сделал именно то, что и ожидалось, – спустил собаку с поводка и приказал: – Иди и найди змею. Найди ее.

Собака, почуяв человека в кабинке, естественно, стрелой устремилась туда, где ее ждало острое лезвие спецназовского ножа. Собака беззвучно упала на землю.

– Сэди? Сэди? Что за черт?

Охранник вытащил пистолет и, сжимая его в руке, побежал в кабинку, где его ждал тот же нож в горло. Человек упал, но пистолет выстрелил.

Вот оно, неудачное развитие событий. Тревога будет поднята преждевременно. Но, зная психологию своего объекта – мачистские инстинкты этого человека, брутальную крутость, презрение к трусости, – налетчик был уверен, что один выстрел не заставит его спрятаться в сейфе. Нет, он возьмет пистолет, вызовет охрану, выяснит, что происходит, и останется на месте, по крайней мере пока.

Незваный гость далеко продвинулся в своем плане, уничтожив двух собак и трех охранников – ровно половину службы охраны. Но теперь он должен был действовать быстро, прежде чем оставшиеся обнаружат масштаб своих потерь, организуются и сомкнут оборонительные ряды вокруг объекта.

Все эти размышления заняли в голове налетчика не больше секунды. Он схватил рацию умирающего охранника и перепрыгнул через тело, которое все еще дергалось и булькало. Вытащив из кармана другой магнит и кусок липкой ленты, он придавил кнопку «передача» на рации умирающего и бросил ее на лужок. Звук выстрела, конечно, насторожил других охранников, и его рация захлебывалась от вызовов – охранники пытались связаться друг с другом, определить местонахождение каждого и понять, не отсутствует ли кто-нибудь. С помощью магнита и ленты он, по крайней мере, заглушил их основной канал громкими помехами, то же самое он сделал и со второй имевшейся у него рацией, заглушив на сей раз вспомогательный экстренный канал. Это как минимум на несколько минут посеет смятение, пока оставшиеся охранники не найдут и не согласуют между собой чистый канал.

Несколько минут – большего ему и не требовалось.

Вспыхнули прожектора. Завыла сирена. Нужно было поторапливаться. Прятаться больше не имело смысла: он схватил стул на веранде и разбил стеклянные раздвижные двери, включив еще одну тревожную систему, потом запрыгнул внутрь через осколки, пробежал через гостиную к лестнице и понесся на второй этаж, прыгая через две ступеньки.

– Эй! – раздался у него за спиной крик охранника.

Он остановился, развернулся, упал на одно колено и выстрелом из «глока» снес верхнюю часть головы охранника, затем уложил второго, который выскочил из-за угла вслед за первым.

Пять охранников, две собаки.

Он побежал по коридору второго этажа к двери в спальню объекта. Она была сделана из стального листа и, как он и предполагал, оказалась запертой. Из рюкзака он достал заранее приготовленный пакет пластиковой взрывчатки с детонатором и прилепил его на замок, забежал за угол и вошел в спальню жены. Хозяева недавно развелись, и стальная дверь в ее спальню, как и ожидалось, стояла широко открытой. Комната-сейф располагалась между спальнями объекта и жены, и у каждого была своя дверь внутрь. Дверь комнаты-сейфа находилась за панелью, которую он тут же распахнул. Дверь оказалась закрыта, но замки еще не заперты полностью, и их можно было отпереть – в отличие от огромной стальной двери в спальню объекта – одним зарядом пластита. Злоумышленник разместил второй заряд на двери в комнату-сейф со стороны спальни жены, отошел на безопасное расстояние и при помощи дистанционного взрывателя одновременно привел в действие капсюли обоих зарядов, так что взрыв прозвучал как одиночный. Заряд на стальной двери спальни был недостаточно мощным, чтобы дверь открылась, и цель состояла лишь в том, чтобы до смерти напугать хозяина.

Но заряд на двери комнаты-сейфа был мощнее, а потому смог открыть запертую, но незащищенную дверь. Налетчик проскользнул в комнату-сейф, наполненную дымом. Свет был выключен. Налетчик быстро занял позицию рядом с дверью в дальней стене маленькой комнаты, то есть рядом с дверью, ведущей в спальню объекта. Почти сразу же он услышал, как заскрежетали замки, и объект ввалился внутрь в ужасе и смятении, вызванном неэффективным взрывом, прозвучавшим за дверью его спальни. Человек повернулся, закрыл дверь и запер задвижки, потом пошарил по стене, нашел выключатель и включил свет.

И уставился на налетчика, уже находившегося в комнате-сейфе. Глаза объекта широко распахнулись. Да, он только что запер себя в комнате наедине с человеком, который вот-вот должен был стать его убийцей. Налетчик в полной мере оценил иронию момента. На объекте были

только трусы, его волосы растрепались, выпученные глаза налились кровью, обвислые щеки дрожали, живот торчал тыквой. От него пахло перегаром.

– Мистер Виктор Алексеевич Богачев, я полагаю?

Жертва в ужасе уставилась на него:

– Что… кто… вы… бога ради… *почему*?

– А почему бы и нет? – сказал злодей, поднимая свой спецназовский нож.

Две минуты пятнадцать секунд спустя налетчик забрался на каменную стену и спрыгнул вниз на другой стороне. Он слышал доносящийся из дома вой нескольких тревожных устройств, а еще дальше – звук сирен приближающихся полицейских машин. Выходя, он убил последнего охранника, но по доброте своей пощадил собаку, которая оказалась умнее людей и упала у его ног, дрожа и скуля, обмочилась и так спасла себе жизнь.

Он помчался по берегу к каменному волнолому, по которому пробежал дальше – туда, где между двумя большими валунами стоял маленький скоростной катер, его тихий четырехтактный двигатель все еще работал вхолостую. Убийца кинул свой потяжелевший рюкзак в катер, запрыгнул сам, осторожно нажал рычаг управления двигателем и направил судно в черный колышущийся Атлантический океан. Пока он, набирая скорость, устремлялся в ночь, в его голове теснились приятные мысли о том, какую мизансцену только что обнаружили полицейские, которые прибыли на территорию и начали ее обследовать.

16

На этот раз Пендергаст настоял на том, чтобы взять Проктора и «роллс», а д’Агоста чувствовал такую усталость, что не стал протестовать. Было 22 декабря, до Рождества оставалось всего три дня, и в последнюю неделю он с трудом находил время, чтобы поспать несколько часов, а уж тем более чтобы подумать, какой подарок сделать своей жене Лоре.

Проктор повез их в Ист-Хэмптон серым и очень холодным утром. Д’Агоста обнаружил, что благодарен за дополнительное пространство в задней части салона этого большого автомобиля, не говоря уже об откидном столике ослепительно отполированного дерева, что позволило ему наверстать упущенное в бумажной работе. Когда машина въехала на Фёрзер-лейн, им открылись поместье и суета вокруг него. Полицейские ограждения перекрывали дорогу; ленты, огораживающие место преступления, трепыхались на холодном декабрьском ветру, а вдоль дороги стояли фургоны криминалистов и коронера. Вокруг, стараясь не

замерзнуть до смерти, бродила группа полицейских в форме, с папками-планшетами в руках.

– Черт, – пробормотал д’Агоста. – Слишком много народа топчется на месте преступления.

Они заехали на импровизированную парковку, обозначенную на клочке травы полицейскими лентами и знаками, и д’Агоста заметил, что все поворачиваются и разглядывают «сильвер-рейт» Пендергаста.

Он вышел с одной стороны, Пендергаст – с другой. Поплотнее закутавшись в пальто от холодного ветра с Атлантики, д’Агоста направился к фургону оперативного управления. Пендергаст пошел следом.

Внутри тесного фургона они обнаружили начальника полиции Ист-Хэмптона. Д’Агоста ранее переговорил с ним по телефону и был обрадован его профессиональным отношением к делу, а теперь он почувствовал еще большее удовлетворение, увидев бывалого немолодого человека с седоватыми волосами и усами, спокойного и уверенного в себе.

– Вы, наверное, лейтенант д’Агоста? – сказал тот, поднимаясь и крепко пожимая ему руку. – Шеф местной полиции Ал Дентон.

Многие копы из маленьких городков не желали сотрудничать с нью-йоркской полицией, и, вероятно, у них для этого были все основания, но на сей раз д’Агоста почувствовал, что сотрудничество будет плодотворным. Он повернулся, давая Пендергасту возможность представиться, и с удивлением увидел, что агент исчез.

– Показать вам место действия? – спросил Дентон.

– Да, конечно. Спасибо.

«Как это похоже на Пендергаста».

Дентон надел пальто, и д’Агоста последовал за шефом в ветреное утро. Они пересекли Фёрзер-лейн и подошли к главным воротам владения – огромным, частично позолоченным, весом не в одну тонну кованого чугуна. Ворота были открыты и охранялись двумя копами, один из которых держал папку-планшет. Тут же стояла вешалка с синтетическими костюмами, масками, перчатками и бахилами, но шеф махнул рукой, и они прошли мимо.

– Криминалисты завершили осмотр дома, – пояснил Дентон. – И большей части территории.

– Быстро.

– По зимней погоде нам здесь приходится пошевеливаться, иначе улики будут испорчены. Поэтому мы призвали помощь со всего Ист-Энда. Слушайте, вы ведь говорили, что с вами приедет человек из ФБР?

– Он где-то здесь.

Начальник полиции нахмурился, и д'Агоста не мог его винить за это: считалось невежливым не поддерживать сотрудничество с местными правоохранителями. Они миновали ворота, прошли ряд промежуточных зон под тентом и двинулись по гравийной подъездной дорожке к особняку – гигантской бетонной пародии на дом, напоминающей груду сваленных в кучу плит со вставками из стекла, такой же теплой и уютной, как Кремль.

– Так этот русский – как его зовут?..

– Богачев.

– Богачев. Давно он в Ист-Хэмптоне?

– Земля была куплена несколько лет назад, на постройку дома ушло года два, и шесть месяцев назад он переехал сюда.

– У вас с ним были какие-то проблемы?

Дентон покачал головой:

– Ничего, кроме проблем. С самого начала. Когда он купил эту землю, продавец заявил, что его обманули, и подал в суд. Дело до сих пор в суде. Богачев под покровом ночи сжег исторический дом, крытый дранкой. Он заявил, будто не знал, что дом является местной достопримечательностью. Судебные разбирательства по этому поводу. Затем он построил своего монстра, нарушив все возможные городские предписания, причем без каких-либо разрешений. Новые судебные разбирательства. Он не оплачивает счета подрядчиков, не платит своему помощнику, не платит даже тем, кто косит траву у него на участке. Судебных разбирательств выше крыши. Он из тех говнюков, которые просто делают то, что хотят. Не будет преувеличением сказать, что он, вероятно, самый ненавидимый человек в нашем городе. Точнее, был таким.

– А откуда у него деньги?

– Он из этих русских олигархов. Международный торговец оружием или что-то не менее отвратительное. Дом, земля – все принадлежит фирме-пустышке, по крайней мере судя по ее налоговым платежам.

– Значит, есть немало людей, которые желали ему смерти.

– Да, черт возьми. Половина города. Не считая тех, кого он обидел или убил, делая свой бизнес.

Когда они подошли к дому, д’Агоста увидел Пендергаста, который быстрым шагом приближался к углу.

Дентон тоже увидел его:

– Эй, ему туда нельзя.

– Он...

– Эй, вы! – крикнул Дентон, переходя на бег трусцой.

Д’Агоста поспешил за полицейским. Пендергаст остановился и повернулся. Длинное черное пальто и худое лицо цвета слоновой кости делали его зловеще похожим на старуху с косой.

– Мистер...

– Здравствуйте, шеф Дентон, – сказал Пендергаст, снимая черную кожаную перчатку с бледной руки. Он схватил Дентона за руку и коротко кивнул: – Специальный агент Пендергаст.

После этого он снова развернулся и продолжил свой путь, устремившись по лужайке к высокой живой изгороди в той части участка, которая выходила к океану.

– Мм, если вам что-нибудь понадобится... – выкрикнул в его удаляющуюся спину Дентон.

Пендергаст, не поворачиваясь, помахал рукой:

– Мне нужен Винсент. Вы идете?

Д’Агоста поспешил за Пендергастом, с трудом держась с ним рядом. Начальник местной полиции тоже не отставал.

– Вы не хотите осмотреть дом? – удалось спросить д’Агосте.

– Нет.

Пендергаст еще ускорил шаг, чуть наклонившись вперед, словно боролся с сильным ветром. Полы пальто развевались позади него.

– Куда вы идете? – спросил д’Агоста, но не получил ответа.

Наконец они достигли живой изгороди, за которой находилась высокая каменная стена. Здесь Пендергаст повернулся:

– Шеф Дентон, ваши криминалисты осматривали эту часть территории?

– Нет еще. Участок большой, а стена далеко от места преступления...

Прежде чем он успел закончить, Пендергаст развернулся и пошел вдоль живой изгороди, поглядывая то в одну, то в другую сторону, по-кошачьи осторожно выбирая место, куда поставить ногу. Вдруг он резко остановился и опустился на колени.

– Кровь, – сказал он.

– Та-ак, – протянул Дентон. – Хорошая находка. Нам нужно отойти и вызвать криминалистов, пока мы ничего тут не нарушили…

Но Пендергаст встал и двинулся дальше, следуя за пятнами крови на земле, которые вели внутрь живой изгороди, – и именно тогда д’Агоста заметил что-то белое в переплетении зеленых ветвей. Они вгляделись вглубь изгороди, и их глазам открылось ужасающее зрелище.

– Два трупа и мертвая собака, – сказал Пендергаст, поворачиваясь к Дентону и медленно отступая назад. – Пожалуйста, вызовите сюда криминалистов. А я пока переберусь на ту сторону стены.

– Но…

– Я пройду чуть дальше, чтобы не нарушить картину. Винсент, пойдемте со мной. Мне понадобится ваша помощь.

Шеф Дентон остался возле места убийства, чтобы вызвать по рации криминалистов, а д’Агоста проследовал за Пендергастом еще около ста футов вдоль изгороди.

– Вот здесь, похоже, подходящее место.

Пендергаст протиснулся сквозь изгородь, д’Агоста за ним, и они оказались в пространстве между изгородью и стеной.

Пендергаст надавил на стену, словно проверяя ее на прочность:

– Из-за этого громоздкого пальто мне понадобится ваша помощь.

Д’Агоста не стал спорить и помог Пендергасту вскарабкаться на стену.

Агент, как паук, забрался наверх, перелез через короткие металлические пики, встал во весь рост и принялся оглядывать пейзаж в бинокль. Потом обратился к д’Агосте:

– Вернитесь к машине, пусть Проктор выедет на берег. Я встречу вас там.

– Хорошо.

Пендергаст исчез за стеной, а д’Агоста пошел назад. Когда он появился из-за изгороди, команда криминалистов в халатах, масках и бахилах уже бежала по лужайке, а Дентон показывал им, где обнаружились тела. На пути к воротам Дентон догнал д’Агосту.

– Как, черт побери, он так быстро их нашел? – спросил он. – То есть я хочу сказать, мы бы их тоже нашли рано или поздно, но он пошел прямо к тому месту, словно там висел неоновый указатель.

Д'Агоста отрицательно покачал головой:

– Я не спрашиваю, а он не говорит.

Снова оказавшись на заднем сиденье «роллса», д'Агоста наблюдал за тем, как Проктор выруливает на общественную парковку рядом с берегом, приблизительно в полумиле от дома убитого. Здесь Проктор вышел, выпустил точно отмеренное количество воздуха из покрышек, вернулся в машину и на хорошей скорости повел ее по песчаной дорожке, по которой машины могли подъезжать к берегу. Вскоре «роллс» летел на север по прибрежной полосе между бурлящей Атлантикой справа и особняками богачей слева. Через считаные секунды д'Агоста заметил тощую фигуру Пендергаста на конце волнолома. Как только Проктор остановил машину, Пендергаст двинулся назад по волнолому, прошел по берегу и уселся на заднее сиденье «роллса».

– Преступник прибыл и убыл на маленьком катерке, который прятал рядом с этим волноломом, – сказал Пендергаст, показывая пальцем.

Он вытащил из спинки переднего сиденья столик с тоненьким «Макбуком», включил его и загрузил «Гугл Планета Земля».

– Покидая место преступления, убийца был очень уязвим и беззащитен на воде, даже ночью. Он должен был при первой же возможности избавиться от своего катера. И все это он спланировал заранее.

Пендергаст впился взглядом в изображение на мониторе, изучая окрестности того места, где они сейчас находились.

– Винсент, посмотрите: вот тут, всего в шести милях отсюда, протока, ведущая к пруду Сагапонек. Протока окружена низиной с общественной парковкой. – Он наклонился к переднему сиденью. – Проктор, пожалуйста, поезжайте туда как можно быстрее. Пруд Сагапонек. Не заморачивайтесь с дорогой – езжайте по берегу.

– Да, сэр.

Д'Агоста вжался в сиденье, когда «роллс» разогнался, сделал полицейский разворот, подняв фонтан песка, а потом на высокой скорости понесся по берегу по зоне высокого прилива, где песок был потверже. Машина набирала скорость, покачиваясь из стороны в сторону, на нее обрушивались порывы ветра, брызги волн, а время от времени колеса вспахивали не успевшую отступить волну прибоя,

оставляя за собой завесу брызг. Они миновали пожилую пару, прогуливавшуюся рука об руку, и у стариков отвисла челюсть, когда мимо них на скорости около шестидесяти миль в час промчался «сильвер-рейт» 1959 года.

Менее чем через десять минут они уже оказались у протоки, вклинившейся в берег, и еще одного волнолома, уходящего в серую пенящуюся Атлантику. Проктор резко остановил машину, сделав еще один полицейский разворот и выкинув из-под колес фонтан песка. Пендергаст выскочил из «роллса», когда тот еще не успел остановиться, и поспешил вверх по берегу, а д'Агоста снова устремился за ним, пораженный тем, какую энергию развивает Пендергаст после предыдущих дней апатии и явной лени. Похоже, эта череда убийств наконец-то разбудила его.

Они перепрыгнули через береговое ограждение, пересекли участок заросших низкорослым кустарником дюн, и вскоре их взору открылась свинцовая поверхность воды в поросшей травой болотистой низине. Пендергаст шагнул в болотную траву, его туфли ручной работы от Джона Лобба погрузились в насыщенную влагой почву. Д'Агоста последовал за ним без всякого энтузиазма, ощущая ледяную слякоть и воду в своих бостонских туфлях. Пендергаст несколько раз останавливался, чтобы оглядеться, втягивал носом воздух, почти как настоящая гончая, а потом двигался дальше в другом направлении, следуя по водянистой и почти невидимой звериной тропе.

Внезапно они вышли к краю болота и здесь, не более чем в двадцати футах от берега, увидели торчащий из воды нос затонувшего катерка.

Пендергаст оглянулся, сверкая глазами:

– И теперь, мой дорогой Винсент, мы нашли первую настоящую улику, оставленную убийцей.

Д'Агоста прошел немного вперед и посмотрел на катер:

– Пожалуй.

– Нет, Винсент. – Пендергаст показал куда-то вниз. – Вот оно: четкий отпечаток, оставленный убийцей.

– Не катер?

Пендергаст нетерпеливо отмахнулся:

– Я не сомневаюсь, что катер был похищен и тщательно очищен от всех улик. – Он присел в траве. – Но вот это! Туфля как минимум тринадцатого размера[12].

Конференц-зал в Уан-Полис-Плаза представлял собой большое светлое помещение на третьем этаже. Д’Агоста пришел пораньше вместе с Синглтоном, помощником комиссара по связям с общественностью, мэром Делилло и несколькими полицейскими в форме, так что, когда появилась пресса, журналисты увидели впечатляющую крепкую стену из синего с золотом при поддержке людей в штатском и самого мэра. Идея состояла в том, чтобы создать ободряющую картинку к вечерним новостям. За годы работы д’Агосты в нью-йоркской полиции некомпетентное, небрежное отношение департамента к работе прессы постепенно сменилось профессиональным, срежиссированным и оперативным реагированием на последние события.

Д’Агосте хотелось бы и самому чувствовать такую же уверенность. Дело было в том, что с появлением блогеров и цифровых трепачей даже на заурядной пресс-конференции стало появляться гораздо больше народу и вели они себя не всегда прилично. Большинство из них, откровенно говоря, были конченными уродами, в особенности те, что из социальных сетей, и на вопросы этих людей д’Агосте приходилось отвечать – с уверенностью, какой он не чувствовал.

Когда репортеры собрались – в заднем ряду телевизионщики с камерами, похожими на черных насекомых, Эн-би-си, Эй-би-си, Си-эн-эн и прочий алфавитный бульон, впереди печатная пресса, а цифровые придурки повсюду, – создалось впечатление, что им предстоит что-то из ряда вон выходящее. Д’Агоста был рад, что открывать брифинг выпало Синглтону, но все равно начинал потеть, когда думал о том, что приближается его очередь взойти на кафедру.

Все пытались занять места получше, и повсеместно возникали маленькие недоразумения. В зале было тепло и до появления прессы, а теперь начинало становиться жарко. Идиотские городские установления не позволяли в этом здании зимой включать кондиционеры, несмотря на то что вентиляция здесь практически бездействовала.

Когда секундная стрелка на больших стенных часах коснулась цифры 12, на кафедру взошел мэр города. Телевизионное освещение было включено, и фотографы бросились вперед, отталкивая друг друга и бормоча ругательства. Щелчки их камер напоминали треск бесчисленных крыльев саранчи.

Мэр Делилло ухватился своими большими руками за боковые стенки кафедры и оглядел зал компетентным, решительным и авторитетным взглядом. Он был крупным человеком во всех смыслах – высокий, широкий, с густой сединой, громадными руками, широколицый, с большими глазами, сверкающими из-под кустистых бровей.

– Леди и джентльмены прессы и люди великого города Нью-Йорка, – загудел его легендарный низкий голос. – Политика нашего

департамента полиции состоит в том, чтобы информировать граждан о делах, имеющих общественный интерес. Поэтому мы сегодня и находимся здесь. Я могу заверить вас, что в распоряжение следствия предоставлены все ресурсы города. А теперь капитан Синглтон расскажет вам о деталях этого дела.

Он сошел с кафедры. Никаких рукопожатий – дело было очень серьезное.

Синглтон занял место на кафедре и дождался, когда уровень звука упадет до шелестящей тишины.

– В два часа четырнадцать минут сегодня ночью, – начал он, – ист-хэмптонская полиция отреагировала на многочисленные вызовы тревожной сигнализации из дома на Фёрзер-лейн. По прибытии полиция обнаружила в общей сложности семь тел на обширной территории и в доме. Это были жертвы множественных убийств: шесть охранников и владелец собственности, русский по имени Виктор Богачев. Кроме того, мистер Богачев был обезглавлен, его голова исчезла.

Это вызвало взрыв активности среди публики. Синглтон продолжил:

– Ист-Хэмптон запросил помощи у нью-йоркской полиции, чтобы определить, связаны ли эти убийства с недавним убийством и обезглавливанием мистера Марка Кантуччи в Верхнем Ист-Сайде…

Синглтон в общих чертах обрисовал дело, заглядывая в скрепленные листочки, врученные ему д’Агостой. По контрасту с мэром Синглтон говорил монотонным, бесстрастным голосом, переворачивая странички демонстративным движением руки. Он говорил минут десять, изложил голые факты по трем случаям, начав с последнего и закончив девицей. Он оглашал информацию, известную почти каждому, и д’Агоста чувствовал, что нетерпение публики растет. Он знал, что он следующий.

Наконец Синглтон остановился:

– А теперь я передам слово лейтенанту д’Агосте, начальнику следственного отдела. Он будет более конкретен и ответит на вопросы, касающиеся убийств, возможных связей между ними и кое-каких ниточек, которые разматывает его команда.

Он отошел в сторону, и д’Агоста занял место на кафедре, стараясь излучать такое же спокойствие, что и двое предыдущих ораторов. Он оглядел собравшихся, и его глаза заслезились от яркого света. Д’Агоста посмотрел на свои записки, но они превратились в подрагивающую серую массу. Из предыдущего опыта он знал, что пресс-конференции не его конек. Он пытался сказать об этом Синглтону и освободиться от этой миссии, но капитан не проявил к нему сочувствия: «Давай-давай. Если

хочешь моего совета, постарайся быть как можно скучнее. Дай им только необходимую информацию. И бога ради, не позволяй какому-нибудь ублюдку управлять настроением в зале. Не забывай, что ты там альфа-самец».

Этот малоутешительный совет сопровождался дружеским похлопыванием по спине.

И вот теперь д’Агоста стоял на кафедре.

– Спасибо, капитан Синглтон, спасибо, мэр Делилло. Отдел по расследованию убийств рассматривает несколько перспективных версий. – Он позволил себе сделать паузу. – Я бы хотел поделиться с вами подробностями, но большая часть того, что у нас есть, подпадает под категорию «информация, не подлежащая разглашению», что в отделе определяется следующим образом. Пункт первый: информация, которая может подвергнуть нежелательной опасности сотрудников отдела, пострадавших или других. Пункт второй: информация, которая может воспрепятствовать работе полиции. И пункт третий: информация, которая может отрицательно повлиять на права обвиняемого, или следствия, или обвинителя преступления.

Он остановился и услышал нечто похожее на коллективный стон собравшихся. Ну что ж, Синглтон советовал ему нагнать на них скуку.

– Поскольку вы знакомы с подробностями двух первых преступлений, я сосредоточусь на том, что нам удалось узнать о ночных убийствах в Ист-Хэмптоне.

Д’Агоста описал третье убийство более детально, чем Синглтон. Рассказал о шести убитых охранниках, обнаруженном катере и других уликах, но утаил сведения об отпечатке обуви тринадцатого размера – эту важную подробность он хотел сохранить в тайне. Он рассказал о многочисленных судебных процессах Богачева, его темных бизнес-сделках. Считалось, например, что Богачев посредничал в сделках по выведенному из строя ядерному оборудованию и деталям ракет через китайские компании-пустышки, связанные с северокорейским режимом.

Потом он вернулся к преступлению и заговорил об отличной работе ист-хэмптонского отделения полиции, но тут его прервал голос из зала:

– Так связаны эти убийства или нет?

Д’Агоста замолчал, потеряв нить повествования. Неужели это тот самый сукин сын Гарриман? Голос точно похож. Он несколько секунд просматривал свои записи, затем продолжил рассказ о совместной работе его отдела с ист-хэмптонской полицией, но тот же голос снова оборвал его:

– Связаны или нет? Мы можем получить ответ?

Да, это он, чертов Гарриман. Д'Агоста оторвался от своих бумаг:

– В настоящее время мы рассматриваем три дела как отдельные, но это не значит, что мы не верим в возможную связь между ними.

– А что это значит? – прокричал Гарриман.

– Это значит, что мы не решили.

– Три обезглавливания за неделю, и вы говорите, что они не связаны? А новое убийство – оно в чем-то похоже на второе, верно?

– Да, в третьем случае мы имеем некоторые сходные черты со вторым, вы правы, – сказал д'Агоста.

– Но не с первым убийством? Вы это хотите сказать?

– Мы продолжаем исследовать дело... – Д'Агоста неожиданно понял, что позволяет Гарриману делать именно то, о чем его предупреждал Синглтон, – управлять настроением в зале. – Прошу прощения, но я бы хотел закончить то, о чем говорил прежде. Ист-хэмптонская полиция считает, что следствие может развиваться в...

– Значит, вы хотите сказать, что убийц двое? Первый убил Грейс Озмиан, а еще один убийца несет ответственность за второй и третий случаи? Иными словами, первое убийство вдохновило некоего серийного убийцу совершить остальные? И это на самом деле не второе и третье убийства: если считать убитых охранников, о которых вы упомянули, технически это девять убийств.

Ситуация быстро выходила из-под контроля.

– Мистер Гарриман, приберегите ваши вопросы. Я отвечу на них после отчета.

Но дисциплина в зале пошла вразнос, и прозвучало еще несколько вопросов. Синглтон вышел вперед, поднял руку, и зал смолк. Д'Агоста почувствовал, что краснеет.

– Я думаю, пора перейти к вопросам, – сказал Синглтон, поворачиваясь к д'Агосте.

Из зала последовал целый шквал выкриков.

– Миз Левитас из «Слейт», – сказал д'Агоста, указывая на женщину, сидевшую в заднем ряду, в наибольшем отдалении от Гарримана.

– Просто чтобы поддержать предыдущий вопрос: возможно ли, чтобы эти убийства *не* были связаны между собой?

Чертов Гарриман! Даже если он не задает вопросы, он все равно управляет пресс-конференцией.

– Мы рассматриваем все варианты, – невозмутимо произнес д’Агоста.

– Это серийный убийца?

Снова Гарриман. Как он, черт его дери, сумел пробраться в первый ряд? В следующий раз д’Агоста постарается усадить его у черта на куличках, а предпочтительнее вообще не впускать этого пройдоху в зал.

– Как я уже неоднократно говорил, мы рассматриваем все возможности…

– Возможности? – прокричал Гарриман. – Вы хотите сказать, что серийный убийца – это возможность?

– Мистер Гарриман, – твердо сказал Синглтон, – в зале есть и другие репортеры. Мы просим задать вопрос мистера Гудро из «Дейли ньюс».

– Почему в расследовании участвует ФБР?

– Мы привлекаем все правоохранительные агентства, – ответил Синглтон.

– Но в чем здесь федеральный аспект? – не отставал Гудро.

– В первом деле имела место возможная транспортировка тела между штатами. А третий случай с его потенциальными международными последствиями потребовал привлечения федерального агентства. Мы благодарны ФБР за то, что они предоставили в наше распоряжение свой опыт.

Рев выкрикиваемых вопросов из зала.

– Последний вопрос, – сказал Синглтон, оглядывая журналистов.

За его словами последовал еще один взрыв.

– Миз Андерс из «Фокс».

Тележурналистка из «Фокс» попыталась что-то произнести, но ее заглушили голоса коллег.

– Прошу тишины! – прогудел Синглтон.

И это сработало. Стало тихо.

– Мой вопрос адресован мэру. Какие шаги вы предпринимаете для обеспечения безопасности города?

Мэр тяжелым шагом вышел вперед:

– Помимо того что мы выделили сорок детективов и еще сто полицейских в форме для обеспечения этого расследования, мы привлекли более двух тысяч полицейских для круглосуточного патрулирования. Кроме того, мы предпринимаем множество, множество других шагов, о которых я не могу говорить по соображениям безопасности. Могу вас заверить, что делается все возможное, чтобы защитить жителей города.

– Лейтенант, *где головы*?

Опять Гарриман – вот сука!

– Вы слышали, что было сказано: больше никаких вопросов! – ответил д’Агоста.

– Нет! – раздался новый крик. – Отвечайте на вопрос!

Уровень шума вырос, когда остальные подхватили этот рефрен: «Где головы? Что с головами? Отвечайте на вопрос!»

– Мы работаем над этим, – сказал д’Агоста. – В настоящий момент…

– То есть вы не знаете?

– Как я уже сказал…

Но они не позволили ему закончить.

– Вы хоть знаете, почему убийца отрезает головы? – крикнул кто-то еще.

– Пока нет, но…

И тут уверенно вмешался Синглтон:

– Мы обратились в отдел поведенческого анализа в ФБР, чтобы они помогли нам найти ответ на данный вопрос.

Для д’Агосты это было новостью, и он понял, что Синглтон, вероятно, придержал эту информацию, чтобы использовать ее как козырную карту, – чертовски хорошая идея.

– Когда вы?..

– Благодарю вас, леди и джентльмены, пресс-конференция закончена, – сказал Синглтон и отключил микрофон.

Зал взорвался, а Синглтон, проходя мимо д’Агосты, произнес вполголоса:

– В мой кабинет, пожалуйста.

Лейтенант стал собирать свои бумаги, взглянул в сторону мэра и увидел, что тот мрачно смотрит на него большими сверкающими глазами.

18

Сидя на пассажирском сиденье служебной машины, которую вел сержант Карри, д'Агоста воспользовался редкими минутами тишины и покоя, чтобы подумать. На этот раз снятие с него стружки в кабинете Синглтона было не таким ужасным, как опасался д'Агоста. Капитан скорее по-отечески, чем в виде выволочки, указал ему на то, что д'Агоста позволил Гарриману доминировать на конференции, как он, Синглтон, и предсказывал, но все могло бы быть и хуже, и он уверен, что д'Агоста получил ценный урок.

– Добудь нам что-нибудь, что угодно, к концу завтрашнего дня, – сказал Синглтон. – Чтобы мы могли скормить это газетам. Мы должны продемонстрировать наше продвижение. Принеси мне что-нибудь хорошее, и все неприятности будут забыты.

Он похлопал д'Агосту по спине, опять же на отеческий манер, потом предостерегающе сжал его плечо.

Это было вчера вечером. У д'Агосты оставалось еще двенадцать часов, чтобы принести что-нибудь.

Сразу после того, как он получил задание от Синглтона, словно проклятие, пришли результаты просмотра записей с камеры в пирмонтском баре «Источник». Записи, без всяких сомнений, подтверждали, что Бо и в самом деле в день убийства Грейс Озмиан находился в баре, смешивал напитки с трех дня до полуночи. Когда д'Агоста прикинул время, необходимое для того, чтобы добраться из Пирмонта в Куинс, и добавил окно неопределенности относительно места убийства девушки, он понял, что убить ее Бо никак не мог. Таким образом, эта ниточка, казавшаяся столь многообещающей, никуда не привела. Если только Бо не нанял убийцу… но это, на взгляд д'Агосты, выглядело совершенно невероятным: Бо принадлежал к тому типу людей, которые делают подобные вещи своими руками.

Карри затормозил и выругался: его подрезал черный лимузин, когда он попытался маневрировать в плотном потоке машин, направляющихся в тоннель Холланда. Наилучшей надеждой д'Агосты на какой-нибудь новостной прорыв был разговор, на который он теперь направлялся, весьма многообещающая ниточка в деле убийства Кантуччи. Он почти не сомневался, что киллер каким-то образом связан с фирмой «Шарпс энд Гунд» – то ли работает там, то ли работал. Д'Агоста собирался допросить некоего Уильяма Пейна, одного из двух техников фирмы, устанавливавших систему сигнализации в доме Кантуччи. Хотя д'Агоста уже знал, что сам Пейн не является подозреваемым (он получил

подтверждение того, что этот человек в течение трех последних недель находился в Дубае, где на крупном объекте устанавливалась система сигнализации), он чувствовал, что Пейн сможет назвать ему других возможных подозреваемых. И что не менее важно, Пейн мог подтвердить, что это была инсайдерская работа. Больше, чем что-либо другое, д'Агосте нужна была сейчас убедительная информация, связывающая «Шарпс энд Гунд» с убийством Кантуччи; не просто какие-то домыслы, а нечто такое, с чем можно было бы выйти к прессе.

Они выехали из тоннеля Холланда и продолжили свой путь через округ Гудзон, через Ньюарк-Бей и пустошь Порт-Ньюарка, пока наконец не оказались в Мейплвуде. Поворот, другой, третий, и они добрались до места назначения. Там, припаркованный у тротуара, стоял «роллс» Пендергаста, внутри угадывались очертания фигуры Проктора, сидевшего за рулем в ожидании.

Дом представлял собой скромное двухэтажное сооружение в колониальном стиле, обитое белой вагонкой, с лужайкой, покрытой пожухлой травой, и садом, увядшим на ранних зимних холодах. В Джерси в последнюю неделю, вероятно, шел снег, подумал д'Агоста, глядя на ледяную корку, остававшуюся местами на газоне.

Карри остановился за «роллсом», они поднялись по ступенькам и нажали кнопку звонка. К ним вышел крупный, неуклюжий человек, представившийся как Пейн.

– ФБР уже здесь, – сказал он кислым голосом, и они последовали за ним в гостиную.

Пендергаст сидел на диване, худой и бледный, как обычно. Д'Агоста достал айпад, на котором иногда делал записи, а Карри тем временем вытащил свой блокнот. Пендергаст никогда не делал записей и даже, кажется, никогда не имел при себе бумаги и авторучки.

– Лейтенант, – сказал Пендергаст. – Я ждал вас и обуздывал желание задавать вопросы.

Д'Агоста благодарно кивнул. Они с Карри сели одновременно с Пейном.

– Позвольте мне начать с разъяснения: вы не являетесь подозреваемым, – сказал д'Агоста. – Вам это ясно?

Пейн кивнул, сцепил пальцы. Выглядел он немного усталым: глаза красные, одежда измята, волосы растрепаны. Может быть, сказывается разница во времени?

– Я хочу помочь вам, насколько это в моих силах, – произнес он тоном, подразумевающим противоположное.

Д’Агоста задал ему предварительные вопросы – возраст, местожительство, как давно он работает в «Шарпс энд Гунд» и так далее – и получил короткие, неинформативные ответы. Наконец д’Агоста подошел к сути допроса:

– Я бы попросил вас описать систему безопасности в доме Кантуччи: как она работала, как устанавливалась и в особенности как ее можно было перехитрить.

Пейн скрестил руки на груди и начал описывать систему в общих словах, практически так же, как раньше это делал Марвин. Д’Агоста слушал, делал записи, и у него возникало сильное впечатление, что Пейн говорит далеко не все. Лейтенант задал несколько наводящих вопросов о конкретных вещах и в ответ получил еще более туманные ответы и увертки. Наконец Пейн сказал:

– Я действительно не могу больше отвечать на вопросы, связанные с технической стороной.

– Почему?

– Вам должно быть известно, что я подписал договор о неразглашении всего, что связано с техникой, и я не должен говорить об этом. Меня могут уволить и даже засудить.

– Ингмар угрожал покарать вас, если вы будете говорить с нами? – спросил д’Агоста.

– Ничего конкретного он не говорил, но в общем и целом его послание было ясным.

– Мистер Пейн, вы хотите закончить наш разговор? Я хочу, чтобы вы поняли: если да, то вы получите повестку, будете вынуждены приехать в полицию и отвечать на вопросы под присягой.

– Я понимаю.

– То есть вы хотите, чтобы мы это сделали?

– По правде говоря, да. Потому что в этом случае у меня будет прикрыта задница.

Вот сукин сын! Раскусил его блеф. Д’Агоста подался вперед:

– Поверьте, мы не забудем, как вы нам помогли, и ответим любезностью на любезность.

Пейн посмотрел на него, моргая за большими очками:

– Пусть так оно и будет. Чем вы со мной жестче, тем лучше я буду выглядеть в глазах Ингмара. Послушайте, лейтенант, мне нужна моя работа.

И тут мягким, елейным голосом заговорил Пендергаст:

– Значит, мистер Пейн, вы требуете, чтобы вас вынудили отвечать?

– Приблизительно так.

– Поскольку времени у нас нет, а возня с повесткой займет несколько дней, я подумал, а не могли бы мы вынудить вас здесь и сейчас?

Пейн уставился на него:

– Это как? Вы мне угрожаете?

– Упаси бог! Я всего лишь хочу привнести немного драматизма. Сержант Карри, я полагаю, в вашей служебной машине имеется полицейский таран?

– Всегда.

– Отлично! Вот что мы сейчас сделаем. Мы покинем ваш дом, отъедем немного, потом быстро вернемся под вой сирены. Вы, мистер Пейн, откажетесь открывать нам дверь. Сержант Карри, тут на сцену выйдете вы и выбьете дверь на самый театральный и разрушительный манер, чтобы слышали все соседи. Мы выведем мистера Пейна из дома в наручниках, предварительно надлежащим образом растреплем на нем одежду и волосы, может быть, по ходу дела оторвем несколько пуговиц с его рубашки и отвезем его в полицию, где сможем закончить допрос. И это без всяких повесток, потому что, мистер Пейн, вы согласитесь под видеозапись – ради соблюдения законности, вы же понимаете, и ваш наниматель никогда не узнает об этом, – что все происходило совершенно добровольно с вашей стороны и вы понимаете ваши права и все остальное.

Молчание. Пейн посмотрел на д’Агосту, потом снова на Пендергаста:

– А кто мне заплатит за дверь?

Пендергаст улыбнулся:

– Подумайте, что вам будет стоить дороже: новая дверь или адвокат за четыре сотни долларов в час, которого вам придется нанять, если лейтенант вышлет вам повестку и отвезет в город не менее чем на двенадцатичасовой допрос, который, возможно, растянется на несколько дней, если, конечно, вы не решите рискнуть с одним из бесплатных поденщиков, предоставляемых штатом.

После долгой паузы Пейн произнес с циничной усмешкой:

– Ладно. Это обещает быть интересным.

– Отлично, – сказал Пендергаст, вставая. – Мы вернемся. Скажем, через час?

19

После громкого шума в Мейплвуде (д’Агоста с некоторым удовлетворением отметил, что все соседи прилипли к окнам) они отвезли Пейна в Уан-Полис-Плаза, и теперь он уютно устроился в небольшой комнате для допросов, где превратился в предупредительного и доброжелательного свидетеля. В официальной обстановке у него развязался язык, и он принялся рассказывать о системе безопасности в доме Кантуччи во всех подробностях. А теперь они переходили к самой фирме «Шарпс энд Гунд».

– Я был старшим, когда мы устанавливали сигнализацию у Кантуччи, – сказал Пейн. – Многие из тех, с кем мне приходилось иметь дело, люди непростые, но Кантуччи был просто запредельным геморроем. Ему много чего не нравилось, в основном всякие мелочи, например размещение камер или цвет мониторов, и он замордовал нас чуть ли не до смерти. Он был из тех типов, которые не желают сами заморачиваться с людьми моего невысокого уровня. Всегда доводил свое недовольство прямо до мистера Ингмара, по поводу любой ерунды. Мистера Ингмара бесило, что Кантуччи не желает разговаривать ни с кем, кроме него, звонит в любое время дня и ночи и при этом обходится с ним как со своей шестеркой. Ингмар возненавидел его за это и даже поговаривал о том, чтобы отказаться от него как от клиента, вот только Кантуччи задолжал нам кучу денег. Однажды они устроили состязание по телефонному перекрикиванию друг друга.

– А причина? – спросил д’Агоста.

– Деньги. Кантуччи не платил по счетам. Сказал, не заплатит ни гроша, пока все не будет установлено, к полному его удовлетворению.

– Но в конце он все-таки расплатился?

– Не полностью. Он торговался по окончательному счету, находил какие-то мелкие погрешности и требовал вычесть за них. Думаю, мы получили вместо каждого доллара примерно восемьдесят центов. Я уверен, что Ингмар остался в минусе.

– И какова была общая сумма?

Пейн немного подумал:

– Наверное, около двухсот тысяч. Плюс ежемесячная выплата в две тысячи.

Д’Агоста сел поудобнее, сверился с записями. Он подходил к самой сути своих вопросов.

– А смог бы Ингмар… обладал ли он нужными знаниями, чтобы обойти систему безопасности так, как это сделал убийца?

– Да. Безусловно.

– Кто еще в «Шарпс энд Гунд» имел достаточные навыки, чтобы сделать то, что сделал убийца, – обойти систему?

– Мой напарник по установке, Лэшер. Возможно, парень, который возглавляет ай-ти-отдел, возможно, шеф по программированию и проектированию. Но вообще-то, я не думаю, что кто-то из этих двоих знал конкретную схему в доме Кантуччи или имел доступ к техническому шкафу. – Он помолчал, размышляя. – На самом деле способны на это были только двое – Ингмар и Лэшер, кроме меня, конечно.

«Хорошо, – подумал д’Агоста. – Очень хорошо».

– Это вы с Лэшером выезжали на вызов и устраняли ту неисправность, которая явно была подстроена, спровоцирована киллером?

– Я выезжал, а Лэшера к тому времени уже уволили, так что я работал с другим спецом.

– С кем именно?

– С Хэлли Айер. Она все еще работает в фирме.

– А миз Айер обладает достаточными знаниями, чтобы обойти систему?

– Нет. Ни в коем случае. Она в фирме начинающая, проработала всего месяца два.

– Расскажите нам о вашем прежнем напарнике, Лэшере, – попросил д’Агоста. – Он помогал вам устанавливать систему. Что он за человек?

– Странный парень. Слушайте, у меня от него мурашки по коже бегали, хотя и не с первого дня. Это происходило постепенно. Поначалу он был молчуном, слова из него не выудишь, но, когда мы поработали какое-то время на пару, он вроде как стал посвободнее. О, я понимаю, почему Ингмар нанял его: Лэшер знал свое дело, тут двух мнений быть не может, но он говорил всякие странности.

– Например?

– Что «Аполлон» не садился на Луну, что инверсионный след самолета в воздухе на самом деле химическое средство – его разбрызгивают на людей, чтобы промывать им мозги, что глобальное потепление – выдумки китайцев. Всякую такую немыслимую чушь.

Пендергаст, до того молчавший, вмешался в разговор:

– Каким образом человек с подобными взглядами прошел через систему проверки «Шарпс энд Гунд», которая, как утверждают, находится на уровне ЦРУ?

Пейн рассмеялся:

– На уровне ЦРУ? Это вам Ингмар сказал? – Он покачал головой. – Ингмар нанимает кого подешевле, никаких премий, ненормированный рабочий день без выплат за переработку, масса разъездов. Единственная его проверка – есть ли у вас криминальное прошлое, но даже и с криминалом он может вас принять, потому что в этом случае плата еще меньше. Лэшер поначалу казался нормальным, но постепенно он становился все более и более странным.

– А конкретнее? – спросил д’Агоста.

– Главным образом это проявлялось в отношении женщин. Полный кретин. Никаких социальных навыков, приглашает на свидание прямо при всех. Всегда злится, делает уничижительные замечания, глупо шутит, хвастается. Много разговоров про сиськи – ну, вы знаете таких ребят.

Д’Агоста кивнул. Он таких знал.

– Его нужно было увольнять после первого же раза. Ингмар пытался делать вид, будто ничего не происходит, но в конечном счете ему пришлось принимать меры. Иначе бы он потерял свой ценный женский персонал. Но уволили его все же из-за постоянных жалоб Кантуччи.

Этот Лэшер нравился д’Агосте все больше и больше. И у них все еще оставалось порядочное окно до истечения назначенного Синглтоном срока.

– Вы знаете, где живет Лэшер? – спросил д’Агоста.

– Знаю. На Западной Четырнадцатой улице. По крайней мере, он жил там, когда его уволили.

Пора было сворачивать разговор.

– Агент Пендергаст, у вас есть еще вопросы?

– Нет, лейтенант, спасибо.

Д'Агоста поднялся:

– Спасибо вам, мистер Пейн. Патрульная машина отвезет вас домой.

Он вышел из комнаты вместе с Пендергастом. Как только дверь закрылась, Д'Агоста спросил:

– Ну, что вы думаете? У нас, кажется, есть два подозреваемых: Лэшер и сам Ингмар.

Пендергаст не ответил, и д'Агосту это смутило.

– Я что хочу сказать: у Ингмара были средства, мотив и способность.

– Нет, Ингмар никогда не был подозреваемым.

– Почему? Вы сказали, что он «заинтересованное лицо», прямо ему в лоб.

– Только чтобы попугать его. Он не стоял за этим убийством.

– Почему вы так уверены?

– Самое главное, ему не нужно было проникать в фургон, чтобы подменить монтажную схему телефона, он мог бы подменить ее у себя в офисе. Проникнуть в фургон при свете дня – дело рискованное, и не было никакой гарантии, что оба техника оставили машину без присмотра.

– Лэшер тоже мог сделать подмену в офисе.

– Нет, Лэшера уволили еще до того вызова.

– Да-да, вы правы, но я по-прежнему считаю Ингмара подозреваемым.

– Мой дорогой Винсент, если бы Ингмар хотел убить Кантуччи, то зачем ему делать это так, чтобы навредить своей фирме? Если бы Ингмар хотел убить Кантуччи, то он бы сделал это не в его доме.

Д'Агоста проворчал что-то себе под нос. Он не мог не признать справедливость этих слов.

– Значит, у нас остается единственный подозреваемый – Лэшер? Вы так считаете?

– Я ничего не считаю. И вам советую ничего не считать, по крайней мере пока у нас не будет больше улик.

Д'Агоста не согласился с этим, но он совершенно не собирался спорить с Пендергастом. В наступившем молчании Карри, подняв глаза от телефона, сказал:

– Лэшер по-прежнему живет на Западной Четырнадцатой улице.

– Хорошо. Давайте пошлем туда прямо сейчас команду для снятия добровольных предварительных показаний. Не копать глубоко, просто чтобы понять, насколько он реальный подозреваемый, нет ли у него алиби. – Он посмотрел на Пендергаста. – Не хотите поехать? Я не могу – у меня тонна бумажной работы.

– К сожалению, у меня уже назначена встреча.

Д’Агоста проводил взглядом облаченную в черное фигуру. Он очень надеялся, что его ребята привезут достаточно, чтобы подкормить прессу, чего так отчаянно хотели к концу дня Синглтон и мэр, – иначе ему придется плохо.

20

Когда Пендергаст снова вошел в этот кабинет, Говард Лонгстрит, который сидел в потертом и удобном «ушастом» кожаном кресле и читал доклад в обложке с красным штампом, используемым для засекреченных материалов, без слов показал ему на противоположное кресло. Пендергаст сел.

Лонгстрит еще минуту-другую читал документ, потом положил бумаги в открытый сейф возле стола, закрыл дверцу и запер замок. Он поднял глаза на Пендергаста:

– Насколько я понимаю, вы стали более активны в расследовании убийств с обезглавливанием.

Пендергаст кивнул.

– Может быть, введете меня в курс дела по последнему убийству?

– Третье убийство, как и второе, было тщательно спланировано и реализовано. Система безопасности была нейтрализована в упорядоченной последовательности, которая представляется мне продуманной до мельчайших деталей. Трудность, состоявшая в том, что у жертвы имелась комната-сейф, была решена самым хитроумным образом. Похоже, что каждое па было отработано до малейших тонкостей.

– Вы говорите так, будто речь идет о балете.

– Это и был балет.

– Какие-нибудь новости?

– У нас есть марка и модель катера, на котором киллер покинул место преступления, а также идентификационный номер двигателя. Однако

вряд ли это что-то даст. Катер числится угнанным в тот самый вечер с ближайшей стоянки в Амагансетте, никаких физических улик на месте угона не найдено. Однако нам удалось получить единственный, на удивление четкий отпечаток подошвы поблизости – тринадцатый размер.

– Подбросили, чтобы сбить с толку?

Улыбка.

– Может быть.

– Полиция сотрудничает?

– Шеф в Нью-Хэмптоне был недоволен тем, что я устроил гонки на берегу. Но он и нью-йоркский департамент полиции официально благодарны за нашу помощь.

Лонгстрит сделал глоток «Арнольда Палмера» из стакана, стоявшего на подносе на чайном столике.

– Когда мы встречались в прошлый раз, Алоизий, речь шла о двух убийствах, в которых были обезглавлены обе жертвы. Я просил вас установить, есть ли связь между этими убийствами, не совершены ли они одним киллером. Теперь у нас три аналогичных убийства – если не считать шести других, которые можно обозначить как сопутствующий ущерб, – и вопрос становится еще более насущным. Мы все-таки имеем дело с серийным убийцей? – Он вопросительно поднял брови.

– Насколько я понимаю, вы знакомы с версией нью-йоркской полиции?

– Вы имеете в виду ту, согласно которой один человек убил Грейс Озмиан и это вдохновило второго и третьего убийцу? Вы тоже так считаете?

Прежде чем ответить, Пендергаст немного помолчал:

– Сходство modus operandi[13] во втором и третьем случае поразительное. В обоих случаях киллер действовал методически, спокойно, обдуманно и был исключительно хорошо подготовлен. Весьма вероятно, что это дело рук одного и того же лица.

– А первое убийство?

– Оно совершенно другое.

– Как насчет мотива?

– Мотив неясен. В двух первых случаях у нас было два подозреваемых с сильной мотивацией. Подозреваемый по убийству Грейс Озмиан оправдан. Второй подозреваемый, прежде работавший в «Шарпс энд

Гунд», будет допрошен в ближайшее время. Пока что это наиболее перспективный персонаж.

Лонгстрит покачал головой:

– Вот в чем самая большая странность. Жертвы настолько далеки друг от друга, что трудно представить общий мотив. Какая может быть связь между адвокатом гангстеров, русским торговцем оружием и безответственной светской львицей?

– Кажущееся отсутствие мотива само по себе может быть мотивом.

– Ну вот, Алоизий, вы опять говорите загадками.

Пендергаст вместо ответа только отмахнулся.

– Вы по-прежнему уходите от моего вопроса: согласны ли вы с той версией, что первое убийство совершено не тем человеком, который совершил второе и третье убийства?

– Все это вращается вокруг аномалии первого обезглавливания: зачем было ждать двадцать четыре часа? Два других обезглавливания произошли, когда жертвы были еще живы.

– И все же вы уходите от моего вопроса.

– Еще одна деталь, которая кажется мне любопытной. Какими бы свирепыми и кровавыми ни были убийства, обезглавливания осуществлялись с большой скрупулезностью. Это говорит против того, что первое убийство было совершено другим киллером. Да, и еще нельзя забывать о том, что первое тело – в отличие от остальных – было намеренно спрятано.

Лонгстрит хмыкнул:

– То, что вы говорите, интересно, но само по себе ни к чему не ведет.

– Мы в логическом тупике. Возможно, как и предполагает полиция, это ситуация подражания, в особенности потому, что убийства номер два и три имеют многочисленные точки соприкосновения, которых нет в первом. Однако – и это тоже логично – совпадение трех обезглавливаний на временно́м отрезке в одну неделю упорно наводит на мысль об одном убийце. Нам не хватает улик.

– Вы, с вашими «нехватками улик» и «логическими тупиками», – прорычал Лонгстрит. – Мы чуть не погибли из-за этого в той истории с разведывательным отрядом угандийских наемников – вы помните?

– И все же мы с вами сидим сегодня здесь, разве нет?

– Верно, сидим. – Он протянул руку и нажал кнопку вызова на интеркоме. – Кэтрин, принесите, пожалуйста, «Арнольда Палмера» агенту Пендергасту.

21

Антон Озмиан сидел за огромным столом черного гранита, глядя в южные окна своего углового кабинета, за которыми мерцали мириады огней Нижнего Манхэттена, отраженные затянутым тучами зимним небом.

Его взгляд был устремлен мимо Башни Свободы, мимо зданий квартала Бэттери, на темные очертания острова Эллис в бухте Нью-Йорка. Его бабка и дед приплыли пароходом из Ливана, и их приняли на этом острове. Озмиан радовался тому, что какой-нибудь напыщенный, ксенофобный бюрократ не попытался американизировать их фамилию и превратить ее в Освальд или еще какую-нибудь подобную дурь.

Его дед был часовщиком, как и отец Озмиана. Но к исходу двадцатого века профессия часовщика изжила себя. Ребенком Озмиан проводил долгие часы в мастерской отца, его очаровывали механические движения великолепных часов – фантастически крохотные системы пружинок, шестеренок, колесиков, делавшие видимой эту необъяснимую тайну, которая называется «время». Но по мере того, как он становился старше, его интерес стали привлекать сложные системы иного сорта: регистры декодирования команд, накопители, счетчики программ, указатели стека и другие элементы, из которых состоял компьютер, а также язык ассемблера, управлявший всем этим. Система в чем-то напоминала точные швейцарские часы, конечная цель которых состояла в том, чтобы максимально использовать минимальные количества энергии. Именно так и действовало кодирование языка ассемблера: если ты настоящий фанат программирования, то ты постоянно борешься за то, чтобы уменьшить размер своих программ и заставить каждую строку кода выполнять двойную, а то и тройную работу.

Молодой человек, выросший на окраинах Бостона, Озмиан после колледжа страстно отдался необычным хобби: композиторству, криптографии, ловле рыбы на мушку и даже, на короткое время, охоте на крупную дичь. Но его хобби оказались забыты, когда он нашел способ соединить свой интерес к музыке и шифрованию с его фанатичным увлечением плотным кодом. Именно это соединение интересов помогло ему разработать технологии стриминга и кодирования, которые стали становым хребтом «ДиджиФлад».

«ДиджиФлад». Он покраснел при мысли о своей компании, биржевой курс которой много лет неуклонно рос, а в последнее время замедлился

из-за неавторизованной утечки в Интернет его самого ценного алгоритма.

Но теперь, как это случалось часто, его мысли вернулись к убийству его единственной дочери… и грязным сплетням про нее, вытащенным на свет божий этим гребаным ублюдком Брайсом Гарриманом, который называет себя репортером.

Отчетливый тройной стук в дверь прервал поток его мыслей.

– Войдите, – сказал Озмиан, не отрывая взгляда от окна.

Дверь открылась, раздались чьи-то тихие шаги, и дверь снова закрылась. Озмиан не стал оглядываться – он прекрасно знал, кто сейчас вошел к нему. Это был его самый необычный и загадочный служащий с благородным, древним и необычно длинным именем Мария Изабель Дуарте Альвес-Ветторетто. В течение долгих лет Альвес-Ветторетто работала на Озмиана в разных качествах: адъютант, доверенное лицо, толкач… и телохранитель. Он почувствовал, что она остановилась на почтительном расстоянии от его стола, и повернулся к ней. Она была немногословной, спортивной и спокойной, носила развевающуюся на ходу гриву черных волос, одевалась в джинсы в обтяжку и открытую шелковую блузку с жемчугом. За все свои годы Озмиан не встречал никого более безжалостно-эффективного. Она вроде бы была португалкой, имела старинные представления о чести, мести и преданности, ее предки участвовали в макиавеллиевских интригах на протяжении восьми сотен лет. Это искусство было отточено в ней до высшей степени совершенства.

– Начинайте, – сказал Озмиан, отводя взгляд от ее напряженного лица, чтобы, слушая ее, смотреть в окно.

– Наши частные следователи представили предварительный доклад по Гарриману.

– Изложите в нескольких словах.

– У всех репортеров сомнительный характер, так что опущу его малые грехи и слабости. Если не говорить о том, что он журналист из разряда грязекопателей, которые бегают за машинами скорой помощи, собирают слухи и наносят удары в спину, то в остальном он человек вполне добропорядочный. Производное подготовительной школы, возросшее на очень старых деньгах – деньгах, которые с его поколением сходят на нет. Окончательный вывод – он чист. Никаких тюремных сроков в прошлом. Никаких наркотиков. Он работал репортером в «Таймс», а потом, по причинам, не имеющим отношения к делу, перешел в «Пост». Тут нет ничего, что дало бы нам опору. – Пауза. – Но есть информация, которая заслуживает особого внимания.

– Слушаю.

– Его подруга – они встречались с колледжа – умерла от рака года три назад. Он проявил себя очень положительно, пытаясь помочь ей победить болезнь. А после ее смерти объявил крестовый поход. Писал статьи о ранней диагностике рака и вероятных новых средствах, уделял много внимания освещению работы различных некоммерческих организаций, ставящих перед собой задачу предотвращения болезни. Кроме того, хотя его заработки как репортера невелики, он за эти годы сделал немало пожертвований из собственных и семейных средств, в особенности в Американское онкологическое общество. Еще он основал небольшой благотворительный фонд имени своей покойной подруги.

Озмиан пренебрежительно махнул рукой. Благодеяния Гарримана его не интересовали.

– Вы сказали, «заслуживает особого внимания». Почему?

– Только потому, что этот его интерес предполагает возможность… оказания крайних мер воздействия. Если возникнет такая необходимость.

– Что-нибудь еще о моей дочери он написал?

– Нет. Все его последние статьи посвящены последним убийствам. Он выдаивает из них все, что можно.

Наступила пауза, в течение которой Озмиан созерцал линию неба за окнами.

– Каких действий вы ждете от меня в дальнейшем? – спросила Альвес-Ветторетто.

Озмиан долго молчал. Потом глубоко вздохнул.

– Пока никаких, – сказал он. – Если новые убийства отвлекают его, может, он больше не напишет никаких гадостей о моей Грейс. Это моя забота. Борьба с мошенником, который похитил наш код, отнимает все мое время, и если проблема с Гарриманом перестала быть проблемой, то я бы предпочел не отвлекаться на нее.

– Понятно.

И теперь Озмиан в первый раз повернулся к ней вместе со своим креслом на колесиках:

– Но приглядывайте за ним и за тем, что он пишет. Если он даст повод, мы раздавим его, как таракана, а он и есть таракан. Но только если будет необходимо.

Альвес-Ветторетто кивнула:

– Конечно.

Озмиан развернулся в обратную сторону и снова махнул рукой. Дверь тихонько открылась, потом закрылась. Но Озмиан почти не слышал этого. Он смотрел на гавань, и мысли его витали далеко.

22

Эдди Лопес припарковал патрульную машину во втором ряду на Четырнадцатой улице, сообщил диспетчеру об их прибытии и вышел наружу со своим напарником Джаредом Хаммером. Два детектива из отдела по расследованию убийств остановились, оглядывая окрестности. Дом номер 355 на Западной Четырнадцатой улице был ничем не примечательным пятиэтажным кирпичным сооружением рядом с похоронным бюро. Находился он в квартале, собственность в котором неожиданно подорожала с застройкой района Митпэкинг, хотя здесь повсюду все еще попадались старые развалины и сдаваемые квартиры, наполненные арендаторами, жизнь которых не удалась.

Пока Лопес созерцал фасад, холодный ветер гнал по улице перед ними обрывок старой газеты. Солнце уже зашло, и на западном горизонте не задержался даже его остаточный свет. Лопеса пробрала дрожь.

– Давай уже скорей закончим с этим. – Он похлопал себя по карманам мундира: жетон, оружие, наручники – все на своих местах. Потом посмотрел на часы и сказал громко: – Прибыли в пять сорок шесть вечера.

– Принято.

Лопес знал, что д’Агоста аккуратист в том, что касается бумажной работы, и выходит из себя, когда округляют время и опускают детали. Он хотел, чтобы их отчет о проделанной работе лежал у него на столе к семи тридцати, и до этого момента оставалось менее двух часов. Когда Лопес отсчитал время от семи тридцати до текущей минуты и прикинул, сколько им понадобится времени, чтобы написать отчет, он понял, что на весь разговор с подозреваемым у них есть около двадцати минут. Вряд ли достаточно, чтобы разговорить человека.

Может быть, этого Лэшера и дома-то нет. В пять сорок шесть двадцать третьего декабря, за два дня до Рождества, он мог отправиться куда-нибудь в магазин. Лопес надеялся, что так оно и будет, потому что в этом случае он хоть раз вернется домой вовремя и, может, даже сам успеет сделать какие-нибудь рождественские покупки.

Он подошел к интеркому. Против номеров квартир стояли фамилии съемщиков, и против 5B, как и предполагалось, стояла фамилия ЛЭШЕР.

Лопес нажал кнопку, и они замерли в ожидании.

– Кто там? – тихо прозвучал голос в динамике.

Значит, он дома. Плохо.

– Мистер Теренс Лэшер?

– Да.

– Детективы Лопес и Хаммер, нью-йоркская полиция. Мы хотели бы подняться к вам и задать несколько вопросов.

Вместо ответа зажужжал интерком и раздался щелчок открывающегося замка. Лопес посмотрел на Хаммера и пожал плечами. Это было необычно: чаще всего за представлением следовала куча вопросов.

Они стали подниматься по грязной лестнице.

– Почему это всегда последний этаж? – застонал Хаммер. – Почему они не могут жить в подвалах?

Лопес ничего не сказал. Хаммер страдал от излишнего веса и ничего с этим не делал, а Лопес находился в хорошей физической форме и вставал каждое утро в пять тридцать, чтобы позаниматься в зале. Хотя он и симпатизировал Хаммеру – с этим парнем было легко, – но все же немного расстраивался, что взял его в напарники, потому что тот тормозил его. И всегда хотел остановиться, чтобы купить пышки. Но Лопес предпочел бы умереть, чем в форме зайти в такое заведение, как пышечная.

Они потащились вверх по лестнице. На каждом этаже было по две квартиры – одна в передней части дома, другая в задней. Квартира 5B находилась в задней части здания. Они поднялись на площадку, и Лопес дал Хаммеру несколько минут, чтобы отдышаться.

– Готов? – спросил Лопес.

– Да.

Лопес постучал в дверь:

– Мистер Лэшер? Полиция.

Тишина.

Лопес постучал громче:

– Мистер Лэшер, впустите нас. Это полиция. У нас к вам всего несколько вопросов – ничего серьезного.

– Полиция, – раздался шепоток из-за двери. – А что вам надо?

– Мы хотим задать несколько вопросов о вашей прежней работе в фирме «Шарпс энд Гунд».

Молчание.

– Если вы нам откроете, – продолжил Лопес, – это займет всего несколько минут. Самая обычная…

Лопес услышал слабый металлический щелчок поставленного в боевое положение дробовика с переломным затвором, вскрикнул «Дробовик!» и рухнул на пол за миг до того, как сильный взрыв пробил дыру в двери. Хаммер, однако, оказался не столь расторопен, и весь заряд пришелся ему в живот, сила выстрела отбросила его к противоположной стене, и он съехал по ней на пол.

Лопес, бросившись к напарнику, услышал, как второй заряд попал в стену над ним. Он ухватил Хаммера под мышки, оттащил с линии огня за угол на площадку, одновременно вытаскивая рацию.

– Ранен полицейский! – прокричал он. – Стрельба, ранен полицейский!

– Вот черт, – простонал Хаммер, прижимая руки к ране.

Между его пальцами сочилась кровь. Лопес, наклоняясь над сраженным напарником, вытащил «глок» и прицелился в дверь. Он почти нажал на крючок, но заставил себя остановиться: стрелять вслепую через закрытую дверь в неизвестную квартиру – это было нарушением правил применения оружия, установленных в департаменте. Но если сукин сын откроет дверь или выстрелит еще раз, Лопес его непременно уложит.

Больше ничего не происходило; по другую сторону двух рваных дыр в дверях стояла тишина.

Он уже слышал звук приближающихся сирен.

– Господи Исусе, – простонал Хаммер, держась за живот, на его белой рубашке алели кровавые пятна.

– Держись, напарник, – сказал Лопес, прижимая рану. – Держись. Помощь близко.

23

Винсент д'Агоста стоял на углу Девятой авеню, глядя на Четырнадцатую улицу. Там творился настоящий бедлам. Весь квартал был заблокирован, жители дома 355 эвакуированы. К делу были привлечены

группа быстрого реагирования с двумя переговорщиками, бронированный автоподъемник, робот, кинологи с собаками, несколько снайперов, в небе кружил вертолет. За полицейским ограждением собрались репортеры почти всех нью-йоркских медиа: телесеть, кабельное, печатные СМИ, блогеры – все. Стрелок по-прежнему оставался в своей квартире. Пока они его не видели, даже хотя бы мельком. Бронированный подъемник подыскивал оптимальную позицию, которая позволила бы сделать прицельный выстрел, а четыре полицейских на крыше разложили кевларовые коврики и сверлили в перекрытии отверстия, чтобы опустить в квартиру видеокамеры.

Д'Агоста, словно балетмейстер, координировал действия по рации, имея в своем распоряжении множество средств, каждое из которых могло решить исход противостояния. Рациональная часть его сознания хотела захватить Лэшера живым. Из заинтересованного лица в деле Кантуччи он превратился в подозреваемого номер один, и мертвым он был бы гораздо менее полезен. Но примитивная часть мозга д'Агосты желала Лэшеру смерти. Хаммера с тяжелым ранением увезли в больницу, и неизвестно было, выкарабкается ли он.

Какая катастрофа. Да, не такое «продвижение» хотел получить Синглтон. Кто мог предположить, что относительно обычное задание превратится вот в это? Д'Агоста прикинул, сколько говна теперь прольется на его голову, но тут же прогнал эти мысли. «Просто получи на выходе успешный результат, а потом уже беспокойся о последствиях».

Солнце зашло несколько часов назад, и ледяной ветер с воем прилетал с Гудзона и несся по Четырнадцатой улице, нагоняя холод. Рация ожила, заверещала. Его вызывал Карри:

– Переговорщик установил контакт. Канал сорок два.

Д'Агоста перевел свою рацию на сорок второй. Переговорщик говорил со стрелком из-за пуленепробиваемого щита. Разобрать, что говорит Лэшер, было затруднительно, но по мере того, как переговоры продолжались, д'Агоста понял, что Лэшер из тех антиправительственных типов, которые верят, что одиннадцатое сентября было делом рук Бушей, бойня в Ньютауне – театральная постановка, а Федеральный резерв и клика международных банкиров тайно управляют миром и вступили в заговор, чтобы отобрать у Лэшера оружие. По этим причинам он не признавал власти полиции.

Переговорщик говорил спокойным голосом, выдвигал рутинные соображения, пытался убедить Лэшера сдаться и выйти, обещал, что никто ему ничего не сделает. Слава богу, этот тип оставался в квартире один, никого в заложники не брал. Снайперы заняли позиции, но д'Агоста противился порыву отдать им приказ, чтобы стреляли без

предупреждения. Он чувствовал подспудное давление, склонявшее его к действиям, которые неминуемо закончатся смертью Лэшера. Это было бы довольно просто, и никто бы не стал предъявлять ему претензий.

Прошло еще десять минут. Переговорщик не сдвинулся с мертвой точки: этот тип, Лэшер, словно обкурился чем-то, он был убежден, что если сдастся, то его непременно убьют. Ему не позволят жить, сказал он переговорщику, потому что он слишком много знает. Только ему одному и известно, что они замыслили, он знал их коварные планы, и они его за это непременно казнят.

Никакие доводы на сукина сына не действовали. Д'Агоста с каждой минутой замерзал все сильнее и становился нетерпеливее. Чем дольше это продолжалось, тем хуже он выглядел как командир.

– Хорошо, – сказал он. – Отзываем переговорщика. Приготовьтесь забросить туда шумовую гранату через крышу и атаковать через дверь и стену одновременно. По моему приказу. Я поднимаюсь к вам.

Д'Агоста хотел присутствовать на месте действия, а не координировать издалека. Он прошествовал по улице и вошел в захудалое здание, миновав группу быстрого реагирования, команду кинологов, тяжелые грузовики и бронированный подъемник. «Они по-настоящему любят свои игрушки, – подумал он с какой-то теплотой, – и тащат их с собой, как только предоставляется возможность».

Он поднялся по лестнице на четвертый этаж – на один ниже того, где должно было происходить действие. Убедился, что четверо на крыше осторожно и бесшумно проделали дыру вплоть до потолка из сухой штукатурки и готовы пробить потолок, чтобы бросить гранату. Две группы захвата на пятом этаже подтвердили, что заняли исходную позицию и готовы атаковать.

– Так, – сказал д'Агоста в рацию. – Начали.

Секунду спустя он услышал грохот шумовой гранаты, за этим последовал треск срываемой двери и пробиваемой стены и звуки атаки. Изнутри прогремел выстрел, потом еще один и еще – и наступила тишина.

– Разоружен и обездвижен, – раздалось в канале связи.

Д'Агоста бросился наверх, перескакивая через ступеньку, вбежал в проем выбитой двери. На полу, посреди крохотной, грязной, вонючей квартирки, лежал Лэшер в наручниках, на нем сидели два копа. Они подняли его на ноги, и он заскулил – человечек ростом пять футов три дюйма, тощий, угреватый, с пушком козлиной бородки. Из ран в плече и животе обильно текла кровь.

«Это и есть Лэшер?»

– Он стрелял в нас, сэр, – сказал один из полицейских. – Пришлось открыть ответный огонь, чтобы разоружить его.

– Хорошо.

Д’Агоста отошел в сторону, пропуская медиков для обработки пулевых ран.

– Вы делаете мне больно! – всхлипнул Лэшер, и д’Агоста увидел, что тот обмочился.

Лейтенант оглядел комнату. Постеры разных дэт-метал-групп на стенах, груда всевозможного оружия в углу, с полдюжины разобранных компьютеров и горка электронных устройств неизвестного назначения. Вся квартира имела комически-нелепый и пугающий вид, как декорация к фильму с апокалиптическим исходом. Нет, такого уровня помешательства д’Агоста не ожидал. Он посмотрел на Лэшера: крошки штукатурки в волосах, кровь, стекающая на замусоренный пол, трясущееся тощее тело – неужели это тот человек, который разработал план и убил Кантуччи с такой безжалостной четкостью? Трудно было в это поверить. Но с другой стороны, он стрелял в полицейского из обреза… а потом пытался убить и других.

– Мне больно, – пробормотал Лэшер еще тише и потерял сознание.

– Везите его в Бельвью[14].

С глубоким вздохом д’Агоста отвернулся. Он допросит ублюдка, когда медики стабилизируют его состояние (раны у Лэшера серьезные, но, видимо, не смертельные). Только не сегодня. Ему необходимо поспать… и бумажная работа накопилась.

Господи, как же болит голова!

24

Ранним утром 24 декабря, еще до рассвета, специальный агент Пендергаст появился у дверей квартиры 5В дома 355 по Западной Четырнадцатой улице. Место преступления охранял единственный коп (криминалисты уже закончили работу), сидевший в полудреме на стуле.

– Простите, что беспокою, – начал Пендергаст, когда полицейский вскочил на ноги, уронив на пол сотовый телефон, который перед этим держал в руке.

– Извините, сэр, я…

– Пожалуйста, – успокаивающим тоном произнес Пендергаст, доставая бумажник и показывая свой жетон. – Мне бы только посмотреть, если вы не возражаете.

– Да, конечно, – сказал коп, – но у вас есть разрешение?..

Он слегка нахмурился, когда Пендергаст, мрачно глядя на него, отрицательно покачал головой:

– В пять часов утра, мой добрый друг, трудно получить подпись. Однако если вы считаете, что должны позвонить лейтенанту д'Агосте, то я, естественно, отнесусь к этому с пониманием.

– Нет-нет, в этом нет необходимости, – поспешил сказать полицейский. – Но у вас и в самом деле есть допуск к делу?

– Разумеется.

– Что ж, тогда вы, пожалуй, можете приступать.

– Вы хороший человек.

Пендергаст сорвал полицейскую ленту с двери, сломал печать, проскользнул в квартиру, включил свой фонарик и прикрыл за собой дверь. Он не хотел, чтобы его беспокоили.

Он начал обводить лучом фонарика убогое жилище, поворачиваясь вокруг своей оси и запоминая все, что видел. Остановил луч на каждом из постеров, потом перешел к коллекции оружия на грязном коврике, не оставил без внимания груду компьютерных гаджетов, плат и старых катодно-лучевых трубок, забрызганных теперь кровью. Он осмотрел примитивный верстак, сколоченный из старых досок, исцарапанных и обожженных сверху, потом стену за верстаком, увешанную инструментами. Затем луч фонарика переместился на смятую постель, прошелся по кухонному уголку, неожиданно аккуратному, и вернулся назад – туда, откуда начался осмотр.

Пендергаст подошел к верстаку. Сосредоточился на нем. Осмотрел слева направо, разглядывая все мелочи с помощью фонарика, а иногда и лупы, время от времени подхватывая что-то ювелирным пинцетом и кладя в пробирку. Его бледное лицо, залитое отраженным светом, парило, словно существуя отдельно от тела, серебристые глаза сверкали в темноте.

Осмотр продолжался уже пятнадцать минут, и внезапно Пендергаст замер. В углу, где к стене был притиснут примитивный дощатый стол, луч его фонарика высветил то, что выглядело как две крупинки желтоватой соли. Первую он растер между пальцами, рассмотрел получившийся беловатый порошок на кончиках пальцев, понюхал его,

наконец попробовал кончиком языка. Вторую крупинку он подобрал пинцетом и уложил в маленький полиэтиленовый пакетик на молнии, закрыл и спрятал в карман пиджака.

После чего Пендергаст развернулся и вышел из квартиры. Дежурный полицейский, ждавший с напряженным вниманием, поднялся. Пендергаст тепло пожал ему руку:

– Спасибо за помощь и внимание к своим обязанностям. Я непременно скажу о вас лейтенанту, когда увижу его.

Он поспешил вниз по лестнице, бесшумно и плавно, как кот.

25

Почти ровно двенадцать часов спустя после того, как Пендергаст покинул квартиру Лэшера, Брайс Гарриман беспокойно расхаживал по своей двухкомнатной квартире на углу Семьдесят второй и Мэдисон. Квартира находилась в перестроенном довоенном здании и после переделки приобрела странную планировку, образующую настоящий замкнутый круг: из гостиной через кухню в одну из дверей ванной, затем через другую ее дверь в спальню, а оттуда по короткому коридору со стенным шкафом – назад в гостиную.

В доме были высокие потолки, шикарный вестибюль, круглосуточный консьерж, но арендная плата за квартиру, снятую на имя тетушки Гарримана, была ограничена законодательством. Когда тетушка умрет, что, вероятно, случится довольно скоро, ему придется съехать и найти что-нибудь более соответствующее его доходам. Еще одно подтверждение тающего наследства семьи Гарриман.

Квартира была обставлена в эклектическом стиле мебелью, оставленной ему пожилыми родственниками. Многие из этих вещей были ценными, и все – старыми. Единственной новинкой во всей квартире, если не говорить о кухонной утвари, был ноутбук, стоявший на столике в стиле королевы Анны из бразильского клена с изогнутыми ножками, который когда-то принадлежал двоюродному деду Брайса, Дэвидсону, уже десять лет как похороненному.

Гарриман прекратил слоняться из угла в угол и подошел к столику. Возле ноутбука с его мерцающим экраном лежали три стопки бумаги, по одной на каждое убийство. Листы были исписаны замечаниями, каракулями, закорючками, примитивными диаграммами и кое-где вопросительными знаками. Несколько мгновений Гарриман беспокойно листал их, потом вернулся к хождению.

Ноющая дрожь профессионального беспокойства, которая несколько стихла после его удачного интервью с Изольдой Озмиан, вернулась. Он знал, *знал*, какие великолепные истории можно слепить из этих

убийств, но у него возникали трудности с их созданием. Одна из них состояла в том, что его источники в полиции были не очень хороши и не стремились ему помочь. Его старый соперник Смитбек был мастер пригласить двух копов, поставить им выпивку, ублажить их и выудить из них нужную ему историю. Но Гарриман такие вещи делать не умел, хотя и ненавидел признавать это. Возможно, тут сказывалось его протестантское воспитание, годы, проведенные в Чоате и Дартмуте[15], то, что он рос в обстановке яхт-клубов и коктейльных приемов, – но, какова бы ни была причина, он просто не мог чувствовать себя свободно с копами, не мог говорить на их языке. И они это знали. А в результате страдали его истории.

Однако теперь возникла еще более серьезная проблема. Даже будь он на короткой ноге со всей нью-йоркской полицией, вряд ли это сильно бы ему помогло. Потому что последние убийства, похоже, повергли полицию в такое же недоумение, как и его. Циркулировал целый десяток разных версий: один убийца, два убийцы, три убийцы, убийца-подражатель, один убийца, выдающий себя за подражателя. Согласно самой свежей версии, девицу Озмиан прикончил один убийца, а позднее обезглавил кто-то другой, который продолжил совершать убийства-подражания. Копы не говорили, почему они считают, что второе и третье убийства связаны между собой, но, судя по тому, что удалось накопать Гарриману, было ясно, что modus operandi в обоих случаях один и тот же.

После интервью с Изольдой Озмиан Гарриман усердно стучался во все двери, появлялся на всех местах преступлений и сочинял наилучшие истории, на какие был способен. Во время пресс-конференции, прошедшей двумя днями ранее, он старался быть как можно более заметным, разве что в рог не трубил. Но он себя не обманывал: одна лишь заметность не способствовала продажам, а эти его новые истории были полны намеков и домыслов, но им не хватало фактов и свидетельских показаний.

Он еще два раза обошел квартиру и остановился в гостиной. Ноутбук стоял на столе с включенным текстовым редактором, курсор моргал перед Гарриманом, как выставленный средний палец. Он огляделся. Три стены в комнате были увешаны унаследованными им сносными картинами маслом, акварелями, рисунками; четвертая стена была отдана фотографиям умершей подруги, Шеннон, а также нескольким грамотам и наградам, которые он получил за свою работу по освещению исследований в области онкологии. Самую заметную награду он получил за фонд Шеннон Круа, названный ее именем и основанный для сбора денег на медицинские исследования рака матки. Добился он этого посредством «Пост», газеты, которая время от времени устраивала благотворительные мероприятия, сопровождаемые серией статей. Фонд

работал довольно успешно, собрал несколько миллионов долларов. Гарриман состоял в совете директоров. Он не мог вернуть Шеннон к жизни, но, по крайней мере, он старался сделать так, чтобы ее смерть не была совсем бессмысленной.

Гарриман вздохнул, заставил себя сесть за стол и снова перебрать три стопки бумаги. Чертовски странная история: три обезглавливания в одном районе, в течение менее чем двух недель – и без какой-либо очевидной связи между ними. Три человека разного происхождения, из разных социальных сред, разных возрастов, профессий и интересов. Все разное. Чистое безумие.

«Если бы только найти хоть что-то общее», – подумал он. Тогда было бы совсем другое дело. Не три истории, а одна. Одна огромная история. Если бы ему удалось найти одну общую ниточку, связывающую три убийства, три стопки бумаги… такая статья могла бы стать статьей всей его жизни.

Гарриман откинулся на спинку стула. Может быть, стоит отправиться в полицию и попытаться выведать что-нибудь о стрельбе прошлой ночью. Ради этого случая они согнали всю свою армию. Гарриман знал, что это как-то связано с подозреваемым в убийстве Кантуччи. Но больше ничего не смог выяснить.

Он не купился на все эти запутанные версии о подражателях, или о нескольких убийцах, или о противоречивых мотивациях. Он нутром чувствовал: убийца тут один. А если так, то убийства должны иметь что-то общее, кроме обезглавливания, – общую мотивацию. Но какую? В конце концов, речь шла о трех отвратительно богатых мерзавцах, которые никогда не встречались друг с другом, и все же…

И тут он остановился. «Три отвратительно богатых мерзавца». Может быть, это и есть то, что их связывает? Возможно ли такое?

Может быть, не все у трех жертв настолько уж разное. Ведь это так просто. Так очевидно. Три богатых мерзавца, которые, по мысли убийцы, заслуживают смерти. Чем больше Гарриман об этом думал, тем яснее оно становилось. Идеальная мотивация.

На самом деле это была единственная логическая версия.

Он почувствовал, как мурашки побежали у него по спине, а такое случалось, только когда он откапывал что-то серьезное.

Но нужно быть осторожным, очень осторожным. Он не хотел повторения истории с фон Менком, случившейся несколько лет назад, когда сумасшедший старый ученый предсказал неминуемую гибель Нью-Йорка в огне. Та статья доставила Гарриману немало неприятностей. Нет, если он и в самом деле нащупал здесь что-то, то это

должна быть версия, подкрепленная надежными сведениями, фактами и свидетельствами.

Он принялся медленно, внимательно перебирать листочки первой стопки, потом второй, потом третьей, тщательно взвешивая прочитанное, пытаясь отыскать прорехи в своей версии. Перед ним были три человека исключительно дурных нравов. Озмиан, богатая бездельница; Кантуччи, адвокат гангстеров; Богачев, торговец оружием и скотина хуже не бывает. Но… выяснилось, что у Грейс Озмиан была страшная тайна. И Гарриман готов был поклясться, что двое других тоже скрывали какое-то ужасное зло в прошлом. Наверняка. Они были не просто низкопробными мерзавцами – за каждым должно было числиться какое-нибудь отвратительное зло, как за Грейс Озмиан, – зло, не получившее адекватного наказания: сама природа их занятий делала это почти неизбежным. Чем дольше он думал, чем больше исследовал свидетельства, тем большую уверенность обретал. Это было так просто, так очевидно, это все время стояло у него перед глазами.

Гарриман снова принялся расхаживать по квартире, но теперь по-другому: возбужденно, с воодушевлением. Никому это даже в голову не пришло. Полиция не подозревает ничего подобного. Но чем пристальнее он рассматривал свое открытие под самыми разными углами, тем больше обретал уверенность… нет, убежденность в том, что он прав.

Он вернулся в гостиную, сел за столик королевы Анны, подтянул к себе ноутбук. Целую минуту он сидел без движения, собираясь с мыслями, а потом начал набирать текст, поначалу медленно, затем все быстрее и быстрее, постукивая клавишами в снежной ночи. Это будет рождественская история, которую все не скоро забудут.

26

ГОЛОВОРЕЗ ВЫЯВЛЕН

Убийства с обезглавливанием связаны между собой

Брайс Гарриман, «Нью-Йорк пост», 25 декабря

Почти две недели Нью-Йорк пребывал в тисках страха перед неизвестным убийцей. Три человека были жестоко убиты и обезглавлены, их головы похищены неизвестным преступником или преступниками. Убиты также еще шесть человек, охранники, которые явно просто стояли на пути убийцы.

Полиция Нью-Йорка в полной прострации. По их собственному признанию, они не знают, имеют ли дело с одним убийцей или с двумя, а то и вообще с тремя. Они не нашли мотива. У них нет надежных

зацепок. Следствие отчаянно ищет связь между главными жертвами, хоть какую-нибудь связь, однако безуспешно.

Но не тот ли это классический случай, когда за деревьями не видят леса? Проведенный «Пост» эксклюзивный анализ имеющихся данных обнаруживает такую связь и даже мотив, тогда как полиции это оказалось не по силам.

Анализ, проведенный «Пост», опирается на некоторые факты об основных жертвах.

Первая жертва: Грейс Озмиан, двадцатитрехлетняя бездельница, не имеющая других интересов, кроме как тратить деньги папочки, предаваться незаконному употреблению наркотиков и вести паразитический образ жизни до тех пор, пока в суде ей не дали по рукам за то, что она в пьяном виде за рулем сбила восьмилетнего мальчика и скрылась с места происшествия, после чего мальчик умер.

Вторая жертва: Марк Кантуччи, шестидесятипятилетний прокурор, ставший адвокатом гангстеров и заработавший миллионы, защищая самых отвратительных боссов мафии в Нью-Джерси; человек, который всегда выходил сухим из воды, хотя большое жюри неоднократно расследовало его деятельность, включавшую все – от присвоения чужих средств и вымогательства до рэкета и убийства.

Третья жертва: Виктор Богачев, пятидесятиоднолетний русский олигарх, который заработал состояние, выступая посредником в сделках по продаже списанного ядерного оружия через Китай; человек, покинувший свою страну, чтобы поселиться в одном из обширных поместий Хэмптона, где он тут же оказался объектом судебного преследования за неуплату налогов, невыплату жалованья своим работникам и несоблюдение городских установлений.

Может ли кто-нибудь, посмотрев на три эти жертвы, сказать, что между ними нет ничего общего? Анализ «Пост» демонстрирует вопиющую общность: все трое начисто лишены человеческой порядочности.

Эти три «жертвы» невероятно богаты, скандально порочны и достойны всяческого осуждения. Не нужно быть специалистом в судебной психологии, чтобы найти соединяющую их ниточку: они не имеют никаких искупительных качеств. Мир стал бы лучше, если бы они перестали существовать. Они – само воплощение всего худшего, что несет в себе сверхбогатство.

Так каким может быть мотив для убийства этих троих? Теперь это представляется очевидным. Эти убийства вполне мог совершить человек, взявший на себя роль судьи, присяжных и палача одновременно; человек явно не в своем уме, возможно, религиозный

или моральный абсолютист, который выбирает жертв именно потому, что они воплощают собой наиболее отвратительные, непотребные стороны современного мира. А в каком еще месте искать такие иконы порочности, как не в Нью-Йорке, среди одного процента самых богатых его жителей? А в каком еще месте сеять месть, превращать (в буквальном смысле) Готэм[16] в Город вечной ночи?

Хотя три жертвы убиты разными способами, все они были обезглавлены. Обезглавливание – самый древний и чистый вид наказания. Головорез поражает своих жертв мечом справедливости, косой божественного гнева и отправляет их души на вечные муки.

И какой же урок должен извлечь Нью-Йорк из этих убийств? Возможно, Головорез проповедует городу нормы морали. Эти убийства – предупреждение Нью-Йорку и стране. Предупреждение имеет две составные части. Первая часть имеет отношение к образу жизни жертв, и она гласит: «Вы, принадлежащие к одному проценту, образумьтесь, пока не поздно». Вторая часть предупреждения касается того, что Головорез выбирает жертв среди самых неуязвимых, защищенных и охраняемых среди нас. И эта часть предупреждения гласит: «Никто не может чувствовать себя в безопасности».

27

Д’Агоста никогда не любил больницы. И это было нечто большее, чем неприязнь; оказавшись в больнице со всеми ее блестящими поверхностями и лампами дневного света, с ее суетой, бибиканьем приборов, воздухом, пропитанным запахами медицинского спирта и плохой еды, он начинал чувствовать себя физически больным.

А в особенности ему досаждало, что в больницу нужно тащиться в пять утра в Рождество, чтобы допросить сумасшедшего кретина, стреляющего в полицейских. С каким бы пониманием ни относилась к нему Лора (она ведь и сама была капитаном нью-йоркской полиции), это не мешало ей возмущаться, что он ночь за ночью отсутствует, а вернувшись домой, способен только на то, чтобы рухнуть без чувств на кровать, потом встать и снова мчаться по делам – и это в утро Рождества, ни больше ни меньше, даже не выпив кофе и оставив Лоре вместо себя лишь несколько купленных наспех подарков.

Д’Агоста нашел Лэшера в палате в специальном режимном крыле Бельвью, под охраной четырех полицейских и медицинской сестры, маячившей поблизости. Этот псих получил серьезные раны, и докторам потребовалось более двадцати четырех часов для стабилизации его состояния в достаточной степени, чтобы он мог отвечать на вопросы. Теперь было ясно, что он выживет, в то время как подчиненный д’Агосты, Хаммер, находился в реанимации, по-прежнему между жизнью и смертью.

Лэшер был еще слаб, но ранения не выбили дурь из его головы. В течение пятнадцати минут на любой, самый обыденный вопрос д’Агосты следовал ответ, быстро сбивавшийся в сторону химиотрасс[17], убийства Кеннеди, проекта «МК Ультра»[18]. Парень был полным психом. Но с другой стороны, у него отсутствовало алиби по убийству Кантуччи. Несколько раз он противоречил сам себе, пытаясь рассказать, где находился и что делал в ночь убийства и в предшествующий день. Д’Агоста почти не сомневался, что тот ему врет, но в то же время этот тип настолько слетел с катушек, что трудно было представить, как он проворачивает столь ловкое убийство, каким бы опытным технарем он ни был.

А помимо всего прочего, Пендергаст на свой обычный манер куда-то исчез – не отвечал ни на эсэмэски, ни на электронные письма, ни на телефонные звонки.

– Давайте еще раз, – сказал д’Агоста. – Вы говорите, что восемнадцатого декабря вы весь день провели в своей квартире, сидели в онлайне, и ваша интернет-история может это подтвердить.

– Я вам говорю, чел, что…

Д’Агоста перебил его:

– Мы проверили вашу историю интернет-поиска за этот день, но компьютер досконально вычищен. Вопрос: почему вы стерли архив?

Лэшер закашлялся и поморщился:

– Я предпринимаю немало усилий, чтобы сохранить в тайне мою историю поисков, потому что вы, ребята из власти…

– Но вы сказали, будто ваша интернет-история может подтвердить, «что я весь день и всю ночь был в онлайне».

– Так бы оно и было! так бы оно и было, если бы дроны правительства, цифровые прослушки, трансмиттеры мозговых волн не принуждали меня принимать крайние меры для самозащиты…

– Лейтенант, – вмешалась сестра, – я вас предупреждала: этого человека нельзя волновать. Он все еще очень слаб. Если вы будете давить на него, то я буду вынуждена прекратить допрос.

Д’Агоста услышал перешептывание у себя за спиной, повернулся и увидел в дверях Пендергаста, пытающегося войти в палату. Наконец-то! Не обращая внимания на сестру, он обратился к Лэшеру:

– Значит, ваше доказательство – никакое не доказательство. Скажите, есть ли в доме кто-нибудь, кто мог бы подтвердить, что вы провели в своей квартире весь день.

– Конечно.

Пендергаст уже вошел в палату.

– Кто?

– Да ваши же.

– Это как?

– Вы же столько месяцев меня ведете, отслеживаете каждый шаг. Вы знаете, что я не убивал Кантуччи!

Д’Агоста покачал головой и повернулся к Пендергасту:

– Вы хотите что-нибудь спросить у этого чокнутого?

– Не напрямую. Но позвольте мне спросить у вас, Винсент: вы получили результаты анализа крови мистера Лэшера.

– Разумеется.

– И результаты на гидрохлорид метамфетамина положительные?

– Да, черт побери. Накачан до одурения.

– Я так и думал. Выйдем в коридор?

Д’Агоста последовал за ним из палаты.

– Мне не требуется задавать никаких вопросов, – сказал Пендергаст, – потому что парень не виновен в убийстве Кантуччи.

– И откуда вы это знаете?

– Я нашел крошку метамфетамина в его квартире. Крупные желтоватые, похожие на соль кристаллы – я немедленно опознал их как особый сорт, если можно так сказать, известный своей кристаллической формой, цветом и постоянством. Я провел быстрое расследование и установил, что Управление по борьбе с наркотиками вело наблюдение за изготовителем мета этой разновидности, готовилось его арестовать и что продукт продавался в одном ночном клубе. И один мой коллега организовал мне просмотр видео, записанных УБН на входах и выходах в тот ночной клуб. Там отчетливо видно, как Лэшер вошел в клуб, потом вышел сорок минут спустя, явно с покупкой… и точно в то время, когда был убит Кантуччи.

Д’Агоста уставился на него, потом рассмеялся и покачал головой:

– Вот зараза. Это не Бо, это не Ингмар, это не Лэшер – все приличные наводки коту под хвост. Мне кажется, что я бесконечно закатываю на вершину горы бочку с дерьмом.

– Мой дорогой Винсент, Сизиф гордился бы вами.

Когда они вышли из Бельвью, большой пикап нью-йоркской «Пост», развозящий утреннюю газету, остановился на зебре и водитель выкинул толстенную стопку газет на тротуар рядом с ними. Заголовок кричал:

ОБЕЗГЛАВЛИВАТЕЛЬ ВЫЯВЛЕН!!

28

– Это первое, – сказал Синглтон, выходя вместе с д’Агостой из муниципального здания, чтобы совершить небольшую прогулку от Уан-Полис-Плаза до здания городской администрации.

Стояло солнечное, дьявольски холодное утро, температура понизилась до минус двенадцати градусов. Но снег пока так и не выпал.

Д’Агоста пребывал в ужасе. Его никогда прежде не вызывали в офис мэра, тем более вместе с его капитаном.

– И что нас там ждет?

– Вряд ли что-то хорошее, – ответил Синглтон. – И даже не просто плохое. Скорее всего, нас ждет кошмар кошмарный. Обычно мэр доносит свою точку зрения через комиссара. Как я уже сказал, это первое. Ты видел, как он смотрел после пресс-конференции?

Дальше они шли молча – свернули в Сити-Холл-парк и вошли в роскошный, выполненный в неоклассическом стиле холл здания городской администрации. Швейцар в сером, ожидающий их прихода, провел их вверх по лестнице, потом по просторному и пугающему мраморному коридору, увешанному темными картинами, к двойным дверям. Их провели в наружный кабинет, а оттуда прямо в кабинет мэра. Без всякого ожидания.

Без всякого ожидания. Д’Агосте это показалось худшим из предзнаменований.

Мэр стоял за столом, на котором лежали два аккуратно сложенных номера «Пост»: вчерашний, с большой историей Гарримана, и утренний номер, с продолжением того же автора.

Мэр не предложил им сесть и не подал руки.

– Итак, – произнес он своим низким гудящим голосом, – на меня давят со всех сторон. Вы сказали, что у вас есть наводки. Мне необходимо знать, на каком мы свете. Мне нужны последние подробности.

Синглтон предварительно дал понять д’Агосте, что говорить будет он, как ведущий следствие. Если только мэр не обратится напрямую к Синглтону.

– Мэр Делилло, спасибо за вашу озабоченность… – начал д’Агоста.

– Давайте без этой фигни, говорите по делу.

Д’Агоста набрал в грудь побольше воздуха:

– Значит так… – Он решил не вешать мэру лапшу на уши. – Если откровенно, то дела обстоят неважно. Вначале у нас появилось несколько зацепок, некоторые из них казались перспективными, но все они никуда не привели, как это ни печально.

– Наконец-то я слышу откровенный разговор. Продолжайте.

– В первом случае у нас были все основания подозревать отца ребенка, которого жертва сбила насмерть и скрылась с места происшествия. Но у него стопроцентное алиби. Во втором случае мы были уверены, что это совершил кто-то из тех, кто имел отношение к установке охранной сигнализации в доме жертвы. Да что говорить, мы в этом до сих пор уверены, но три наиболее вероятных подозреваемых оказались ни при чем.

– А что с этим парнем, Лэшером, который подстрелил одного из ваших копов?

– У него алиби.

– А именно?

– Он попал в объектив камеры Управления по борьбе с наркотиками ровно во время убийства.

– Господи боже. А третье убийство?

– Лаборатории еще работают с уликами. Мы обнаружили катер, на котором скрылся убийца, – конечно, угнанный. Но похоже, это тупиковый путь. В катере никаких улик, как и в гавани, откуда его угнали. Однако мы получили четкий отпечаток обуви убийцы. Тринадцатый размер.

– Что еще?

Д’Агоста замялся:

– Что касается серьезных зацепок, это все.

– Все? Один дурацкий отпечаток? Вы это хотите мне сказать?

– Да, сэр.

– А ФБР? У них что-нибудь есть? Они не утаивают от вас информацию?

– Нет. Мы прекрасно понимаем друг друга. Похоже, они озадачены не меньше нас.

– А как насчет поведенческого подразделения ФБР, этих психологов, которые вроде бы способны по мотивации составить профиль личности? У них есть что-нибудь?

– Пока нет. Мы, конечно, предоставили им все наши материалы по делу, но обычно составление профиля занимает около двух недель. Однако мы настойчиво попросили их поторопиться и надеемся получить что-нибудь через пару дней.

– Через пару дней? Господи Исусе.

– Я сделаю все возможное, чтобы их поторопить.

Мэр схватил вчерашний номер «Пост» и помахал перед ними:

– А это что? Что за история Гарримана? Почему вы сами не увидели такие возможности? Почему нужен какой-то треклятый репортер, чтобы выдвинуть убедительную гипотезу?

– Мы, безусловно, рассматриваем такой вариант.

– Рассматриваете. Рассматриваете! У меня три тела. Три обезглавленных тела. Три богатых, печально известных обезглавленных тела. И у меня полицейский между жизнью и смертью. Мне не нужно рассказывать вам, как на меня давят.

– Мистер мэр, пока не существует никаких убедительных свидетельств в пользу версии Гарримана о том, что это некий мститель, но мы ведем следствие и в этом направлении, как и во многих других.

Мэр с отвращением бросил газету на стол:

– Версия, согласно которой какой-то псих объявил крестовый поход и выносит приговоры злодеям, задела людей за живое. Вы ведь понимаете, да? Многие люди в городе – важные люди – начинают нервничать. А есть другие – они сочувствуют убийце, видят в нем кого-то вроде серийного Робин Гуда. Мы не можем допустить, чтобы эта угроза проникла в социальную ткань общества. Тут вам не какое-нибудь захолустье вроде Кеокука или Покателло, это Нью-Йорк, где все живут под солнцем в гармонии, где самый низкий уровень преступности в Америке. Я не допущу, чтобы эти достижения были уничтожены в мою каденцию. Вы меня поняли? Не в мою каденцию.

– Да, сэр.

– Нелепость какая-то. Сорок детективов, сотни патрульных полицейских – и один отпечаток обуви! Если я не увижу немедленно результаты, вы дорого заплатите, лейтенант. И капитан. – Он ударил по столу крупной рукой с выступающими венами, перевел взгляд с одного на другого. – *Дорого* заплатите!

– Мистер мэр, мы выложимся по полной, я вам обещаю.

Мэр глубоко вздохнул, отчего его крупная фигура стала еще крупнее, потом выдохнул мощную струю воздуха:

– Тогда идите и принесите мне что-нибудь получше, чем какой-то дурацкий отпечаток.

29

Когда Альвес-Ветторетто вошла в логово босса на верхнем этаже башни «ДиджиФлад», Антон Озмиан сидел за своим столом, яростно стуча по клавишам ноутбука. Не переставая печатать, он поднял глаза, оглядел свою помощницу через очки в металлической оправе и почти незаметно кивнул. Она села в кресло из кожи и хрома и замерла в ожидании. Озмиан продолжал печатать – иногда быстро, иногда медленно – еще минут пять. Наконец он отодвинул от себя ноутбук, оперся локтями о черный гранит и уставился на своего адъютанта.

– Захват «Secure SQL»? – спросила Альвес-Ветторетто.

Озмиан кивнул, массируя седеющие волосы на висках:

– Нужно было проверить, на месте ли отравленная пилюля.

Она кивнула в ответ. Ее босс любил враждебные захваты не меньше увольнения своих сотрудников.

Озмиан вышел из-за стола и сел в другое кресло из кожи и хрома. Его высокая худая фигура была натянута, как струна, и Альвес-Ветторетто могла догадаться о причинах этого.

Озмиан показал на таблоид, лежавший на столе между ними, – рождественский номер «Пост».

– Я полагаю, вы это видели, – сказал он.

– Видела.

Предприниматель поднял газету, брезгливо поморщившись, словно держал в руках собачьи экскременты, и открыл ее на третьей странице.

– «Грейс Озмиан, – процитировал он с плохо сдерживаемой яростью, – двадцатитрехлетняя бездельница, не имеющая других интересов, кроме как тратить деньги папочки, предаваться незаконному употреблению

наркотиков и вести паразитический образ жизни до тех пор, пока в суде ей не дали по рукам за то, что она в пьяном виде за рулем сбила восьмилетнего мальчика и скрылась с места происшествия, после чего мальчик умер». – Неожиданным свирепым движением он разорвал таблоид на две части, потом на четыре и пренебрежительно швырнул обрывки на пол. – Этот Гарриман не хочет оставить ее в покое. Я дал ему шанс заткнуться и жить дальше. Но этот ублюдок-говноед продолжает макать меня в дерьмо, марая доброе имя моей дочери. Что ж, его шанс пришел и ушел.

– Хорошо.

– Вы знаете, о чем я говорю, верно? Пришло время прихлопнуть его, прихлопнуть, как комара. Я хочу, чтобы этот грязный пасквиль стал последним, что напишет этот мерзавец о моей дочери.

– Я понимаю.

Озмиан посмотрел на свою помощницу:

– Вы действительно понимаете? Я не имею в виду просто напугать его. Я хочу, чтобы он был нейтрализован.

– Я вам гарантирую.

Губы на узком лице Озмиана дрогнули в неком подобии улыбки.

– Я предполагаю, что после нашего прошлого разговора вы продумали надлежащий ответ.

– Конечно.

– И?..

– У меня есть кое-что исключительное. Нечто такое, что позволит не только достичь желаемой цели, но и выполнить это с иронией, которую вы оцените.

– Я знал, что на вас можно положиться, Изабель. Расскажите мне, что у вас на уме.

Альвес-Ветторетто начала объяснять, Озмиан откинулся на спинку кресла, слушая ее бесстрастный, четкий голос, рассказывающий о самом аппетитном плане. По мере того как она говорила, улыбка вернулась на его лицо, только теперь это была искренняя улыбка, которая задержалась надолго.

30

Брайс Гарриман начал подниматься по ступенькам главного входа в здание «Нью-Йорк пост», потом остановился. За последние годы он

тысячи раз поднимался по этим ступеням. Но сегодня утром все было как-то иначе. Сегодня утром, в день подарков, его вызвали в кабинет редактора Пола Петовски на незапланированный разговор.

Это было необычно. Петовски не любил разговоры – он предпочитал стоять посреди отдела новостей и выкрикивать команды с пулеметной скоростью, раздавая сотрудникам газеты поручения, задания и указания, словно разбрасывая конфетти. Из своего опыта Гарриман знал, что Петовски вызывает к себе в кабинет всего по двум причинам: либо устроить разнос, либо уволить.

Он преодолел последние ступеньки и вошел через вращающиеся двери в холл. Не в первый уже раз после вчерашнего дня его посещали сомнения в связи с этой статьей и гипотезой, ее породившей. Нет, естественно, статья была проверена и одобрена перед публикацией, как и ее продолжение, но по испорченному телефону до него дошло, что публикация вызвала сильную реакцию. Но какого рода реакцию? Произвела не тот эффект, какой ожидался? Вызвала ответный удар? Гарриман шагнул в кабину лифта, мучительно сглотнул слюну и нажал кнопку девятого этажа.

Он вошел в отдел городских новостей – там стояла необычная тишина. Для Гарримана тишина имела зловещий скрытый смысл, она словно наблюдала, слушала, будто сами стены ожидали какого-то происшествия. Господи боже, неужели он и вправду жутко накосячил? Его версия казалась такой убедительной, но он ведь и прежде иногда ошибался. Если его попросят из «Пост», ему придется уехать из Нью-Йорка, чтобы найти работу в журналистике. А поскольку газеты повсюду теряют тиражи и сокращают расходы, найти другую работу даже с его репутацией будет ох как нелегко. Хорошо, если возьмут куда-нибудь освещать собачьи гонки в Дубьюке.

Кабинет Петовски находился в заднем конце огромного помещения новостного отдела. Дверь была закрыта, жалюзи на окне опущены – еще один плохой знак. Гарриман петлял между столами, обходил людей, делавших вид, что они ужасно заняты, но все равно не мог отделаться от ощущения, что стоит ему пройти, как все принимаются сверлить глазами его спину. Он посмотрел на часы – десять. Назначенное время.

Он подошел к двери и неуверенно постучал.

– Да? – раздался хрипловатый голос Петовски.

– Это Брайс, – сказал Гарриман, изо всех сил стараясь не пустить петуха.

– Входите.

Гарриман повернул ручку, толкнул дверь, шагнул внутрь и остановился. Он даже не сразу понял, что видит перед собой. В маленьком кабинете

оказалось полно народу: там был не только Петовски, но и его босс – заместитель главного редактора, потом ее босс – главный редактор – и даже сам Уиллис Бивертон, старый, раздражительный издатель. Увидев Гарримана, все они разразились аплодисментами.

Словно во сне, он слушал эту овацию, чувствовал, как ему пожимают руки, похлопывают по спине.

– Блестящая работа, сынок, – сказал издатель Бивертон, обдав его сигарным выхлопом. – Просто блестящая!

– Вы в одиночку удвоили наш розничный тираж, – подхватил Петовски, и его привычный хмурый взгляд сменила скупая улыбка. – Это лучший рождественский номер, какой у нас был почти за двадцать лет.

Несмотря на ранний час, кто-то открыл бутылку шампанского. Последовали тосты, рукоплескания и панегирики. Короткую речь произнес Бивертон. Потом они выстроились в очередь, и каждый, подходя к Гарриману, поздравлял его и уступал место следующему. Через минуту кабинет опустел – остались только Гарриман и Петовски.

– Брайс, вы вытащили большую рыбу, – сказал Петовски. Он зашел за свой стол и налил себе остатки шампанского в пластиковый стакан. – Репортеры, случается, всю жизнь ищут что-нибудь такое. – Он допил шампанское и бросил стаканчик в корзину. – Долбите и дальше эту историю с Головорезом, вы меня слышите? Долбите до конца.

– Я так и собирался сделать.

– Но у меня есть к вам предложение.

– Да? – сказал Гарриман, внезапно насторожившись.

– Эта ваша установка, один процент против девяноста девяти. Она по-настоящему задела за живое. Продолжайте развивать эту идею. Сосредоточьтесь на одном проценте хищников, на том, что они делают с городом. Парни вроде Озмиана в своих стеклянных башнях считают себя выше всех остальных. Станет ли город игровой площадкой для сверхбогатых, тогда как остальным едва удается заработать на жизнь внизу, в темноте? Вы поняли мою мысль?

– Конечно.

– А та фраза, которую вы использовали в последнем абзаце, – «Город вечной ночи». Просто здорово. Чертовски хорошо. Сделайте из этих слов что-нибудь вроде мантры, вставляйте их в каждую следующую статью.

– Непременно.

– Да, кстати, с сегодняшнего дня я повышаю вам жалованье на сто долларов в месяц.

Он перегнулся через стол и прощальным хлопком по спине выпроводил Гарримана из кабинета.

Гарриман вышел в просторное помещение редакции. Его плечи гудели от крепкого удара Петовски. Он оглядел море лиц, взирающих на него, – в особенности отметил кислые мины своих молодых конкурентов – и начал ощущать что-то вроде внутреннего сияния, переполненный чувством, которого он не испытывал никогда прежде. Это было полное, всепоглощающее торжество.

31

Болдуин Дей открепил внешний жесткий диск емкостью в пять терабайт от своего настольного компьютера, сунул его в портфель и отправился в короткое путешествие на верхний этаж здания Приморского финансового центра близ Бэттери-парка. Он совершал это путешествие один раз в день, перемещая драгоценные сведения, благодаря которым компания «ЛФХ Файнэншл» неслась по хайвею прибылей и сверхприбылей. На том жестком диске были имена и личные сведения о многих тысячах людей, которых исследования его команды по маркетинговой информации определили как потенциальных клиентов, или «полковников» – так они называли этих людей в лабиринте боксов колл-центра, занимавшего три этажа Приморского комплекса. Потенциальные клиенты были преимущественно отставные ветераны и супруги солдат на активной службе. Самыми драгоценными из «полковников» были вдовы ветеранов, владевшие домами с погашенной ипотекой. Каждый день ровно в четыре часа пополудни Дей приносил жесткий диск в административный офис на верхнем этаже, где располагались кабинеты основателей и соуправляющих фирмы – Гвен и Рода Берч. Берчи просматривали список потенциальных клиентов, у них был нюх, и они выуживали лучшее из огромного массива данных. Потом они передавали отредактированные и аннотированные списки в просторный зал прессинговых операций, и тут их брали в работу, обзванивали тысячи «полковников», пытались сделать из них клиентов, хотя правильнее было бы называть их «лохами». Оператор прессингового зала должен был уболтать не менее восьми клиентов в день или сорока в неделю, иначе его увольняли.

Дей подыскивал себе другую работу чуть ли не с того самого момента, когда понял, чем на самом деле занимается компания. Ему отчаянно хотелось уйти из «ЛФХ», и не потому, что ему не доплачивали или заставляли работать по ночам (в этом смысле он ни на что не жаловался), а потому, что он не хотел участвовать в том разводилове, которым здесь занимались. Когда он только поступил в «ЛФХ»

в качестве главы отдела аналитики (какое громкое название!) и понял, что тут происходит, ему стало нехорошо. Это было против всех правил.

И конечно, помимо всего прочего, не исключалась вероятность того, что власти могут проявить интерес к махинациям «ЛФХ». В конечном счете ведь он работал на Берчей, а не на кого-то другого.

Эти мысли не давали ему покоя, когда он вошел в тесную кабину лифта, провел своей магнитной карточкой-пропуском по считывателю и нажал кнопку верхнего этажа. Мерам безопасности в компании уделялось повышенное внимание с того самого дня, когда отставной солдат, получивший мозговую травму в Ираке от взрыва самодельной бомбы, ворвался в холл с пистолетом, ранил трех человек, после чего застрелился. Его фамилия была в одном из тех списков, которые Дей принес наверх за три месяца до стрельбы. Именно столько времени потребовалось «ЛФХ», чтобы отобрать у парня дом, – три коротких месяца. Но и после стрельбы в практике и мотивах «ЛФХ» ничего не изменилось, если не считать того, что был введен фанатический режим безопасности, а в воздухе повисло сгущающееся ощущение паранойи. Часть режима безопасности состояла в изоляции и раздроблении компьютерных сетей, и именно по этой причине Дею приходилось передавать информацию в административный блок на старинный манер – приносить собственноручно.

Двери лифта открылись, и он вышел в изящный холл верхнего этажа Приморского центра. Берчи не поскупились, и здесь царила атмосфера чрезмерной роскоши: панели темного дерева, позолота, искусственный мрамор, ковры, в которых утопали ноги, фальшивые картины старых мастеров на стенах. Дей прошел через холл, кивая секретарям, опять провел карточкой по сканеру рядом с дверью, по сигналу приставил палец к другому сканеру, после чего деревянная дверь открылась, и он вошел во внешний административный кабинет, где кипела жизнь – приходили и уходили секретари и помощники. В «ЛФХ Файнэншл» наступило самое напряженное время дня, когда из прессингового центра поступали контракты.

Дей улыбался, кивал разным секретарям и помощникам, продолжая продвигаться к личному кабинету Берчей.

Перед дверью он зарегистрировался у Айрис, самого большого начальника головного офиса. Айрис была стреляным воробьем, здравомыслящей особой, «хорошим парнем», как говорится. Любому, кто хочет выжить, работая так близко к Берчам, приходится быть способным и жестким.

– У Берчей, кажется, конференция, – сказала она ему. – По крайней мере, Роланд вышел несколько минут назад.

– Вы знаете, что я должен доставлять это лично.

– Просто предупреждаю вас, только и всего. – Она посмотрела на него поверх очков и мимолетно улыбнулась.

– Спасибо, Айрис.

Он прошел по роскошному ковру к двойным дверям, которые вели во внутреннее святилище, и взялся за медную ручку. Он всегда ощущал что-то вроде боли в последний момент перед тем, как войти. За дверьми располагалось золоченое уродство – пространство, изобилующее золотым и черным цветом и занимаемое двумя воистину ужасными троллями. В девяти случаях из десяти они даже не удостаивали его взглядом, когда он передавал им диск, но время от времени отпускали какое-нибудь пренебрежительное замечание, а несколько раз шерстили его за какое-то надуманное нарушение.

Дей попытался повернуть ручку, но оказалось, что дверь заперта. Это было необычно.

– Айрис! – позвал он, поворачиваясь. – Дверь заперта.

Секретарь наклонилась к интеркому на ее столе и нажала кнопку:

– Мистер Берч? Пришел мистер Дей, принес данные.

Она подождала, но ответа не последовало.

– Мистер и миссис Берч? – снова обратилась она.

Ответа опять не последовало.

– Наверно, интерком испортился.

Айрис поднялась, резво подошла к двери и громко стукнула два раза.

Подождала.

Опять стукнула два раза, и опять.

Снова ожидание.

– Как странно. Я знаю, что они там.

Она подергала ручку, подергала еще раз. Потом взяла электронную карточку, висевшую у нее на шее, провела по сканеру, приложила палец.

Раздался щелчок, и дверь открылась.

Дей последовал за Айрис в пышное и вульгарное пространство кабинета. На миг ему показалось, что здесь по-новому оформили интерьер – в красном цвете. Потом он понял, что видит кровь, больше крови, чем он

когда-либо видел в жизни; он даже представить себе не мог, что может быть столько крови в двух обезглавленных телах, лежащих на пропитанном кровью ковре у него под ногами.

Дей услышал «ох» и повернулся как раз вовремя, чтобы подхватить Айрис: у нее подкосились ноги, и она начала падать на пол. Он вытащил ее из кабинета, хлюпая туфлями по пропитанному влагой ковру. Дверь за ним автоматически закрылась, когда он уложил Айрис на диван в приемной, к внезапному испугу всех, кто там находился. Потом он отыскал место для себя и сел, опустив голову на трясущиеся руки.

– Что такое? – резко спросила одна из секретарей. – Что случилось?

Туман в голове мешал Дею говорить. Но для него было уже очевидно, что именно случилось.

– Да что там такое? – повторила она, пока он пытался прогнать туман из головы, чтобы ответить.

Вокруг них начали собираться люди, другие нерешительно подошли к двери внутреннего кабинета.

– Бога ради, скажите нам, что случилось!

Другие находившиеся в приемной бросились к двери внутреннего кабинета и попытались ее открыть, но дверь автоматически заперлась, когда закрылась.

– Месть, – выдавил из себя Дей. – Месть случилась, вот что.

32

У входа на верхний этаж, рядом с лифтом, криминалисты установили блок-стеллажи с защитными костюмами, масками, перчатками и бахилами. Лейтенант д’Агоста облачился по полной, как и Пендергаст. Д’Агоста не мог не отметить, что агент неважно выглядит в таком одеянии, очень неважно. В сочетании с его бледной кожей и тощей фигурой мешковатый халат походил, скорее, на саван.

Они зарегистрировали свое появление при входе, где их ждал сержант Карри, уже натянувший костюм. Весь этаж получил статус места преступления, и криминалисты вовсю занимались делом, многие на четвереньках, собирая находки пинцетами и укладывая их в пробирки и полиэтиленовые пакеты на молнии. Одевшись, д’Агоста остановился, чтобы посмотреть на их работу. Вид у них был профессиональный, в высшей степени профессиональный. Конечно, при появлении начальства и ФБР на месте преступления все устраивали для них представление, но эти криминалисты были лучшими в нью-йоркской полиции, и их профессионализм все могли увидеть в деле. Как ему

хотелось, чтобы они нашли что-нибудь, что он мог бы предъявить мэру. И предъявить побыстрее. Новое двойное убийство, скорее всего, означало, что дело у него заберут, если его команда не продемонстрирует серьезного прогресса. Если повезет, они узнают что-нибудь от этой парочки, которая обнаружила тела.

Д’Агоста огляделся и заметил:

– Не самое удобное место для совершения убийства.

Пендергаст наклонил голову:

– Может быть, это и не убийство, строго говоря.

Д’Агоста пропустил его слова мимо ушей, как пропускал многие другие загадочные замечания агента.

– Вы хотите обойти весь этаж или осмотреть только место убийства? – спросил Карри.

Д’Агоста взглянул на Пендергаста, который почти безразлично пожал плечами:

– Как вам угодно, Винсент.

– Давай тогда посмотрим место, – сказал д’Агоста сержанту.

– Хорошо, сэр.

Карри повел их по приемной. Здесь стояла такая тишина, как в комнате больного или в палате для умирающих, и сильно пахло криминалистическими химикалиями.

– Тут камеры повсюду, – заметил д’Агоста. – Они что, были отключены?

– Нет, – ответил Карри. – Мы сейчас перекачиваем видео с жестких дисков. Но похоже, на них зафиксировано все.

– На них записан приходящий и уходящий убийца?

– Мы будем знать, как только посмотрим. Позже мы спустимся в службу безопасности, если хотите.

– Хочу, – сказал д’Агоста. И добавил: – Интересно, как преступник ушел отсюда с двумя головами под мышкой.

В дальнем конце наружных кабинетов д’Агоста увидел человека, тоже в криминалистическом облачении, с сотовым телефоном в полиэтиленовом пакете. Он явно не был копом из команды криминалистов и выглядел слегка позеленевшим.

– Кто это? – спросил д’Агоста.

– Он из Комиссии по ценным бумагам и биржам, – сказал Карри.

– Из Комиссии? Зачем? Как он получил разрешение?

Карри пожал плечами.

– Приведи-ка его сюда.

Карри привел человека. Тот был крупный, лысый, в очках в роговой оправе, в сером костюме под халатом. Человек сильно потел.

– Я лейтенант д’Агоста, начальник следственного отдела. А это специальный агент Пендергаст, ФБР.

– Надзирающий агент Мелдрум, полицейское подразделение Комиссии по ценным бумагам и биржам. Рад знакомству. – Он протянул руку.

– Извините, на месте преступления никаких рукопожатий, – сказал д’Агоста. – Может произойти обмен ДНК.

– Да, мне говорили, простите. – Человек смущенно убрал руку.

– Позвольте спросить, – начал д’Агоста, – какой интерес у комиссии в этом деле и кто вас допустил на место преступления?

– У меня разрешение из офиса прокурора по Южному округу. Мы за ними давно наблюдаем.

– Правда? – спросил д’Агоста. – И что они натворили?

– Много чего.

– Я бы хотел, чтобы вы рассказали нам, когда мы закончим осмотр и избавимся от этих чертовых костюмов.

– С удовольствием.

Они прошли по открытому пространству к двойным деревянным дверям, которые были открыты и заклинены. Изнутри лился свет, и первый цвет, бросившийся в глаза д’Агосте, был алым. Внутри работали криминалисты, они осторожно передвигались по коврикам, разложенным на пропитанном кровью ковре.

– Господи боже. Это преступник оставил их в таком виде?

– Тела не перемещались, сэр.

Тела лежали бок о бок, вытянувшись на полу, с руками на груди, аккуратно сложенными преступником или преступниками. В ярком свете, установленном криминалистами, все это казалось ненастоящим, словно сцена, подготовленная для киносъемок. Но запах крови был реальным, смесь влажного железа и плоти, уже начавшей разлагаться.

Зрелище было достаточно ужасающим, к тому же д’Агоста никак не мог привыкнуть к запаху. Никак. Он почувствовал, как тошнота подступает к горлу, и постарался подавить спазматическую реакцию, скрутившую его желудок. Кровь была повсюду. Чистое безумие. Где парень, который занимается анализом разлета капель крови? Вот он.

– Эй, Мартинелли, на одно слово!

Мартинелли поднялся и подошел.

– Что тут за история с кровью? Это что, специально намалевано?

– Мне еще предстоит проделать серьезный анализ.

– А предварительные соображения?

– Похоже, обе жертвы были обезглавлены в стоячем положении.

– Почему?

– Кровь на потолке. А это шестнадцать футов. Струя прямо вверх, артериальный фонтан. Чтобы кровь хлынула на такую высоту, частота сердцебиения и кровяное давление должны быть на пределе.

– А что могло стать причиной? Высокого кровяного давления, я имею в виду.

– Я бы сказал, убитые в последние несколько минут понимали, что их ждет. Их заставили встать, и они поняли, что их обезглавят, это вызвало у них крайний ужас и резкий скачок кровяного давления и частоты сердцебиения. И опять же это только по первому моему впечатлению.

Д’Агоста попытался уложить это в своей голове:

– Чем их обезглавили?

– Вот этим, – указал кивком Мартинелли.

Д’Агоста повернулся и увидел на полу какое-то средневековое оружие с лезвием, покрытым кровью.

– Так называемый бородатый топор. Оружие викингов. Конечно, копия. Острый как бритва.

Д’Агоста посмотрел на Пендергаста, но агент в защитном костюме был еще более непроницаемым, чем обычно.

– Почему они не кричали? Никто ничего не слышал.

– Мы абсолютно уверены, что использовалось и другое оружие. Возможно, стрелковое. Им угрожали этим оружием, чтобы они

помалкивали. А кроме того, двери здесь очень толстые и все помещение абсолютно звуконепроницаемое.

Д’Агоста покачал головой. Безумнее он ничего в жизни не видел: убить двух руководителей компании в их кабинете в самое напряженное время дня, когда всё фиксируют камеры и вокруг тысячи людей. Он посмотрел на Пендергаста. Тот вел себя не как обычно: не орудовал пинцетом, не укладывал улики в пробирки, был спокоен, словно вышел прогуляться в парке.

– У вас есть вопросы, Пендергаст? Не хотите на что-нибудь посмотреть? На улики?

– Не сейчас, спасибо.

– Я всего лишь специалист по рассеиванию брызг, – сказал Мартинелли, – но мне представляется, что убийца таким образом отправляет какое-то послание. «Пост» об этом писала…

Д’Агоста прервал его движением руки:

– Я знаю, о чем писали в «Пост».

Наконец Пендергаст заговорил:

– Мистер Мартинелли, разве преступник не должен был измараться кровью после обезглавливания двух стоящих людей?

– Может показаться, что да. Но у этого топора необычно длинное топорище, и если преступник стоял на расстоянии, то мог обезглавить их обоих одним ударом, а если он еще и прыткий, чтобы отпрыгнуть в сторону и избежать артериального фонтана при падении тел, то он мог уйти чистым.

– Можно ли сказать, что он искусен в обращении с топором?

– Ну, если посмотреть под таким углом, то да. Нелегко обезглавить человека одним ударом, в особенности если он стоит. А чтобы тебя еще и кровью не забрызгало – да, я бы сказал, для этого требуется серьезная практика.

Д’Агоста вздрогнул.

– Спасибо, это все, – сказал Пендергаст.

Они встретились с агентом из Комиссии по ценным бумагам и биржам в кабинете службы безопасности в подвале. По пути вниз, проходя по холлу, они увидели собравшуюся перед зданием толпу. Поначалу д’Агоста решил, что это обычная неугомонная пресса, и отчасти так оно

и было, но лишь отчасти. Размахивание плакатами и приглушенное скандирование свидетельствовали о том, что здесь происходит что-то вроде демонстрации против пресловутого одного процента. «Чертовы ньюйоркцы, им только дай предлог – тут же принимаются протестовать».

– Поговорим там? – предложил он, указывая на стулья в зоне ожидания.

Технари-полицейские скачивали и готовили к просмотру последние футы записей.

– Мне все равно где.

Они втроем уселись на стулья: агент из комиссии, Пендергаст и д’Агоста.

– Итак, агент Мелдрум, – сказал д’Агоста. – Расскажите нам о расследовании комиссии.

– Конечно. – Мелдрум протянул визитку. – Я пришлю вам копии наших досье.

– Спасибо.

– Берчи были семейной парой с двадцатидвухлетним стажем. Во время финансового кризиса они разработали инвестиционную схему, которая извлекала выгоду из положения людей с просроченными выплатами по ипотеке. Их система рухнула в две тысячи двенадцатом году, и парочку арестовали.

– И они не оказались в тюрьме?

Мелдрум невесело усмехнулся:

– В тюрьме? Прошу прощения, лейтенант, где вы были последние десять лет? Я вам даже не смогу назвать, сколько дел, которые я разматывал, не попали в суд, а были улажены в досудебном порядке и закончились штрафом. Эти два жулика получили по рукам и быстро открыли новую обдираловку – «ЛФХ Файнэншл».

– Которая занимается чем?

– Находит супруг солдат и отставных ветеранов. Две основные мошеннические схемы. У вас солдат за рубежом. Супруг – обычно жена – находится в Штатах и переживает экономически трудные времена. И вот вы уговариваете жену взять ипотеку на дом. Небольшой начальный платеж, а потом норма выплат резко подскакивает до уровня, который ей не по карману. «ЛФХ» забирает дом, продает, забирает деньги.

– Это законно?

– В основном – да. Вот только существуют специальные правила, ограничивающие сделки с солдатами на активной службе, а «ЛФХ» эти правила не соблюдала. В таких случаях в дело вступаю я.

– А вторая схема?

– «ЛФХ» находит вдову ветерана, которая живет в приличном доме с полностью выплаченной ипотекой. Они убеждают ее взять небольшую обратную ипотеку. Ничего особенного, таких сделок сколько угодно. Но потом «ЛФХ» объявляет дефолт по обратной ипотеке, выдвигая какую-нибудь надуманную причину: неуплата страховой суммы домовладельцем или другое сфабрикованное либо мелкое нарушение условий. Достаточный предлог, чтобы забрать дом, продать его и присвоить приличную часть выручки за поздние выплаты, штрафы, проценты, неустойки и другие завышенные платежи.

– Иными словами, эти двое были подонками, – сказал д’Агоста.

– Не сомневайтесь.

– Вероятно, у них было немало врагов.

– Да. Вообще-то, некоторое время назад в этом самом здании была стрельба: солдат, потерявший дом, явился сюда и устроил тут «проветривание», после чего покончил с собой.

– О да, – сказал д’Агоста. – Я помню. И вы полагаете, эту парочку убила жаждущая мщения жертва их махинаций?

– Вполне обоснованная гипотеза, и именно об этом я подумал, когда поступил вызов.

– Но теперь вы так не думаете.

– Нет. Мне кажется абсолютно очевидным, что это тот же псих, который совершил три других убийства с обезглавливанием, – некий мститель, который наказывает богатых негодяев. Вы читали статьи в «Пост»?

Д’Агоста покачал головой: хотя он и ненавидел этого ублюдка Гарримана, его версия становилась все более правдоподобной. Он посмотрел на Пендергаста и не смог удержаться, чтобы не спросить:

– Что вы об этом думаете?

– Много чего.

Д’Агоста подождал, но вскоре стало ясно, что продолжения не будет.

– Это безумие. Два человека обезглавлены посреди дня в многолюдном офисном здании. Как убийца преодолел все препоны, как проник в их кабинет, как убил их, как отрезал им головы и ушел никем не

замеченным? Это кажется невероятным, как одна из тех историй про запертую комнату, созданных этим... как его?.. Диксоном Карром.

Пендергаст кивнул:

– По моему мнению, самый важный вопрос заключается не в том, кто были жертвы, почему они были выбраны и как было совершено убийство.

– А что еще есть в убийстве, кроме «кто», «почему» и «как»?

– Мой дорогой Винсент, есть еще «где».

33

Звукооператор прикрепил микрофон к рубашке Гарримана, настроил его и удалился на свое место.

– Произнесите, пожалуйста, несколько слов, – попросил он оттуда. – Обычным голосом.

– Это Брайс Гарриман, – сказал Гарриман. – «Давай пойдем с тобою вместе – я и ты, когда тоска вечерней немоты закроет небеса...»[19]

– Отлично, уровень хороший.

Звукооператор показал продюсеру поднятый вверх большой палец.

Гарриман оглядел сцену. Телевизионные студии всегда его поражали: десять процентов пространства были отданы тому, что выглядело как чья-то гостиная или стол ведущего, а остальное представляло собой грандиозный хаос с цементными полами, висящими софитами, зелеными экранами, камерами, проводами и людьми, стоящими вокруг и наблюдающими за процессом.

Это было его третье шоу за неделю, и каждое последующее становилось больше предыдущего. Настоящий барометр, показывающий, насколько популярными стали его первая и последующие статьи. Сначала его пригласила местная нью-йоркская станция и записала интервью продолжительностью две минуты. В следующий раз он появился на «Шоу Мелиссы Мейсон», одном из наиболее популярных ток-шоу на территории трех штатов[20]. А потом пришло известие о двойном убийстве – убийстве, которое идеально соответствовало его версии. И его пригласили на по-настоящему большой экран: «Утро Америки с Кэти Дюран», одно из крупнейших в стране телевизионных утренних шоу. И теперь перед ним была сама Кэти, она сидела всего в двух футах от него, и ее лицо в рекламной паузе подправляли гримеры. Декорации «Утра» выглядели как шикарный уголок для завтрака – с американскими картинами в стиле наивного искусства на фальшивых стенах, с двумя

«ушастыми» креслами с салфеточкой под голову, стоящими друг против друга, и большим экраном между ними.

– Десять секунд, – сообщил кто-то из темных глубин студии.

Гример исчез со сцены, и Кэти повернулась к Гарриману.

– Рада видеть вас здесь, – сказала она, одаряя его улыбкой на миллион долларов. – Какая ужасная история. Ну просто совершенно ужасная.

– Спасибо, – сказал Гарриман, улыбаясь ей в ответ.

Он следил за обратным отсчетом на большом экране, потом на одной из направленных на них камер загорелась красная сигнальная лампочка.

Кэти повернула свою ослепительную улыбку к камере:

– Сегодня утром мы рады представить вам нашего гостя Брайса Гарримана, репортера «Пост», который, как говорят люди, сделал то, что оказалось не по силам нью-йоркской полиции: понял мотивацию убийцы, прозванного Головорезом. А после недавнего двойного убийства, которое точно соответствует версии мистера Гарримана, опубликованной в день Рождества, эта история по-настоящему задела публику за живое. Знаменитости, миллионеры, рок-звезды, даже боссы мафии начали покидать город.

Пока она говорила, на экране между креслами логотип «Утра Америки» сменился короткими видеороликами, в которых было показано, как люди садятся в лимузины, частные самолеты выруливают на взлетные полосы, знаменитости, окруженные мордоворотами-охранниками, спешат пройти мимо папарацци. Эти ролики были знакомы Брайсу, он видел их и раньше. Он видел случаи бегства и собственными глазами. Люди, влиятельные люди, покидали Манхэттен, как крысы, бегущие с тонущего корабля. И все из-за него, Брайса. А тем временем простой народ наблюдал за происходящим, испытывая нездоровое возбуждение при виде того, как один процент получает наконец то, что заслужил.

Кэти повернулась к Гарриману:

– Брайс, добро пожаловать на «Утро Америки». Спасибо, что пришли.

– Спасибо, что пригласили, Кэти, – сказал Гарриман.

Он слегка шевельнулся, показывая камере свой профиль в самом выгодном свете.

– Брайс, о вашей истории говорит весь город, – продолжила Кэти. – Как вам удалось вычислить то, что ускользало от лучших умов нью-йоркской полиции на протяжении уже, кажется, нескольких недель?

Гарриман ощутил сильное воодушевление, вспомнив слова Петовски: «Репортеры, случается, всю жизнь ищут что-нибудь такое».

– О, я не могу приписать себе все заслуги, – ответил он с напускной скромностью. – На самом деле я только строил на площадке, уже подготовленной полицией.

– Но что стало… как бы это получше сказать… моментом истины?

Она была похожа на Барби, со своим маленьким носиком и волной светлых волос.

– Если помните, в то время в воздухе витало несколько версий, – сказал Брайс. – Меня не убеждало предположение, будто в городе действует не один, а несколько убийц. Когда я утвердился в этом мнении, мне осталось только определить, а что же общего есть у всех жертв.

Кэти посмотрела на телеподсказчик, по которому катились строки из первой статьи Гарримана.

– Вы написали, что жертвы «все трое начисто лишены человеческой порядочности». Что «мир стал бы лучше, если бы они перестали существовать».

Гарриман кивнул.

– И вы считаете, что их обезглавливание – символический жест?

– Верно.

– Я что хочу сказать… обезглавливание – не может ли оно, случайно, быть делом рук джихадистов?

– Нет. Это не укладывается в шаблон. Убийства – дело рук одного человека, и он пользуется обезглавливанием по причинам, которые понятны только ему. Да, это древний вид наказания, демонстрация божественного гнева, направленного на грехи и пороки, совершенно вопиющие в современном обществе. Даже сам термин capital punishment[21] происходит от латинского caput, что означает «голова». Но убийца – проповедник, Кэти, он предупреждает Нью-Йорк, а в расширительном смысле – всю страну о том, что алчность, эгоизм, вульгарное стремление к благам больше нельзя терпеть. Он выбирает жертв среди самых отвратительных из одного процента, которые в последние несколько лет подмяли под себя город.

Кэти энергично кивала, глаза ее горели, она впитывала каждое его слово. Брайс понял кое-что: эта одна история сделала его знаменитостью. Он взял самые резонансные убийства за многие годы и присвоил их себе одному. Его статьи-продолжения, тщательно выписанные для максимальной сенсационности и придания блеска его

собственному образу, стали вишенками на торте. Все в Нью-Йорке смотрели ему в рот. Они хотели, жаждали, чтобы он объяснил им, кто такой Головорез.

И он будет счастлив угодить им. Нынешнее интервью было блестящей возможностью раздуть пожар, и Брайс был готов это сделать.

– Но что именно он проповедует? – спросила Кэти. – И кому?

Брайс осторожно, чтобы не задеть микрофон, поправил на себе галстук небрежным жестом человека, знающего себе цену:

– На самом деле это довольно просто. Посмотрите, что случилось с нашим городом: коррумпированные деньги, хлынувшие из-за океана, квартиры за пятьдесят и сто миллионов долларов, миллиардеры, прячущие свои золоченые дворцы за высокими стенами. Раньше Нью-Йорк был местом, где все, бедные и богатые, варились в одном котле и уживались. Теперь сверхбогатые захватили город, а всех остальных загнали в гетто. Я думаю, послание убийцы этим людям звучит так: «Образумьтесь!»

Последнее слово он произнес зловещим тоном.

Кэти посмотрела на него широко раскрытыми глазами:

– Вы хотите сказать, что Головорез продолжит убийства сверхбогатых?

Гарриман сделал долгую, чреватую скрытым смыслом паузу, потом кивнул. «Время раздувать пожар».

– Да, я так считаю. Но давайте не будем расслабляться. Да, он начинает с богатых и влиятельных, – проговорил он, – но, если мы не внемлем его предупреждению… возможно, он на этом не остановится. Мы все в зоне риска, Кэти, все до единого.

34

Кабинеты службы безопасности здания Приморского финансового центра и, в частности, «ЛФХ Файнэншл» были расположены в подвальных помещениях без окон, со стенами из крашеного шлакобетона и функциональной металлической мебелью. Но сама система наблюдения, как понял д’Агоста сразу же, как вошел сюда, была новехонькая, последней модели, и обслуживали ее люди более чем компетентные. Глава службы безопасности, человек по фамилии Градски, перекачал все записи со всех камер на жесткие диски технической команды нью-йоркской полиции, которая увезла их с собой. Но д’Агоста не хотел ждать через несколько часов, если не дней, до просмотра в Уан-Полис-Плаза. Он хотел увидеть записи немедленно. И Градски любезно предоставил ему такую возможность; у него уже все

было готово, когда появились д’Агоста и Пендергаст в сопровождении сержанта Карри.

– Входите, джентльмены.

Градски был невысоким черноволосым человеком с рядом ослепительно-белых зубов и розовыми деснами, которые он постоянно выставлял напоказ, улыбаясь во весь рот. Он скорее напоминал парикмахера, чем специалиста по системам безопасности, но, наблюдая за тем, как суетится человек в просмотровой, подключает одно, соединяет другое, выстукивает что-то на клавиатуре, д’Агоста понял, что им чертовски повезло. Большинство начальников службы безопасности не расположены к сотрудничеству, а иногда и вообще враждебны. Этот парень явно хотел угодить и, несомненно, понимал, что делает.

– Что именно вы бы хотели увидеть? – спросил Градски. – У нас множество камер, и только за прошлый день записано более тысячи часов видео. Мы скопировали все вчерашние записи для ваших людей.

– Мне требуется совсем простая штука. У дверей внутреннего кабинета есть камера. Я хочу, чтобы вы показали мне эту запись и начали ровно в тот момент, когда были обнаружены тела, а потом прокрутили запись назад с удвоенной скоростью.

– Хорошо.

У Градски ушло всего несколько минут, чтобы вывести запись на экран и пригасить свет в комнате. Изображение было удивительно четкое – вид под широким углом на двойные внутренние двери и площадь вокруг со столами по обеим сторонам. Запись началась с изображения человека, который нашел тела, он сидел, уронив голову на руки, а на диване рядом с ним лежала секретарша. Потом они вскочили, мужчина утащил женщину на руках в кабинет, несколько мгновений спустя они появились, идя спиной вперед, и мужчина попытался открыть дверь, но ручка не поддавалась, женщина пыталась помочь ему, потом она вернулась за свой стол, а мужчина исчез из виду. Двери оставались закрытыми, а люди толпами входили в наружный кабинет и выходили из него.

Секунды продолжали бежать против хода времени. Наконец двери открылись, и из них появился человек с большим ящиком для инструментов. Двигаясь спиной вперед, он вошел в двери наружного офиса и исчез из виду, когда двери захлопнулись.

– Остановите! – попросил д’Агоста.

Градски остановил кадр.

– Давайте вперед в замедленном режиме.

Градски стал прокручивать запись вперед, и теперь дверь открылась и из нее вышел человек.

– Остановите, – снова попросил д’Агоста и уставился на экран. Кадр был на удивление четким. – Это наш человек, да? Он последним вышел из кабинета, после него остались мертвые тела. Это точно должен быть он. – Он посмотрел на Пендергаста, почти готовый услышать возражения.

Но нет, Пендергаст сказал:

– Ваша логика безупречна.

– И посмотрите, что он несет. В такой ящик уместится и меч, и две головы! И время точно соответствует времени смерти, указанному судмедэкспертом. Черт побери, это он!

– Похоже, это не вызывает сомнений.

– Но кто он? – Д’Агоста повернулся к Градски. – Вы видели его прежде?

Градски прокрутил кадр туда-сюда, выделил лицо человека, увеличил, усилил резкость с помощью программы:

– Знакомое лицо. Кажется, он здесь работает. Черт, это же Макмерфи!

– Кто он такой?

Градски нажал клавишу, и на экране появился файл с личными делами сотрудников. Там обнаружилась фотография этого человека, его имя – Роланд Макмерфи, помощник вице-президента – и все его личные данные: телефон, адрес на Колумбус-авеню, всё.

– Вот он, наш парень.

Наконец-то! Д’Агоста с трудом сдерживал торжество в голосе.

– Мм, – промычал Градски. – Я так не думаю.

– Что вы имеете в виду?

– Макмерфи? Я вообще не могу представить его в такой роли. Он один из тех нескладных парней, ну вы понимаете, с двойным подбородком, ипохондрик, коллекционер бабочек, виолончелист, всегда спешит, будто боится, что его высекут.

– Иногда такие вещи делают ребята, на которых ни за что не подумаешь, – заметил д’Агоста. – Они взрываются.

– Мы можем выяснить, на месте ли он. У нас цифровая фиксация всех, кто входит в здание и выходит. – Градски пролистал какие-то файлы на

экране. – Вот тут записано, что он сегодня не появлялся на работе, кажется, сообщил, что болен.

– Значит, он сказал, что болен, а потом проскользнул внутрь? – сказал д’Агоста и тут же повернулся к Карри. – Отправь две патрульные машины с поддержкой на его адрес, и чтобы команда спецназа была готова. Давай.

– Да, лейтенант.

Карри отошел в сторону, достал телефон и принялся звонить.

Градски откашлялся:

– Хотел бы заметить, что ваше предположение о том, что он проскользнул внутрь, трудно реализуется, а скорее даже вообще невозможно. У нас здесь система безопасности по последнему слову техники.

– Позвольте мне задать вопрос, – тихо произнес Пендергаст.

– Да, конечно, – кивнул д’Агоста, посмотрев на агента.

– Убийца вышел из кабинета в четыре часа одну минуту. Сколько времени нужно, чтобы спуститься оттуда до главного входа?

– Я бы сказал, минут шесть-восемь, – ответил Градски.

– Отлично. Давайте посмотрим камеру в вестибюле в четыре ноль семь – узнаем, не вышел ли он.

Градский нашел нужную запись, и через минуту они действительно увидели человека с футляром для виолончели на выходе из здания.

– А теперь прокрутите назад запись, первоначальную запись в кабинете, чтобы посмотреть, как он входит.

Они прокрутили изображение обратно и увидели, как этот человек появляется в дверях, а потом исчезает из виду.

– Три пятьдесят, – отметил Пендергаст. – Теперь мы знаем, что убийство произошло в течение одиннадцати минут между тремя часами пятьюдесятью минутами и четырьмя ноль одной. Отлично. Мистер Градски, давайте переместимся в вестибюль на три часа сорок две минуты, чтобы увидеть, как он входит в здание.

Д’Агоста наблюдал за манипуляциями Градски – и ровно в три сорок две они увидели, как этот человек входит в дверь. Он появился из вращающейся двери, сразу же подошел к электронной проходной, провел своей карточкой-пропуском, и воротца перед ним открылись.

– Что показывали часы, когда он использовал карточку? – спросил Пендергаст.

– Три сорок три и две секунды, – сказал Градски.

– Пожалуйста, проверьте по вашему журналу, кто вошел в здание в эту секунду.

– Да. Логично.

Градски еще немного постучал по клавишам, потом нахмурился, глядя на экран. Он долго смотрел, вытянув губы. Попробовал еще раз.

– Ну? – спросил д’Агоста. – И кто же?

– Никто. Никто не входил в это время.

В этот момент из дальнего угла появился Карри, успевший сделать несколько звонков:

– Лейтенант…

– Что там?

– Роланд Макмерфи весь день лежал в больнице с калоприемником.

Они вышли из вестибюля на площадь перед Приморским финансовым центром, где собралась шумная толпа, кричащая и размахивающая плакатами.

– Только не еще одна демонстрация, – простонал д’Агоста. – Какого черта им теперь нужно?

– Понятия не имею, – сказал Карри.

Д’Агоста обвел взглядом бурлящую массу, и у него начали закрадываться подозрения насчет происходящего. Вообще-то, тут были две группы протестующих. Одна размахивала плакатами и кричала лозунги типа «Покончим с одним процентом!» и «Обезглавить корпоративных рвачей!». Эти люди относились к молодой, непрезентабельной части собравшихся; почти такую же толпу д’Агоста видел несколькими годами ранее во время протестов «Захвати Уолл-стрит». Другая группа сильно отличалась от первой. Многие из этих людей тоже были молоды, но в пальто и при галстуках, они скорее походили на мормонских миссионеров, чем на радикальных леваков. Они ничего не кричали, просто молча держали плакаты с разными лозунгами типа: «Кому ты принадлежишь?», «Добро пожаловать на новый костер тщеславия!», «Лучшие вещи в жизни вовсе не вещественны» и «Вещизм неизлечим!».

И хотя обе стороны вроде бы сходились во взглядах на деньги как на порочную материю, но на площади слышались оскорбления и то там, то тут возникали потасовки, учащавшиеся по мере того, как с прилегающих улиц приходили все новые люди и присоединялись к толпе. Д'Агосте бросился в глаза человек, который показался ему лидером более спокойной группы, – худой, седоволосый, в грязном пуховике поверх одеяния, напоминающего монашескую мантию. Человек держал в руках плакат, на котором было написано:

ТЩЕСЛАВИЕ

Под словом «тщеславие» виднелось примитивное изображение костра.

– Эй, посмотрите-ка на этого парня. Кто он, по-вашему?

Пендергаст взглянул на человека:

– Бывший иезуит, судя по потертой сутане под пальто. А плакат – явная аллюзия на костер тщеславия Савонаролы[22]. Довольно занятный поворот нынешней ситуации, как вы думаете, Винсент? Ньюйоркцы никогда не перестают меня удивлять.

В голове у д'Акосты остались туманные воспоминания о психе по имени Савонарола из истории Италии, и больше он ничего не мог вспомнить.

– Эти тихие… они пугают меня больше, чем отбросы. Они именно то, на что они похожи.

– Верно, – сказал Пендергаст. – Видимо, мы имеем дело не только с серийным убийцей, но и с целым социальным протестным движением… или даже двумя.

– Да. И если мы как можно быстрее не раскрутим это дело, то в Нью-Йорке начнется какая-нибудь поганая гражданская война.

35

Марсден Своуп вышел на декабрьский мороз из дома на Восточной Сто двадцать пятой улице и глубоко вдохнул, пытаясь очистить легкие от спертого воздуха своей подвальной квартиры-студии. После протестов предыдущего вечера он чувствовал себя заряженным. С того самого времени – то есть восемнадцать часов подряд – Своуп сидел за своим стареньким компьютером, писал посты, твиты, фейсбучил, инстаграмил, имейлил. Поразительно, думал он, как за такой короткий промежуток времени одна скромная идея может стремительно разрастись, словно снежный ком, и превратиться в нечто большое. Мир жаждал того, что он хотел предложить. Странное чувство, после всех этих лет работы в нищете и безвестности.

Своуп сделал еще несколько глубоких вдохов. Голова у него кружилась, и не только оттого, что он долго просидел за компьютером, но еще и потому, что он не ел два дня. Он не чувствовал голода, но знал, что должен поесть, чтобы продолжать; если его дух был насыщен, то его тело работало без топлива.

Рядом с тротуаром в ярком, холодном зимнем свете проносились машины, беспечные люди шли мимо Своупа по своим бессмысленным делам. Он дошел до Бродвея, пересек его, прошел под эстакадой, слыша, как наверху грохочет поезд, с лязгом и громыханием несущийся на север, потом свернул к «Макдоналдсу» на углу Бродвея и Сто двадцать пятой.

В заведении, как всегда, толпилась компания оборванцев, которые спасались от холода, грея руки о стаканчики с кофе, а неизбежная группа азиатов играла в карты. Своуп помедлил: здесь перед ним были те самые невидимые, бедные, униженные, сокрушенные, низведенные в пыль богатыми и влиятельными людьми этого падшего города. Скоро, совсем скоро их жизнь изменится… благодаря ему.

Но пока еще рано говорить об этом. Своуп подошел к прилавку, заказал две дюжины «чикен макнаггетс» и кружку с шоколадным молоком, забрал заказ и сел за столик. Он ведь тоже мог быть невидимым: никто его не знал, никто на него не смотрел. И что уж говорить, смотреть-то особо было не на что: маленький человек на шестом десятке, с редеющими седыми волосами, коротко стриженной бородкой, одетый в пуховую куртку Армии спасения, брюки и туфли из секондхенда.

В прошлом священник-иезуит, Своуп вышел из ордена Иисуса десятью годами ранее. Он сделал это, чтобы избежать изгнания, в основном из-за того нескрываемого отвращения, какое у него вызывало лицемерие Католической церкви относительно денег и собственности, накопленных ею за века, что прямо противоречило учению Иисуса о бедности. Будучи иезуитом, он принял обет бедности, но как же контрастировала проповедь о бедности с непристойными богатствами Церкви! «Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие» – эти слова из Библии были, по мнению Своупа, самым ясным высказыванием Иисуса за годы его жизни на земле, но в то же время (как он много раз говорил своим настоятелям, к их огромному неудовольствию) самым пренебрегаемым многими так называемыми христианами.

Но хватит. Больше униженные не будут это терпеть. Ответ состоял не во внешней революции, которую активно продвигали многие другие из тех, кто внезапно начал протестовать. Ничто не в силах изменить корыстолюбие человечества. Нет, Своуп призывал к *внутренней*

революции. Невозможно изменить алчность мира, но можно изменить себя, принести обет бедности и простоты, отвергнуть тщеславие.

И потому он так и жил с дурной славой и продолжал свой одиночный крестовый поход в онлайне, бунтовал против денег, богатства и привилегий. Его голос был гласом вопиющего в пустыне, пока он по внезапному порыву не присоединился к той демонстрации. И в разговорах с людьми, во время марша и новых разговоров он понял, что наконец-то нашел близких ему людей и свое призвание.

Всего два дня назад, когда он читал про убийства с обезглавливанием в «Нью-Йорк пост», его осенила идея. Он организует костер. Символический костер, вроде того, что разжег монах Савонарола на центральной площади Флоренции 7 февраля 1497 года. В тот день тысячи флорентийцев откликнулись на призыв Савонаролы принести на огромную площадь предметы тщеславия, сложить их вместе и сжечь как символ очищения своих душ. И граждане отозвались с огромным энтузиазмом, они кидали в кучу косметические средства, зеркала, непристойные книги, игральные карты, богатые одежды, фривольные картины и другие проявления мирской алчности, а потом подожгли их, устроив гигантский костер тщеславия.

И тут, очень вовремя, он узнал в социальных сетях о демонстрации, присоединился к ней, и она кристаллизовала все его прошлые мысли и идеи вокруг этой одной идеи: костер тщеславия двадцать первого века. А разве можно найти для этого место лучше, чем Нью-Йорк, Флоренция современного мира, город миллиардеров и бродяг, самых богатых и самых бедных, полуночная площадка для игр богачей и полуночная яма отчаяния для бедных?

И тогда бывший иезуит Марсден Своуп обратился в социальных сетях со скромным призывом ко всем в мире, кто не может более терпеть вещизм, нарциссизм, алчность, эгоизм, неравенство и духовную пустоту нашего современного общества. Он пригласил их прийти на костер тщеславия, устроить его где-то в Нью-Йорке. Чтобы запутать и сбить с толку власти, писал он, реальная дата и место костра до последней минуты будут сохраняться в тайне. Но он должен гореть в публичном месте, очень публичном месте, и начаться мгновенно после оповещения, чтобы власти не смогли им воспрепятствовать. Его читатели, последователи, должны подготовиться и ждать его инструкций.

Эта идея, писал Своуп, была ему навеяна жестокими убийствами, совершенными Головорезом. Вот человек, который претендует на то, что умеет распознавать зло, существующее в современном мире. Если вы верите в Сатану (а есть немало свидетельств в пользу его существования), то вы должны понять, что Головорез на самом деле – слуга Сатаны. Он капитализировал разбойничье зло одного процента и

их корпоративных приверженцев для большего распространения зла. Головорез назначил себя таким же судьей, словно сам Господь, а это запредельное богохульство. Он способен отвадить верных от исполнения их истинного долга, который состоит в том, чтобы просить прощения, искать способы очистить себя, вытащить бревно из собственного глаза, прежде чем искать соринку в чужом глазу. Те, другие протестующие, которые призывают к уничтожению богатых, в такой же мере являются прислужниками Сатаны, что и сами богатые. Нет, не уничтожать нужно богатых, нужно делать, как проповедовал Иисус, – обращать их.

Вот почему Своуп предлагал костер искупления. Он просил всех, кто пожелает прийти, чтобы они принесли что-то символическое для сожжения, что-то, что является для них олицетворением зла, которое они хотят изгнать из себя. Это будет символ очищения, которое хочет пройти каждый, искупления, которого они хотят достичь, покаяния, которое они хотят заслужить.

Его скромные посты задели людей за живое. Поначалу никакой реакции не было. Потом появились несколько ретвитов и репостов в «Фейсбуке». И вдруг его идеи, как ракета, взметнулись к небесам. Чудо, о чудо, перепосты его постов стали множиться, как кролики. Восемнадцать часов подряд его компьютер непрерывно пикал, сообщая о перепостах, и лайках, и комментах на его призыв. Сотни тысяч людей привлекли его идеи. Они хотели очиститься, стряхнуть с себя грязь вещизма и алчности. Тысячи и тысячи разместили фотографии вещей, выбранных ими для костра тщеславия. Своуп искренне удивлялся тому, как реагировали люди на территории трех штатов. Они все ждали извещения – где и когда.

Последний «чикен макнаггет» исчез у него во рту. Своуп жевал медленно, тщательно, почти не чувствуя вкуса. Допил шоколадное молоко. Его телесные потребности были удовлетворены, он очистил свой стол, выкинул мусор и вышел в жгучий декабрьский холод на Сто двадцать пятую улицу, обратно в свою подвальную квартирку-студию, к древнему компьютеру.

Там он продолжит призывать людей присоединиться к его делу.

36

По мнению Чарльза Аттиа, доктор Ванзи Адейеми выглядела чрезвычайно эффектно, когда прибыла в здание Объединенных Наций, чтобы произнести в 10 часов утра речь перед Генеральной Ассамблеей. Чарльза вызвали на полуторную смену в Департамент охраны и безопасности ООН, где пропустили в здание Генеральной Ассамблеи, в вестибюль с высоким потолком. Он присоединился к восьмидесяти другим охранникам, чья работа состояла в том, чтобы направлять на соответствующие места высоких лиц и делегации, прибывавшие на

ожидаемое выступление, а также утихомиривать толпу, собравшуюся, чтобы увидеть доктора Адейеми, получившую ранее в этом году Нобелевскую премию. Аттиа в особенности хотелось ее увидеть, и он даже сам напросился на это сверхурочное задание, поскольку у него тоже были нигерийские корни и он гордился Адейеми (которая ныне была нигерийским послом и самой знаменитой гражданкой страны) и хотел услышать ее речь в ООН.

Адейеми появилась приблизительно за полчаса до выступления с большой свитой и собственной охраной, облаченная в эффектное нигерийское одеяние китенге из материи с поразительным черно-белым геометрическим рисунком с яркими цветными обводами, а на ее голове красовался переливающийся шарф оранжевого шелка. Она была высокой, представительной, степенной и удивительно молодой – мало кто в ее возрасте умудрялся добиться столь многого. И Аттиа был очарован ее обаянием.

Чтобы приветствовать ее, собралась многотысячная толпа, и Адейеми прошла по вестибюлю под бурные приветственные крики, под летящие в ее сторону желтые розы, ее коронные цветы. Стыдно, подумал Аттиа, что доктор Адейеми, знаменитая христианка, была вынуждена передвигаться в сопровождении такой большой группы вооруженной охраны из-за фатвы, угроз расправы и даже попытки убийства.

Аттиа помогал сдерживать уважительную толпу за бархатной лентой, когда проходила доктор Адейеми. Теперь она уже около часа находилась в зале, произносила речь о ВИЧ и СПИДе и просила финансирования у правительств всех стран на сеть ВИЧ-клиник, которые она организовала в Западной Африке. Видеть ее он не мог, но речь транслировалась в вестибюль, чтобы ее могла слышать собравшаяся здесь публика. Адейеми говорила на хорошем английском, рассказывала о работе ее клиник и о значительном уменьшении числа новых инфицированных благодаря усилиям ее организации. Ее клиники спасли тысячи жизней, ее клиники не только обеспечивали больных спасительным лекарством, но и занимались их образованием по специальным программам. Однако все это сделало ее объектом преследования радикальной организации «Боко харам»: африканские мусульмане объявили ее клиники заговором Запада с целью стерилизации мусульманских женщин и взорвали несколько из них.

Генеральной Ассамблее ее речь, не раз прерывавшаяся аплодисментами, понравилась. В ней было что-то исконно положительное, что-то такое, на что могла согласиться любая страна.

Аттиа слышал, что речь подходит к концу. Доктор Адейеми возвысила свой энергичный голос, призывая мир дать клятву уничтожить ВИЧ и СПИД, как мир уничтожил оспу. Это было возможно. Для этого нужны

деньги, целеустремленность и просветительская работа всех правительств мира, но такая цель достижима.

Снова послышались одобрительные выкрики, и, когда Адейеми завершила речь, весь зал заседаний аплодировал ей стоя. Аттиа подготовился к натиску толпы в вестибюле. Вскоре двери открылись, и из зала хлынули иностранные делегации, высокие лица, пресса и гости, за ними появилась Адейеми со своей свитой нигерийских политиков, докторов, социальных работников. Вся группа шла в окружении охранников. Что же это за мир, в котором мы живем, если даже у таких святых, как она, есть враги! Но такова жизнь, и охрана вокруг Адейеми шла плотным кольцом, не уступая в профессионализме даже хорошо подготовленным охранникам ООН.

Толпа продолжала выходить из зала, возбужденная, говорливая, все еще под впечатлением вдохновенной речи. Людской поток струился вдоль бархатных лент, очень упорядоченно, чуть заволновавшись, когда доктор Адейеми, ее свита и охранники проходили через вестибюль. Столько народу здесь Аттиа никогда не видел, и всех их притягивала к себе Адейеми, как пчелиная матка притягивает пчел. Здесь, конечно, были и СМИ во всеоружии телевизионных камер.

Внезапно Аттиа услышал ряд быстрых хлопков – бах, бабах, бабах! Хорошо знавший стрелковое оружие, он сразу понял, что это не выстрелы, а хлопушки. Но толпа не обладала таким знанием, и звуки произвели взрывной эффект: всеми овладела непреодолимая паника. Визги и крики заполнили вестибюль, когда люди бросились искать укрытие, хоть какое-нибудь укрытие; они метались во всех направлениях, сталкивались, падали, топтали друг друга, словно их мозг отключился и они руководствовались только инстинктами.

Аттиа и его коллеги-охранники пытались восстановить порядок и реализовать многократно отрепетированный противотеррористический прием, но это было безнадежно. Никто ничего не слушал, никто и не мог услышать; бархатные ленты, столбики, ограждения – все повалилось, как карточный домик.

Через пятнадцать секунд после срабатывания хлопушек последовали один за другим два глухих рокочущих звука – бум! бум! – и в мгновение ока просторный вестибюль заполнился ослепляющим густым дымом, который поднял уровень паники на высоту, казавшуюся ранее невозможной. Люди ползали по полу, кричали, хватали, молотили друг друга, как тонущие. Аттиа пытался помогать, делал все, что было в его силах, чтобы успокоить людей, вывести их в установленные зоны безопасности, но все они, казалось, сошли с ума, превратились в неразумных животных. Сквозь темноту он услышал вой сирен – это прибывала полиция, пожарные, антитеррористические подразделения,

невидимые за дымом. Слепая паника длилась, длилась и длилась... Наконец атмосфера начала проясняться: сперва стала рассеиваться темнота, потом появился грязно-коричневый свет, затем осталась только дымка. Двери вестибюля открылись, взревела на полную мощь система принудительной вентиляции, в помещении появились копы нью-йоркской полиции вместе с сонмом антитеррористических групп. Когда туман рассеялся, Аттиа увидел, что почти все продолжают лежать на полу, сделав то, что было в их силах, после взрыва дымовых бомб.

И тут глазам Аттиа предстало зрелище, наполнившее его сердце таким ужасом, что он не сможет его забыть до самой смерти. На полу лежало на спине тело доктора Ванзи Адейеми. Он знал, что это она, невозможно было не узнать ее по характерному платью китенге. Но головы у нее не было. Два охранника, которые, как предположил Аттиа, прикрывали ее, лежали мертвые рядом с ней.

От места убийства все еще растекалась огромная лужа крови, и по мере того, как люди вокруг тела осознавали масштаб случившегося, все громче становился пронзительный вопль скорби. Охранники Адейеми в смятении и ярости метались в поисках убийцы, хотя нью-йоркская полиция уже мобилизовывала, организовывала, направляла, очищала помещение от массы перепуганных людей.

Аттиа обвел взглядом вестибюль, наполненный темным, висящим в воздухе дымом и криками, фигуры в шлемах и защитных костюмах, пробирающиеся сквозь завесу тумана с громкоговорителями, изрыгающими команды, плотную массу мигающих проблесковых маячков и сирен снаружи, и ему показалось, что он спустился в ад.

37

Брайс Гарриман долго поднимался на верхний этаж здания «ДиджиФлад» в стеклянном лифте, глядя, как вестибюль внизу превращается в крохотное пятнышко. О встрече его попросил сам Антон Озмиан, и этого, конечно, было достаточно, чтобы вызвать у Гарримана немалое любопытство, но в тот момент его занимали и другие вещи.

Первым и самым главным было убийство доктора Ванзи Адейеми. После вчерашнего интервью «Утру Америки» Гарриман стал городской знаменитостью, его слова воспринимались как евангелие. Это было удивительное, головокружительное ощущение. И потому новое убийство, несмотря на весь его трагизм, стало для него чем-то вроде удара ниже пояса. По формальным признакам это обезглавливание – в особенности учитывая личность жертвы – не имело ничего общего с предыдущими смертями. В том-то и состояла проблема. Гарриман понимал, что его владение умами в связи с историей Головореза зависит от того, насколько его версия будет подтверждаться. Его редактор уже

звонил ему сегодня три раза, спрашивал, не успел ли он накопать какой-нибудь грязи.

Грязь. Именно грязь ему и требовалась – скелеты в шкафу этой святой женщины, этой матери Терезы, которая только-только получила Нобелевскую премию. Скелеты должны были быть, ничто другое не имело смысла. И потому за прошедшие после известия о смерти Адейеми часы Гарриман предпринял отчаянный поиск какой-нибудь тщательно спрятанной гадости в ее прошлом: производя глубокие биографические раскопки, расспросы всех, кого смог найти, кто знал про нее хоть что-то; он требовал у людей, чтобы они выдали то, что скрывают. И пока он занимался этим, понимая, что выставляет себя жутким занудой, его мучило острое осознание, что если он не сумеет накопать что-нибудь на эту женщину, то его версия, его известность, его владение умами окажутся под угрозой.

В разгар своих бешеных поисков он получил от Озмиана загадочную записку с просьбой заглянуть к нему в офис в три часа. «У меня есть важная информация, касающаяся вашей работы», – прочел он в записке. И больше ни слова.

Гарриман прекрасно знал репутацию этого безжалостного предпринимателя. Возможно, Озмиан был взбешен из-за того, что Гарриман взял интервью у его бывшей жены Изольды, и наверняка злился из-за всего того дерьма о его дочери, которое Гарриман опубликовал в «Пост». Ну что ж, ему и прежде доводилось иметь дело с недовольными людьми. Он предполагал, что его разговор с Озмианом будет чем-то подобным – одним сплошным криком. Тем лучше: все будет записано, кроме каких-то вещей, которые придется исключить. Большинство людей не понимают, что, когда они имеют дело с прессой и пребывают в ярости, они нередко делают скандальные – и весьма любопытные – заявления. Но с другой стороны, если Озмиан владеет «важной информацией», возможно связанной с его поисками темного прошлого Адейеми, то нельзя упускать такой случай.

Двери лифта открылись на верхнем этаже башни «ДиджиФлад», и Гарриман вышел. Он сообщил о себе секретарю, потом позволил какой-то шестерке провести себя через несколько умопомрачительных помещений и наконец оказался перед массивными березовыми дверьми и малой дверью, встроенной в одну из них. Шестерка постучал; из-за двери раздалось «войдите»; дверь открылась; Гарриман вошел; шестерка отступил, пятясь, словно в присутствии монарха, и закрыл за ним дверь.

Гарриман оказался в строгом угловом кабинете, из которого открывался великолепный вид на Всемирный торговый центр 1. За громадным, похожим на надгробие столом из черного гранита сидел человек.

Гарриман узнал тонкие, аскетичные черты Антона Озмиана. Человек посмотрел на него бесстрастным взглядом, его глаза почти не мигали, как у коршуна.

Перед столом стояло несколько кресел. На одном из них сидела женщина. Гарриману показалось, что для сотрудницы она одета уж слишком небрежно, чтобы не сказать стильно, и ему стало любопытно, в каком качестве она находится в кабинете. В качестве любовницы? Но слабая улыбка, игравшая на ее губах, казалось, предполагала нечто другое.

Озмиан показал Гарриману на одно из кресел, и репортер сел.

В кабинете воцарилась тишина. Эти двое во все глаза разглядывали Гарримана, отчего ему почти сразу стало не по себе. Поскольку никто из них не собирался ничего говорить, он решил начать сам.

– Мистер Озмиан, – сказал он, – я получил вашу записку, и, насколько я понимаю, у вас есть информация, касающаяся моего текущего расследования.

– Вашего «текущего расследования», – повторил Озмиан ровным голосом, бесстрастным, как и его глаза. – Давайте не будем терять время. Ваше «текущее расследование» самым отвратительным образом оклеветало мою дочь. И не только это: вы испачкали ее в грязи в такой ситуации, когда она – из могилы – не может себя защитить. Поэтому ее защищу я.

Приблизительно такие слова и предполагал услышать Гарриман, только в более сдержанном тоне.

– Мистер Озмиан, – сказал он, – я изложил только факты. Все очень просто.

– Факты должны подаваться справедливым и непредвзятым образом, – возразил Озмиан. – Назвать мою дочь лицом, которое «не имеет никаких искупительных качеств», и добавить, что «мир стал бы лучше, если бы она перестала существовать», – это не работа репортера. Это уничтожение человека.

Гарриман собирался ответить, но предприниматель встал, обошел стол и сел в кресло рядом с ним, так что репортер оказался между Озмианом и женщиной.

– Мистер Гарриман, я привык считать себя разумным человеком, – продолжил Озмиан. – Если вы гарантируете, что больше не скажете и не напишите о моей дочери ни одного дурного слова, если вы просто напишете несколько положительных вещей про нее, чтобы смягчить то зло, которое вы принесли, то у нас не будет нужды и дальше говорить об

этом. Я даже не буду просить вас напрямую отказаться от оскорбительной лжи, которую вы успели распространить про нее.

Это было на удивление снисходительно, и Гарриман даже почувствовал себя оскорбленным, что кто-то предполагает, будто он, Гарриман, может быть подвержен воздействию подобного рода.

– Прошу прощения, но я должен писать о вещах так, как я их вижу, и не могу проявлять благосклонность к кому-нибудь только потому, что чьи-то чувства могут быть ущемлены. Я знаю, слышать такие слова неприятно, но я не сообщил про вашу дочь ничего такого, что не было бы правдой.

– Понимаю, – сказал после короткого молчания Озмиан. – В таком случае позвольте мне представить мою коллегу миз Альвес-Ветторетто. Она расскажет вам, что произойдет, если вы напечатаете еще одно, всего одно слово, порочащее мою дочь.

Озмиан откинулся на спинку кресла, а женщина, чье имя он даже не разобрал, подалась вперед.

– Мистер Гарриман, – произнесла она тихим, почти шелковым голосом, – насколько я понимаю, вы – основатель и мотивирующая сила фонда Шеннон Круа, благотворительного фонда, названного в память о вашей покойной подруге, которая умерла от рака матки. – Она говорила с едва заметным акцентом, происхождение которого трудно было определить, и это придавало ее словам некую чеканность.

Гарриман кивнул.

– Кроме того, насколько мне известно, ваш фонд – при поддержке «Пост» – добился немалых успехов, собрав несколько миллионов долларов, и вы состоите в совете его директоров.

– Верно.

Гарриман не понимал, к чему она клонит.

– Вчера на счету фонда было немногим более одного миллиона долларов – на расчетном счете, который, кстати, открыт на имя фонда и за который вы несете фидуциарную ответственность.

– И что?

– Сегодня средств на вашем счете нет. – Сказав это, женщина откинулась на спинку кресла.

Гарриман удивленно моргнул:

– Что?..

– Можете проверить сами. Все очень просто: все деньги со счета были переведены на открытый вами цифровой банковский счет на Каймановых островах, в подтверждение этого у нас есть ваша подпись, ваше присутствие на видеозаписи и клерк, который может подтвердить, что вы побывали там.

– Я никогда не был на Каймановых островах!

– Да нет же, были. Зафиксированы все рейсы, которыми вы летали, ваш номер паспорта, для всего этого создан отчетливый электронный след.

– И кто в это поверит?

Женщина терпеливо продолжила:

– Все деньги были переведены со счета фонда на ваш персональный офшорный счет. Вот подтверждение трансакции.

Из аккуратного портфеля крокодиловой кожи, лежащего на соседнем столе, она достала бумагу, подержала ее несколько секунд перед Гарриманом, потом убрала в портфель.

– Ничего подобного. Это все дерьмо собачье. Рассыплется сразу же!

– Ну конечно. Как вы можете себе представить, в нашей компании есть немало прекрасных программистов, и они создали восхитительную цифровую кражу, указывающую прямо на вас. У вас есть одна неделя, чтобы опубликовать положительную историю о Грейс Озмиан. Мы даже предоставим вам факт-лист со всей необходимой информацией, чтобы облегчить вашу работу. Если вы сделаете это и пообещаете больше не писать про нее впоследствии, мы вернем деньги и уничтожим финансовые следы.

– А если я откажусь? – спросил Гарриман сдавленным голосом.

– Тогда мы просто оставим деньги там, где они есть. Вскоре пропажа денег фонда обнаружится, а потом сколь-нибудь умелое расследование обнаружит след и владельца этого цифрового счета. И конечно, если у расследователей появятся какие-нибудь трудности, мы будем рады оказать им маленькую анонимную помощь.

– Это… – Гарриман сделал паузу, чтобы перевести дыхание. – Это шантаж.

– И у вас просто нет ни знаний, ни ресурсов, чтобы самостоятельно возвратить деньги. Часы тикают. Пропажа денег может быть обнаружена в любую минуту. Вам лучше поторопиться.

Озмиан пошевелился в своем кресле:

– Как говорит миз Альвес-Ветторетто, все довольно просто. Вам нужно всего лишь согласиться на два наших условия, причем ни одно из них никак не ущемляет вашей чести. Если вы это сделаете, то все останутся счастливыми и на свободе.

Гарриман не верил своим ушам. Пять минут назад он был знаменитым репортером. А теперь с ним обращаются как с обычным воришкой, причем за счет его умершей подруги. Он сидел, неспособный шевельнуть даже пальцем, и десятки сценариев (среди них ни одного хорошего) мелькали в его голове. Вздрогнув всем телом, он понял, что выбора у него нет.

Он безмолвно кивнул.

– Отлично, – сказал Озмиан, по-прежнему не позволяя своему лицу выразить какие-либо чувства. – Миз Альвес-Ветторетто предоставит вам тезисы статьи о Грейс.

Женщина снова потянулась к своему портфелю, вытащила лист бумаги и протянула Гарриману.

– На этом наш разговор закончен. – Озмиан встал и вернулся за свой стол. – Миз Альвес-Ветторетто, проводите, пожалуйста, мистера Гарримана до лифта.

Два часа спустя Гарриман лежал на диване в своей гостиной. Он не вставал с дивана с того самого момента, когда, вернувшись из «ДиджиФлад», проверил через Интернет и убедился, что его счет действительно пуст. Его прекрасная карьера повисла на ниточке, пала жертвой чудовищного шантажа. А его прекрасная версия лежала в руинах. Из этих двух несчастий первое было худшим: какой бы нестерпимой ни была потеря главной истории в его карьере, но еще невыносимее было думать о том, что его ждет позор – бесчестье и дурная слава, когда все узнают, что он похитил деньги из мемориального фонда собственной покойной подруги. Унижение и скандал были едва ли не хуже, чем суровый судебный приговор, который казался ему неизбежным.

Но какой у него выход? Как он собирается придать правдоподобие истории Грейс Озмиан, на которой настаивает ее отец и которая противоречит всему тому, что Гарриман писал прежде? Конечно, можно настрочить достаточно увлекательную статейку, расписать Грейс с положительной стороны и подать это как стремление восстановить справедливость после всего дурного, написанного прессой, а в конце вывести мораль: даже в самых последних подонках есть что-то хорошее. Но этого не пропустит редактор «Пост», газеты, которая так любит своих негодяев. Не стоит даже пытаться предлагать Петовски подобную

статью. К тому же Гарриману становилось тошно при мысли о том, что он поддался шантажу; все его существо противилось тому, что он прогнулся перед самоуверенным сукиным сыном с миллиардами в кармане.

Чем дольше он думал об этом, тем сильнее Брайс Гарриман, недавно отчеканенная знаменитость, любимчик печатных и радиоволновых СМИ, утверждался в своей правоте. «Оскорбительная ложь, – сказал Озмиан. – Уничтожение человека». Что ж, пусть эта парочка играет свою игру. Шантаж Озмиана, – наверное, это тоже может стать историей. Он, Гарриман, чувствовал за своей спиной всю мощь «Пост», начиная от Пола Петовски и заканчивая издателем Бивертоном. Более того, за его спиной стояли жители Нью-Йорка.

Он не согласится на такую разводку. Пришло время снова начать копать – на сей раз под Антона Озмиана. И вскоре Гарриман проникся уверенностью в том, что нароет достаточно грязи в прошлом Озмиана, чтобы поменяться местами и нейтрализовать эту подставу. И кто знает? Эта история может отвлечь внимание от его проблем с покойной святой Объединенных Наций.

Он вскочил с дивана и поспешил к своему ноутбуку, неожиданно обретя новую цель.

38

Войдя в Нигерийскую миссию ООН на Второй авеню, д'Агоста сразу же почувствовал тяжелую атмосферу, царившую в вестибюле. Это не имело никакого отношения ни к ограждениям снаружи, ни к присутствию значительных сил нью-йоркской полиции, дополненных нигерийской службой безопасности. Зато это имело прямое отношение к черной повязке на рукаве практически у каждого, кого видел д'Агоста. К людям с потерянными лицами и потупленными взглядами, мимо которых он шел. К маленьким группкам людей, разговаривавших друг с другом скорбными голосами. Здесь возникало ощущение, что ты находишься в здании, лишенном того, что давало ему жизнь прежде. Так оно и было на самом деле: Нигерия потеряла доктора Ванзи Адейеми, самого многообещающего государственного деятеля-женщину, недавнего лауреата Нобелевской премии, погибшего от рук Головореза.

И все же д'Агоста знал, что доктор Адейеми не могла быть настолько святой, как о ней говорили. Святость просто не вязалась с той версией, в которую он верил и которая с большим энтузиазмом поддерживалась нью-йоркской полицией. Где-нибудь в биографии этой женщины он найдет ужасное и отвратительное пятно, о котором знал убийца. Сегодня днем он позвонил Пендергасту и предложил ему несколько различных способов обнаружить дымящийся ствол, наверняка спрятанный где-то в истории этой женщины. Пендергаст в конечном счете согласился, что

неплохо бы побеседовать в Нигерийском представительстве с кем-нибудь, кто близко знал доктора Адейеми, и предложил организовать такую встречу.

Д'Агоста и Пендергаст прошли через несколько линий охраны, много раз показывали свои жетоны и наконец оказались в кабинете нигерийского поверенного. Тот знал об их приходе, и, хотя вокруг толклись люди и на всем лежал тяжелый покров трагедии, он лично проводил их по коридору до ничем не примечательной двери с табличкой «ОБАДЖЕ Ф.». Он открыл дверь – за ней оказался небольшой аккуратный кабинет с безукоризненно чистым столом, за которым сидел не менее аккуратный, чем кабинет, человек невысокого роста, жилистый, с коротко стриженными седыми волосами.

– Мистер Обадже, – произнес поверенный гробовым голосом, – это те люди, о которых я вам говорил. Специальный агент Пендергаст из ФБР и лейтенант д'Агоста из нью-йоркской полиции.

Человек поднялся:

– Да, конечно.

– Спасибо, – сказал поверенный.

Он по очереди кивнул Пендергасту и д'Агосте и вышел из кабинета с видом человека, который только что потерял члена семьи.

Человек за столом посмотрел на своих гостей.

– Меня зовут Фенуку Обадже, – представился он. – Я административный помощник при постоянной миссии ООН.

– Огромное спасибо, что согласились уделить нам несколько минут в столь трагическое время, – сказал Пендергаст.

Обадже кивнул:

– Прошу вас, садитесь.

Пендергаст сел, следом сел и д'Агоста. «Административный помощник?» Дело шло к тому, что им, видимо, придется снимать налет величия вместе с каким-то незначительным функционером. «Неужели Пендергаст не мог найти кого-нибудь получше?» Он решил воздержаться от суждений до тех пор, пока не переговорит с этим дипломатом.

– Прежде всего, – сказал Пендергаст, – позвольте выразить вам наше самое искреннее сочувствие. Это ужасная утрата не только для Нигерии, но и для всего миролюбивого человечества.

Обадже ответил благодарственным жестом.

– Как я понимаю, вы хорошо знали доктора Адейеми, – продолжал Пендергаст.

Обадже снова кивнул:

– Мы практически вместе выросли.

– Отлично. Мой коллега лейтенант д’Агоста хочет задать вам несколько вопросов. – Сказав это, Пендергаст выразительно посмотрел на д’Агосту.

Тот мгновенно понял его. Он сгорал от нетерпения снять налет святости и накопать грязь на Адейеми, и Пендергаст любезно предоставлял ему такую возможность. Мяч был на его стороне. Д’Агоста пошевельнулся на стуле.

– Мистер Обадже, – начал он, – вы только что сказали, что практически выросли вместе с доктором Адейеми.

– Это фигура речи. Мы вместе учились в университете. Бенуэский государственный университет в Макурди – мы оба учились в первой выпускной группе в тысяча девятьсот девяносто шестом году. – Горделивая улыбка на миг осветила страдальческое выражение, практически высеченное на его лице.

Д’Агоста достал свой блокнот и записал.

– Простите, вы сказали, Бенуэский?

– Бенуэ – один из новых штатов, создан в тысяча девятьсот семьдесят шестом году. Продовольственная корзина страны…

– Понятно. – Д’Агоста продолжал писать. – И вы хорошо ее знали в университете?

– Мы поддерживали хорошие отношения как во время учебы, так и некоторое время после.

«Некоторое время после. Хорошо».

– Мистер Обадже, я понимаю, как вам сейчас тяжело, но я должен попросить вас быть со мной максимально откровенным. Мы пытаемся раскрыть ряд убийств, совершенных здесь, – не только доктора Адейеми, но и нескольких других. Все, что я слышал о докторе Адейеми, – это в высшей степени хвалебные слова. Люди практически называют ее святой.

– В Нигерии именно такой ее и считают.

– А почему?

Обадже раскинул руки, словно причины были слишком многочисленны, чтобы перечислять:

– По совокупности фактов. Она стала самым молодым губернатором штата Бенуэ, где предприняла немало мер для уменьшения нищеты и улучшения образования, прежде чем переехала в Лагос. Она организовала по всей Западной Африке ряд клиник для лечения ВИЧ. Кроме того, она чуть ли не в одиночку учредила широкий диапазон образовательных программ. Несмотря на постоянные угрозы насилием и ничуть не заботясь о собственной безопасности, она отважно транслировала послание мира во все близлежащие страны. Все эти инициативы спасли тысячи жизней.

– Звучит впечатляюще. – Д'Агоста продолжал записывать. – Но я часто отмечал, мистер Обадже, что, когда человек очень быстро взлетает наверх, он делает это, наступая на ноги другому. Я надеюсь, вы извините меня за вопрос, но не добилась ли доктор Адейеми успеха за счет других?

Обадже нахмурился, словно не понял вопроса:

– Простите?

– Не шла ли она к личному успеху по головам других?

Обадже энергично затряс головой:

– Нет. Конечно нет. У нее были другие принципы.

– А ее прошлое? Ее семья? Вы что-нибудь знаете о них? Ну, вы понимаете, какие-нибудь некрасивые поступки того или иного рода. Типа того, что ее отец сколотил состояние, ведя недобросовестный бизнес.

– Ее отец умер, когда ей исполнилось двенадцать. Вскоре после этого ее мать ушла в монастырь, а брат поступил в семинарию и в конечном счете стал священником. Ванзи сама выбирала свою судьбу и честно шла выбранным путем.

– Остаться одной в таком юном возрасте – тяжелый удар, где бы ты ни жил. Может быть, она срезала углы, добиваясь своих целей, или – у вас богатый жизненный опыт, мистер Обадже, – обнаруживала, что ей нужно увеличить свои доходы путем известных... мм... издревле способов?

Печальное выражение на лице Обадже сменилось удивленно-обиженным.

– Нет, конечно, лейтенант. Откровенно говоря, ваши вопросы меня тревожат и обескураживают.

– Мои извинения. – «Лучше сдать немного назад». – Я просто пытаюсь определить, не было ли у нее врагов, которые желали ей зла.

– У нее, конечно, были враги. Группы джихадистов яростно противились учреждению ВИЧ-клиник и ее усилиям, направленным на то, чтобы дать образование женщинам.

– Доктор Адейеми была замужем?

– Нет.

– А были мужчины – или, может быть, женщины, – с которыми она состояла в каких-либо отношениях? Я имею в виду особенно близкие отношения.

Обадже ответил категорическим «нет».

Чтобы записать этот ответ, д’Агосте не потребовалось много времени, но он демонстративно сделал какие-то дополнительные заметки. Наконец он снова поднял глаза на собеседника:

– Вы говорите, что поддерживали с ней отношения как в университете, так и впоследствии.

– Да, некоторое время, – дал короткий ответ Обадже.

– Тогда… еще раз простите меня за прямоту, но мой долг задавать трудные вопросы… в это время до вас доходили какие-нибудь слухи про нее, что-нибудь такое, что могло бы выглядеть нехорошо?

После этого Обадже встал:

– Нет, и, откровенно говоря, я снова возмущен смыслом ваших вопросов. Вы пришли в мой кабинет с явным намерением запятнать ее репутацию. Позвольте сказать вам, лейтенант, что ее репутация безукоризненна и вы нигде не найдете ничего такого, что привело бы вас к иному выводу. Не знаю, что стоит за вашим крестовым походом, но я больше не собираюсь сносить ни ваш поход, ни вас. Наш разговор закончен. Убедительно прошу вас, сэр, покинуть мой кабинет и это здание.

На улице д’Агоста злобно засунул блокнот в карман пальто.

– Этого и следовало ожидать, – прорычал он. – Отбеливатель хренов. Превращает дамочку в мученицу. – Он покачал головой. – Административный помощник. Боже милостивый.

– Мой дорогой Винсент, – сказал Пендергаст, плотнее запахивая пальто на своей тощей фигуре. – Позвольте, я скажу вам кое-что о мистере

Обадже. Вы слышали, как он сказал вам, что доктор Адейеми была самым молодым губернатором штата Бенуэ.

– Да. И что?

– Он не сказал вам того, что он тоже был кандидатом на эту должность. В то время его политическая звезда восходила. От него ждали многого. Но он проиграл выборы – доктор Адейеми победила со значительным перевесом. После этого звезда Обадже стала закатываться. И вот вы находите его здесь, административным помощником в Нигерийской миссии, его карьера из-за доктора Адейеми не состоялась, хотя, конечно, никакой ее вины в этом не было.

– К чему вы клоните?

– К тому, что я специально выбрал его для разговора, так как у него самые большие основания порочить и принижать ее значение.

– Вы хотите сказать, смешивать с грязью.

– На вашем жаргоне именно так.

Д’Агоста несколько секунд двигал челюстью.

– Почему, черт побери, вы не сказали мне об этом раньше?

– Если бы я сказал, вы бы не давили на него так, как давили. Я сделал это, чтобы вы не тратили попусту время на бесплодные расследования и допросы. Вы можете потратить целый месяц на поиски скелетов, но, боюсь, так ни одного и не найдете. Истина проста, как дважды два: эта женщина действительно святая.

– Но так не бывает! Тогда наш мотив летит к черту.

– Да, но это вовсе не «наш» мотив.

– Вы его отвергаете?

Пендергаст помедлил:

– У этих убийств и в самом деле есть мотив. Но совсем не тот, в который верите вы, нью-йоркская полиция и весь Нью-Йорк.

– Я… – начал д’Агоста и замолчал.

Из него словно выпустили воздух, он почувствовал, что им манипулируют, держат его в неведении. Это было типично для Пендергаста, но в данном случае лейтенант считал себя оскорбленным, и от этого в нем нарастало раздражение. Больше чем раздражение.

– Ну хорошо, я понял: у вас есть версия получше. Версия, которую вы, как обычно, от всех скрываете.

– Я никогда не действую наобум. Мои мистификации всегда опираются на какой-нибудь метод.

– Что ж, давайте тогда выслушаем вашу ослепительную версию.

– Я не говорил, что у меня есть версия. Я только сказал, что ваша версия ошибочна.

После этих слов д’Агоста хрипло рассмеялся:

– Ну что ж, черт побери, тогда гоняйтесь сколько угодно за вашими версиями. А я знаю, что я буду делать!

Если Пендергаста и удивила эта вспышка, то он никак не показал этого, лишь его бледные глаза слегка расширились. Он не сказал ни слова, но немного погодя кивнул, молча развернулся на своих английских туфлях ручной работы и медленно двинулся по Второй авеню.

39

Когда Пендергаст в этот раз приехал в «ДиджиФлад» на своем «роллс-ройсе», его никто не провел на личную парковку Антона Озмиана, и вообще в гараже его никто не ждал, так что Проктору пришлось парковаться во втором ряду на одной из улочек в лабиринте Нижнего Манхэттена. Да и возноситься к небесам в приватном лифте Пендергасту никто не предложил, и он был вынужден вместе со всеми подниматься к главному входу в здание и представляться службе безопасности. Его удостоверения было достаточно, чтобы пройти через проходную с тремя охранниками и в лифт, который поднял его на последний этаж, но здесь, у входа на выдержанный в дзеновском духе административный этаж, его встретили двое громил, втиснутые в темные костюмы. Судя по их виду, эти парни могли запросто колоть пальцами бразильские орехи.

– Специальный агент Пендергаст, – сказал один из них хриплым голосом, глядя на эсэмэску в своем телефоне.

– Верно.

– Мистер Озмиан не назначал вам встречу.

– Я несколько раз пытался добиться такой встречи, но, увы, безуспешно. Я решил, что если появлюсь здесь лично, то результат, возможно, будет более благоприятный.

Эта тирада, произнесенная елейным тягучим голосом, не произвела на громил никакого эффекта.

– Мистер Озмиан не принимает посетителей без договоренности.

Пендергаст помедлил секунду-другую для вящего эффекта. Потом снова засунул бледную руку в карман черного пиджака и извлек бумажник с жетоном ФБР и удостоверением. Раскрыв бумажник, он продемонстрировал его содержимое одному охраннику, затем второму, подержав перед каждым лицом добрых десять секунд. Делая это, он демонстративно разглядывал их беджи, явно чтобы запомнить.

– Договоренность была бы всего лишь знаком вежливости, – сказал он, добавляя немного металла к елею в голосе. – Как специальный агент Федерального бюро, занятый расследованием убийства, я могу ходить куда захочу и когда захочу, пока у меня есть для этого обоснованные подозрения. А теперь я предлагаю вам поговорить с вашим начальством и без задержки организовать мне аудиенцию с мистером Озмианом. В противном случае вас обоих могут ждать неприятности.

Охранники несколько секунд осмысляли услышанное, потом неуверенно переглянулись.

– Подождите здесь, – сказал один из них, развернулся и, пройдя по просторной зоне ожидания, исчез за двойными березовыми дверьми, тогда как другой остался на прежнем месте.

Через пятнадцать минут ушедший вернулся:

– Пожалуйста, следуйте за нами.

Они прошли через двери в большое открытое помещение, но дальше охранники повели Пендергаста не по лабиринту между столами к массивным дверям, за которыми находился кабинет Озмиана, а в другом направлении – к боковому коридору, где все двери были закрыты. Остановившись у одной из них, охранники постучали.

– Войдите, – раздался голос.

Они открыли дверь, пригласили Пендергаста войти внутрь и закрыли за ним дверь, а сами остались в коридоре. Пендергаст оказался в хорошо оборудованном кабинете с видом на Вулворт-билдинг и одной стеной, уставленной от пола до потолка томами юридической литературы. За аккуратным столом сидел тощий лысеющий человек в круглых очках, всем своим видом напоминавший сову. Он посмотрел на Пендергаста бесстрастным взглядом. Что-то вроде улыбки промелькнуло на его губах и исчезло.

– Специальный агент Пендергаст, – произнес человек высоким, пронзительным голосом. Он показал на несколько стульев по другую сторону стола. – Пожалуйста, садитесь.

Пендергаст сел. От трех сотрудников безопасности к двум охранникам, а потом к одному юристу – занятное развитие ситуации.

– Моя фамилия Вейлман, – сказал человек за столом. – Я советник мистера Озмиана.

Пендергаст слегка кивнул.

– Как мне сообщили, вы информировали, э-э, сотрудников мистера Озмиана о том, что, будучи специальным агентом ФБР, вы имеете право приходить, когда вам угодно, и допрашивать, кого вы хотите. Мистер Пендергаст, мы оба знаем, что это не так. Я не сомневаюсь, что мистер Озмиан будет рад поговорить с вами при условии, что у вас есть судебный ордер.

– У меня нет ордера.

– Тогда прошу прощения.

– Поскольку я расследую убийство его дочери, я полагал, что мистер Озмиан заинтересован в том, чтобы продвинуть следствие.

– И он заинтересован! Но насколько я понимаю, мистер Пендергаст, вы уже говорили с мистером Озмианом. Он согласился на разговор, хотя это и было для него невыносимо мучительно. Более того, он внес посильный вклад в ваше расследование, опознав тело дочери, – еще более мучительное предприятие. И за это сотрудничество ему отплатили всяким отсутствие прогресса в следствии и шокирующим молчанием от следователей. Поэтому он не видит оснований для того, чтобы подвергать себя дальнейшим тягостным разговорам с вами, в особенности еще и потому, что не считает ни вас, ни нью-йоркскую полицию способными раскрыть это преступление. Мистер Озмиан уже предоставил вам все необходимые сведения о его дочери. Я бы посоветовал вам перестать ходить кругами, а вместо этого сосредоточиться на расследовании преступления.

– Преступлений, – поправил его Пендергаст. – В общем и целом убито уже четырнадцать человек.

– Мистера Озмиана ничуть не заботят эти тринадцать, разве только в том случае, если расследование этих дел поможет найти убийцу его дочери.

Пендергаст медленно откинулся на спинку стула:

– Мне пришло на ум, что общество, возможно, заинтересуется тем фактом, что мистер Озмиан не желает сотрудничать со следствием.

Вейлман в свою очередь откинулся назад, и на его бескровном лице застыла улыбка.

– Имя мистера Озмиана много лет трепали в общественном пространстве далеко не в лестном, скажем так, ключе. – Адвокат

помолчал. – Позвольте, я скажу вам напрямик и заранее прошу простить меня за вульгарность: мистеру Озмиану глубоко наплевать на то, что думает общество. В настоящий момент у него две заботы: руководить компанией и посадить убийцу на скамью подсудимых.

Пендергаст взвесил услышанное и понял, что это правда: как царь Митридат, который принимал все увеличивающиеся порции яда, пока тот не перестал на него действовать, так и Озмиан теперь ничуть не заботился о своей репутации. И это делало обычный метод Пендергаста, сочетающий угрозы и скрытый шантаж, неэффективным.

Жаль.

Но он пока не готов был сдаться. Он похлопал по груди своего пиджака, во внутреннем кармане которого ничего не было, и на лице его появилось удовлетворенное выражение.

– Вообще-то говоря, мы недавно совершили определенный прорыв, и ФБР хотело поделиться этим с мистером Озмианом. Ему это покажется интересным, и, возможно, он поделится с нами информацией, которая позволит нам довести дело до конца. Наша находка до поры до времени остается секретной, поэтому я не упоминал о ней прежде. И попросил бы вас не упоминать о ней сейчас, когда вы обратитесь к мистеру Озмиану с просьбой дать мне частную аудиенцию.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Потом на лице адвоката снова появилась слабая улыбка.

– Многообещающее развитие событий, агент Пендергаст! Если вы дадите мне резюме того, что спрятано в вашем кармане, я немедленно сообщу мистеру Озмиану. И я не сомневаюсь, что он с радостью примет вас, если это и в самом деле серьезный прорыв, как вы намекаете.

– Протокол требует, чтобы я донес до него эту информацию лично, – сказал Пендергаст.

– Конечно, конечно, после того как я передам ему резюме.

В кабинете воцарилось молчание. Несколько мгновений спустя Пендергаст убрал руку с кармана и встал:

– Очень жаль, но информация, о которой я говорю, ограниченного пользования, я могу предоставить ее только мистеру Озмиану.

Улыбка – или ухмылка? – стала чуть шире.

– Конечно, – сказал Вейлман, тоже поднимаясь. – Когда у вас будет ордер, вы сможете показать ему этот документ. А теперь, если позволите, я провожу вас до лифта.

Не сказав больше ни слова, Пендергаст последовал за адвокатом по высоким, гулким помещениям к лифтам.

40

«Тюильри», трехзвездочный ресторан из каталога «Мишлен», расположенный в тихом жилом квартале Восточных Шестидесятых близ Мэдисон-авеню, вечером за день до кануна Нового года делал на этом бойкий, хотя и осторожный бизнес. «Тюильри» был редчайшим явлением в современном Нью-Йорке: французский ресторан в старом стиле, повсюду в зале темное дерево и патинированная кожа, полдюжины кабинетов, похожих на элегантные закутки, наполненные банкетками, спрятанными в нишах под картинами в тяжелых золоченых рамах. Официанты и помощники официантов, многочисленные, как доктора в реанимационной хирургического отделения, раболепствовали перед клиентами. С полдюжины человек в накрахмаленных белых одеждах по знаку мэтра одновременно, с точностью хорошо вымуштрованных солдат на плацу, сняли серебряные купола с блюд, стоящих на большом столе, открыв для обозрения деликатесы. Старший официант на приставном столе умело вынимал кости из дуврского морского языка, естественно доставленного этим утром самолетом из Англии. В другом месте другой официант под бдительным присмотром клиентов раскладывал анчоусы, каперсы и крутое яйцо в блюдо Salade Niçoise à la Cap Ferrat[23].

В дальнем углу одного из кабинетов «Тюильри», почти невидимые на роскошной алой скамье у стены, исполнительный заместитель директора Лонгстрит и специальный агент Пендергаст только что закончили поглощать закуски – Escargots à la Bourguignonne[24] для Лонгстрита и террин из сморчков и фуа-гра для Пендергаста. Сомелье вернулся со второй бутылкой «Мутон Ротшильд» урожая 1996 года за шестьсот долларов (Лонгстрит попробовал первую и отослал, сказав, что вино отдает пробкой), и, когда открыл ее, Лонгстрит скосил глаза на Пендергаста. Он всегда считал себя гурманом и посетил столько лучших парижских ресторанов, сколько ему позволяли время и средства. Здесь он чувствовал себя в такой же мере дома, как на собственной кухне. Он видел, что Пендергаст чувствует себя не менее свободно, просматривая меню и задавая зондирующие вопросы официанту. Оба разделяли любовь к французской кухне и вину, но Лонгстрит вынужден был признать, что за пределами гастрономических пристрастий и невзирая на то, что они провели вместе немало времени в период службы в силах специального назначения, этот человек оставался и навсегда останется для него загадкой.

Лонгстрит принял от сомелье дегустационную порцию довольно молодого вина первого урожая, покрутил ее в бокале, проверил цвет и вязкость, наконец пригубил, втягивая вино вместе с воздухом на язык.

Потом сделал второй, более важный глоток. Наконец поставил бокал и кивнул сомелье, который отправился переливать вино в графин. После того как вернулся сомелье, чтобы наполнить их бокалы, вперед вышел официант. Лонгстрит заказал телячий мозг, обжаренный в соусе из кальвадоса. Пендергаст же заказал Pigeon et Légumes Grillés Rabasse au Provençal[25]. Официант поблагодарил их и исчез в тускло освещенном уютном пространстве позади стола.

Лонгстрит одобрительно кивнул:

– Отличный выбор.

– Никогда не отказываю себе в трюфелях. Дорогая привычка, но мне никак от нее не избавиться.

Лонгстрит сделал большой, более созерцательный глоток бордо:

– Эти убийства вызывают страшную паранойю во всех слоях общества. У богатых – потому что они считают себя преследуемыми, а у остальных – потому что они получают компенсаторное удовольствие, видя, как сверхбогатые получают по заслугам.

– И в самом деле.

– Не хотел бы я оказаться на месте вашего приятеля д’Агосты. Нью-йоркской полиции достается на орехи. И мы тоже не избежали критики.

– Вы имеете в виду психологический портрет преступника?

– Да. А точнее, отсутствие такового.

По просьбе полиции Лонгстрит представил дело Головореза в отдел поведенческого анализа ФБР в Куантико и попросил их составить психологический портрет. Серийные убийцы, при всех их странностях, подразделяются на типы, и ОПА создал базу данных по всем известным в мире типам убийц. Когда на сцене появлялся новый убийца, ОПА мог соотнести его с одним из существующих шаблонов, чтобы создать психологический портрет преступника – его мотивации, методы, стереотипы, рабочие привычки. И даже такие вещи, как социально-экономический фон и есть у него машина или нет. Но они не смогли создать психологический портрет Головореза: убийца не подходил ни под один из известных ранее шаблонов. Вместо портрета Лонгстрит получил пространный защитительный доклад, который сводился к одному факту: для этого убийцы в базах данных Куантико не нашлось аналогов.

Лонгстрит вздохнул.

– Вы специалист по серийным убийцам, – заговорил он. – Что вы скажете об этом? Так ли уж он уникален, как хочет представить ОПА?

Пендергаст склонил голову набок:

– Я все еще пытаюсь понять. Откровенно говоря, я не уверен, что мы вообще имеем дело с серийным убийцей.

– Как это возможно? Он убил четырнадцать человек! Или тринадцать, если не считать первую.

Пендергаст покачал головой:

– В основе действия всех серийных убийц лежит патологическая или психотическая мотивация. Но в данном случае мотивация… относительно нормальная.

– Нормальная? Убить и обезглавить полдюжины людей? Вы в своем уме?

Лонгстрит чуть не рассмеялся. Это был классический Пендергаст, всегда готовый удивлять, получающий удовольствие оттого, что своими скандальными заявлениями приводит в замешательство всех присутствующих.

– Возьмите Адейеми. Я совершенно уверен, что у нее в шкафу нет скелетов, нет какой-нибудь отвратительной истории. К тому же она была не слишком богатой.

– Тогда нынешняя версия мотивации Головореза ничего не стоит.

– А может быть… – Пендергаст замолчал, потому что официанты принесли еду.

– Что «может быть»? – спросил Лонгстрит, насаживая на вилку кусочек телячьего мозга.

Пендергаст махнул рукой:

– Разные версии приходят на ум. Может быть, настоящей целью была Адейеми или кто-то из других жертв, а остальные убийства – только для отвода глаз.

Лонгстрит попробовал свое блюдо. Бледно-розовые телячьи мозги оказались пережарены. Швырнув приборы на тарелку, он подозвал официанта и отправил блюдо назад, потребовав заменить. Затем снова обратился к Пендергасту:

– Вы действительно считаете это вероятным?

– Не вероятным. Напротив, едва ли возможным. – Пендергаст немного помолчал, прежде чем продолжить. – Я никогда не встречал дела, которое бы так сопротивлялось анализу. Очевидно только, что головы отсутствуют и что первые жертвы хорошо охранялись. Кроме этого, мы пока не видим между ними ничего общего. Но этого недостаточно, чтобы делать выводы. Это оставляет широкий выбор возможных мотиваций.

– И что теперь?

Лонгстрит ни за что не признался бы, но он получал удовольствие, наблюдая за ходом мыслей Пендергаста.

– Мы должны вернуться к началу, к первому убийству, и двигаться оттуда дальше. В нем ключ ко всему случившемуся впоследствии, по той самой причине, что оно занимает дебютную позицию. Кроме того, это самое странное из убийств, и мы должны понять его аномалии, прежде чем сумеем выявить шаблон в последующих событиях. Почему, например, кто-то отрезал девушке голову двадцать четыре часа спустя после убийства? Похоже, никого это не волнует, кроме меня.

– Вы и в самом деле считаете это важным?

– Я думаю, это чрезвычайно важно. Собственно говоря, сегодня утром я заглядывал к Антону Озмиану – надеялся получить больше информации. К сожалению, мой обычный набор уловок не позволил мне пройти через его свиту холуев, юристов, прихвостней, телохранителей, лакеев и прочих атрибутов. И мне пришлось удалиться в некотором смущении.

Лонгстрит подавил улыбку. Он бы с удовольствием посмотрел, как Пендергаст получает решительный отказ, – это случалось так редко.

– Почему мне кажется, что за этими словами последует просьба?

– Мне нужно влияние вашего положения, Говард. Мне нужна вся мощь ФБР у меня за спиной, чтобы подергать льва за бороду в его логове.

– Понимаю. – Лонгстрит сделал многозначительную паузу. – Алоизий, вы знаете, что вы у меня до сих пор в черном списке. Вы вынудили меня к нарушению клятвы, которую я обещал соблюдать ценой своей жизни.

– Я это остро ощущаю.

– Хорошо. Тогда я сделаю все, что смогу, чтобы провести вас в кабинет Озмиана, но после – ваше шоу. Я к вам присоединюсь, но только как наблюдатель.

– Спасибо. Это будет вполне приемлемо.

Официант вернулся, неся тарелку с новой порцией телячьих мозгов, над которыми поднимался парок. Он поставил тарелку перед Лонгстритом и сделал шаг назад, боязливо ожидая мнения клиента. Исполнительный заместитель директора взмахом ножа отрезал кусочек с края, подцепил на вилку и поднес студенистую массу ко рту.

– Идеально, – провозгласил он, жуя с полузакрытыми глазами.

Официант поклонился со смешанным чувством удовольствия и облегчения, повернулся и исчез в сумерках газового света.

41

Брайс Гарриман вышел на крыльцо маленького аккуратного дома в колониальном стиле на жилой улице в Дэдхеме, штат Массачусетс, и повернулся, чтобы пожать руку владельцу – физически слабому, но ясно мыслящему человеку лет восьмидесяти, с жидкими седыми волосами, распластанными на голове с помощью бриолина.

– Огромное вам спасибо за ваши время и откровенность, мистер Сандертон, – сказал Гарриман. – И вы уверены насчет показаний под присягой?

– Если вы считаете необходимым. Это было чертовски ужасное дело – сожалею, что мне пришлось тогда давать свидетельские показания.

– Я пришлю к вам нотариуса с бумагой к обеду, чтобы вы подписали, а потом круглосуточный курьер доставит бумагу мне.

С новыми благодарностями и новым теплым рукопожатием Гарриман спустился по ступенькам и направился к «Уберу», ожидавшему его у тротуара.

Предновогодний день близился к вечеру, а с предпраздничным трафиком вернуться в Нью-Йорк и в его квартиру в Верхнем Ист-Сайде будет ох как непросто. Но Гарримана это не волновало. Да что говорить, в этот момент его не волновало почти ничего, кроме победы, которая была уже близка.

Гарриману нравилась старинная история про то, как шесть выдающихся столпов общества получили шесть одинаковых писем: «Все раскрылось, немедленно беги», и все они тут же сбежали. Тут требовалась грязь, а после смерти журналистской немезиды по имени Билл Смитбек никто так не умел откапывать грязь, как Брайс Гарриман.

Крупный прорыв случился у него после завтрака, когда он в онлайне просматривал старые газеты из бостонских пригородов, где вырос Озмиан. И он нашел то, что искал, в «Дэдхем таунсмен». Почти тридцать лет назад Озмиан был арестован за уничтожение

собственности в католической церкви Богоматери Милосердия на Брайант-стрит. Больше ничего не говорилось в маленькой заметке, погребенной в старой газете, но Гарриману ничего другого и не требовалось. Он позвонил в Массачусетс и быстро выяснил, что Озмиана почти сразу выпустили, а обвинения в правонарушении сняли, но это не остановило Гарримана. В одиннадцать он уже летел на шаттле в Бостон. В два появился в церкви Богоматери Милосердия, где получил список с адресами людей, бывших прихожанами церкви во время того происшествия. И уже за третьей дверью, в которую он постучал, нашелся нужный ему человек, Джайлс Сандертон, который не только вспомнил тот случай, но и оказался его непосредственным свидетелем.

Статья могла получиться просто великолепная.

Когда такси подъехало к аэропорту Логана, Гарриман сидел, развалившись на заднем сиденье, и просматривал свои заметки. Около тридцати лет назад Сандертон пришел на полуденную мессу, которую вел отец Ансельм, один из наиболее уважаемых священников церкви, и в середине гомилии дверь распахнулась и появился подросток Антон Озмиан. Не сказав ни слова, он подошел к солее, перевернул алтарный столик, схватил распятие, замахнулся им, как бейсбольной битой, на отца Ансельма, сбил его с ног и продолжил безжалостно избивать уже лежачего. Он оставил священника, истекающего кровью и без сознания, у основания кафедры, бросив распятие на его неподвижное тело, и, развернувшись, вышел из церкви таким же спокойным шагом, каким вошел. На его лице не было никаких признаков ярости – одна холодная целеустремленность. Прошло несколько месяцев, прежде чем отец Ансельм смог снова нормально ходить и говорить, а вскоре после этого он переехал в дом отставных священников и еще через какое-то время умер.

Гарриман потер руки с плохо скрываемой радостью. Все сложилось так быстро, словно по волшебству. На завтрак у него еще ничего не было, а к середине дня он уже получил подтверждение истории об Озмиане, – истории настолько уродливой и жестокой – избиение священника почти до смерти распятием! – что ее хватит, чтобы навязать Озмиану его, Гарримана, волю. Как бы он ни говорил, что безразличен к мнению толпы, этого страшного разоблачения будет достаточно, чтобы совет директоров освободил его от нынешнего поста. «ДиджиФлад» первоначально был основан несколькими ведущими фирмами, вкладывающими капитал в новые проекты и хедж-фонды, кроме того, крупное вложение сделал «Майкрософт». Эти компании должны были защищать свои репутации, а им принадлежало более пятидесяти процентов акций «ДиджиФлад». Да, Гарриман был уверен, что Озмиана прогонят с его поста, если эта статья будет опубликована.

Он удивлялся, почему Озмиану не предъявили обвинений в нанесении тяжких телесных повреждений, пока не обнаружил, что семья Озмиан «пожертвовала» крупную сумму местному приходу. Это стало последней частью пазла, нашедшей свое место.

Идеально. Лучше, чем идеально. Во-первых, у него появлялась возможность написать о чем-то ином, кроме Адейеми, чья непробиваемая святость становилась крайне неудобной. Во-вторых, Озмиан не сможет себе позволить проигнорировать эту историю. Когда такси подъехало к аэропорту, Гарриману осталось найти ответ на последний вопрос. Следует ли ему сначала опубликовать статью и таким образом нейтрализовать Озмиана? Или же стоит сначала показать ее Озмиану и пригрозить публикацией, чтобы вынудить его отказаться от шантажа?

Размышляя над этим, Гарриман вспомнил насмешливые слова Озмиана, все еще вызывающие у него такую же боль, как в ту минуту, когда он их услышал: «Все довольно просто. Вам нужно всего лишь согласиться на два наших условия, причем ни одно из них никак не ущемляет вашей чести. Если вы это сделаете, то все останутся счастливыми и на свободе». Это воспоминание положило конец его сомнениям: он лично отнесет статью Озмиану и пригрозит уничтожить его. Это будет идеальной справедливостью. Теперь ему не терпелось посмотреть в лицо Озмиану в тот момент, когда он сообщит ему о своих условиях.

Гарриман снова испытал удовольствие, подумав о том, как гениально он нашел средство, чтобы обуздать этого капитана бизнеса и побить мерзавца его же оружием.

42

Ах, какой это был день для Марсдена Своупа! Демонстрации против одного процента резко набирали силу, «Твиттер», «Фейсбук», «Инстаграм» кишели призывами к выступлениям. Самая крупная демонстрация собралась вокруг высоченного нового небоскреба на Парк-авеню, 432, самого высокого жилого здания в мире, где квартиры продавались за сто миллионов долларов каждая. Почему-то это здание, хотя и не связанное с убийствами, стало для протестующих символом алчности, излишеств и показушничества, идеальным примером того, как сверхбогатые захватывают город.

И Своуп отправился туда посмотреть. Сцена была потрясающая: многочисленные ряды протестующих скандировали, блокировали входы, создавали повсюду пробки. А потом появился твит, призывающий всех приносить яйца, твит мгновенно тысячекратно перепостился, и через несколько минут яйца во всех близлежащих магазинах были распроданы, люди принялись закидывать ими здание

со всех сторон, и белоснежный мрамор со сверкающим стеклом покрылся склизкой, стекающей желтой дрянью. Приехала полиция, район оцепили, и Своупу с трудом удалось уйти: он распахнул куртку и выдал себя за священника в мантии и с грязным воротничком-ошейником.

Более, чем когда-либо, это столкновение убедило Своупа, что насилием не решить проблему, что один процент и противники этого одного процента являются частью одного и того же заговора ненависти, зла и насилия. Своуп понял теперь, что больше не имеет права ждать, – он должен действовать, чтобы остановить безумие, подступающее с двух сторон.

Часы показывали начало второго часа ночи, когда Своуп пересек Гранд-Арми-плаза и направился в зимнюю цитадель Центрального парка. Идя по Пятой авеню, он был вынужден пробираться между группками смеющихся, пьяных людей, празднующих Новый год, но в глубине парка, за зоопарком и катком Уоллмана, число гуляющих постепенно уменьшалось, пока он не оказался в благословенном одиночестве.

Множество мыслей заботили его. После последнего убийства город как будто закипел. Это был не только протест у Парк-авеню, 432. Появились новые истории о бегстве сверхбогатых. Кто-то открыл блог, в котором перечислялись частные самолеты, взлетавшие из аэропорта Тетерборо, с фотографиями, сделанными с помощью мощных телеобъективов, на которых разные миллиардеры – управляющие хеджинговыми фондами, крупные финансисты, русские олигархи и саудовские принцы – и их семьи поднимались в свои «гольфстримы», «лирджеты» и модифицированные «B-727». Демонстрации, поддерживающие Головореза и выступающие с лозунгом «покончим с одним процентом», тоже усилились, одна из них на четыре часа заблокировала Уолл-стрит, пока полиция не прорвала блокаду.

Ответы на призыв Своупа устроить костер тщеславия тоже многократно множились, привлекая столько народу, что он решил: настало время пожинать плоды своих трудов. Случилось настоящее чудо: более ста тысяч человек отреагировали на его призыв и сообщили, что направляются в Нью-Йорк или уже находятся здесь и ждут его сообщения о том, где и когда. Газеты называли Нью-Йорк «Городом вечной ночи». Что ж, так оно и было, но он, Своуп, с Божьей помощью превратит Нью-Йорк в Город вечной добродетели. Он покажет всем, богатым и бедным, что все богатство и роскошь – это отлучение от вечной жизни.

Добравшись до Овечьего луга, Своуп помедлил, потом пересек его и двинулся по Большой аллее на север, миновал фонтан Бетесда и,

погруженный в свои мысли, дошел по лабиринту тропинок до Путаницы. Савонарола разжег свой фонтан на центральной площади Флоренции. Самый центр города – идеальное место, чтобы донести до всех свое послание. Но сегодняшний Нью-Йорк другой, нельзя разжечь костер на Таймс-сквер, которая не только запружена туристами, там еще и полиции полным-полно, они все погасят, прежде чем начнется. Нет, идеальным для Своупа местом будет большое открытое пространство, доступное со всех сторон. Его последователям с предметами роскоши для костра понадобится время, чтобы собраться, разжечь огонь и побросать в него свои предметы тщеславия. Настоятельно важно, чтобы никто не смог их слишком быстро остановить.

«Остановить». Своуп заметил, что его собственные ноги остановились, словно сами по себе. Он огляделся. С этого места были видны лишь несколько гуляющих вдалеке, которые спешили из парка домой. Слева поднималась темная громада замка Бельведер, освещенного сиянием с Манхэттена. Дальше виднелась монолитная стена жилых зданий на Сентрал-Парк-Уэст, тянувшихся на северо-запад бесконечной чередой, разорванной фасадом Музея естественной истории. А непосредственно перед Своупом раскинулся во всей своей красе Большой луг, уходящий куда-то вдаль, насколько хватало глаз, пока не упирался в темную стену деревьев, окружающих Резервуар.

Большой луг. Само название глубоко тронуло душу Своупа. Это место было способно вместить те массы людей, что откликнутся на его зов. Оно и в самом деле было центром, легкодостижимым для всех. Идеальное место для костра, причем такое, которое полиция не сможет оцепить и очистить.

Глубокая убежденность завладела сознанием Своупа: его ноги, словно сами по себе, ведомые небесами, пришли в столь идеальное место.

Он сделал шаг-другой, а потом, охваченный неожиданно нахлынувшими чувствами, ступил на траву и произнес первые за несколько дней слова, сказанные им вслух:

– Здесь будет гореть костер тщеславия!

43

Лонгстриту понадобилось некоторое время, чтобы сделать необходимые звонки и надавить на кого следует, что было непросто в праздничный день, но к часу дня 1 января «роллс» Пендергаста снова прополз в подземный гараж комплекса «ДиджиФлад» в Нижнем Манхэттене. Охранники, встретившие машину, проводили их к самому дальнему от лифтов месту, так что им пришлось совершить пятиминутную прогулку назад к лифтам, где их не пустили в приватные подъемники, и они были вынуждены подниматься по бетонной лестнице на цокольный этаж и

входить в здание через общую дверь. Здесь они были подвержены усиленной проверке охраной. Лонгстрит чувствовал, как в нем нарастает раздражение, но держал язык за зубами. Это было инициативой Пендергаста, и специальный агент воспринимал происходящее как должное, не обращая ни малейшего внимания на хамское обращение, которое, по ощущениям Лонгстрита, имело только одну цель – унизить их.

Наконец они прошли охрану и поднялись на лифте на верхний этаж. Там их провели в маленькую комнату без окон, предложили сесть и заставили ждать под наблюдением бесстрастного молодого холуя в дешевом костюме.

По истечении часа, проведенного в этой комнате, Пендергаст не проявлял никакого видимого раздражения, но Лонгстрит в конце концов вышел из себя.

– Это возмутительно! – сказал он холую. – Воспрепятствование двум старшим агентам ФБР, ведущим активное расследование! Мы оказываем Озмиану услугу, пытаемся расследовать убийство его дочери, а нас вынуждают сидеть таким вот образом?

Холуй только кивнул:

– Прошу прощения, таков приказ.

Лонгстрит повернулся в Пендергасту:

– Как только вернусь на Федерал-плаза, лично получу судебный ордер, прихвачу для надежности команду спецназа и вышибу к чертовой матери его дверь полицейским тараном.

– Du calme, Говард, du calme[26]. Все это явно рассчитано на то, чтобы произвести определенный эффект, как было и в мой первый приезд два дня назад. Мистер Озмиан желает продемонстрировать полный контроль над ситуацией. Позволим ему думать, что так оно и есть. Помните о том, что вы сказали мне раньше: это мое шоу, а вы только сторонний наблюдатель. Даже из самого факта ожидания мы получаем ценную информацию.

Лонгстрит сглотнул и откинулся на спинку стула, исполнившись решимости позволить Пендергасту вести дело так, как он это считает нужным. Они просидели в маленькой комнате еще полчаса, прежде чем дверь открылась и их провели наконец в логово Озмиана. Когда они подошли к громадным двойным дверям под высоким потолком, Лонгстрит удивился тому, что в день одного из главных праздников столько людей вокруг усердно работают. Такие вещи, как праздники, вероятно, значили очень мало для Антона Озмиана.

Сам Озмиан сидел за массивным столом, положив руки на гранитную столешницу и переплетя пальцы. Он обвел визитеров безразличным взглядом. Перед столом в кресле из кожи и хрома сидела женщина. Ее, казалось, больше интересовал вид Нью-Йоркской бухты за окнами от пола до потолка, чем появившиеся в кабинете посетители.

После оскорбительно длинной паузы Озмиан жестом пригласил Пендергаста и Лонгстрита сесть.

– Специальный агент Пендергаст, – лаконично сказал он. – Как я рад видеть вас снова. – Он посмотрел на Лонгстрита. – А вы?..

– Говард Лонгстрит, исполнительный заместитель директора по разведке.

– Да, конечно. Вы – лицо, ответственное за организацию этой встречи.

Лонгстрит начал было говорить, но Пендергаст остановил его мягким движением руки.

Озмиан ухмыльнулся Лонгстриту:

– Что ж, я рад вашему визиту. Поскольку расследование вполне могло бы использовать кое-какие разведданные[27]. – Глава компании перевел внимание на Пендергаста. – Вы, несомненно, пришли, чтобы оповестить меня о той скорости и отточенном блеске, с каким вы продвинули расследование.

– Нет, – ответил Пендергаст.

Лонгстрит заметил, что специальный агент сидит в той же почтительной позе, какую принял во время ожидания в маленькой комнате.

Услышав ответ, Озмиан изобразил удивление. Он откинулся назад в своем кресле, разглядывая Пендергаста аскетическим взглядом.

– Прекрасно. Почему же вы здесь?

– Мистер Озмиан, в ходе своей работы вы покупаете компании, захватываете контроль над ними или иным способом поглощаете их и их технологии.

– Такие вещи случались.

– Верно ли будет сказать, что не все эти компании стремятся быть поглощенными?

На лице Озмиана появилось любопытство.

– Верно. Это называется «враждебный захват».

– Извините мое невежество. В делах бизнеса я сущий ребенок. И что, бóльшая часть ваших захватов были враждебными?

– Во многих случаях высшее руководство и держатели акций были счастливы разбогатеть.

– Понятно. – Пендергаст обдумывал это несколько мгновений, будто не слышал прежде ничего подобного. – Но есть и такие, кто не были счастливы?

Озмиан пожал плечами, словно это наблюдение было настолько очевидным, что не заслуживало ответа.

– Еще раз извините мое невежество, – продолжил Пендергаст почтительным тоном. – А если эти люди были несчастливы, очень несчастливы, то они ведь вполне могли возненавидеть вас, лично вас?

Наступило короткое молчание, во время которого Пендергаст почти незаметно подался вперед в своем кресле.

– На что вы намекаете?

– Позвольте мне выразиться иначе. Признаю, вопрос слишком расплывчатый, потому что я уверен, что многие люди вас ненавидят. Кто ненавидит вас больше всего, мистер Озмиан?

– Это нелепый вопрос. Захваты – суть корпоративной жизни, и я не обращаю внимания на нытиков, чьи компании приобретаю.

– В таком случае вы, возможно, серьезно просчитались и из-за этого просчета оказались в вашей нынешней печальной ситуации.

– Печальной ситуации? Вы имеете в виду смерть моей дочери?

Его лицо потемнело; Лонгстрит видел, что Озмиан в бешенстве.

Пендергаст подался еще немного вперед:

– Обдумайте мой вопрос очень тщательно, мистер Озмиан, когда я снова спрошу: кто ненавидит вас сильнее всех?

На лице Озмиана промелькнуло непонятное выражение, но предприниматель тут же обуздал свой гнев и снова принял прежний отстраненный, немного надменный вид.

– Подумайте хорошенько, – настойчиво сказал Пендергаст с ледяной ноткой в голосе. – Кто ненавидит вас настолько, что готов убить вашу дочь, а потом еще и вернуться, чтобы обезглавить ее?

Озмиан не ответил. Его лицо сильно потемнело.

Пендергаст выпрямился и показал белым пальцем на президента «ДиджиФлад»:

– Кто ненавидит вас так сильно, мистер Озмиан? Я знаю, у вас на языке вертится имя. И, не называя его, вы косвенным образом помогаете человеку, который, вероятно, убил вашу дочь!

Удушливая, ядовитая атмосфера воцарилась в комнате. Озмиан и его неназванная сотрудница смотрели на Пендергаста – все их внимание сосредоточилось теперь на нем. Лицо Озмиана снова стало намеренно нейтральным, но Лонгстрит чувствовал, что в голове у этого человека яростно крутятся колесики. Прошла минута, потом две, прежде чем Озмиан заговорил.

– Роберт Хайтауэр, – произнес он бесстрастным голосом.

– Еще раз, – сказал Пендергаст.

Это был приказ, а не просьба.

– Роберт Хайтауэр. Бывший президент «Бисинхрони».

– И почему он вас ненавидит?

Озмиан шевельнулся в своем кресле:

– Его отец был патрульным полицейским в длинной семейной череде нью-йоркских патрульных полицейских. Хайтауэр вырос в Бруклине. Но у него была математическая жилка. Он изобрел алгоритм для одновременного сжатия файлов и их передачи в реальном времени. Он продолжал улучшать свое изобретение, максимизируя скорость передачи волны при улучшении бинарного разрешения. Когда его алгоритм обрел способность обрабатывать разрядность цвета, равную тридцати двум, меня это заинтересовало. Хайтауэр не хотел становиться частью семейства «ДиджиФлад». Я несколько раз подслащивал свое предложение, но он все равно отвечал мне отказом. Говорил, что этот алгоритм его любимец, работа всей его жизни. В конечном счете мне пришлось снизить ценность акций «Бисинхрони», не важно как. Хайтауэр был вынужден продать мне все. В то время он обвинял меня в том, что, по его мелодраматическому утверждению, я «погубил его жизнь». Он подавал на меня в суд, но это ни к чему не привело – только обнулило его банковский счет. Он много раз звонил мне, угрожал убить, уничтожить мой бизнес, разрушить мою семью, пока наконец суд по моему обращению не издал постановление, запрещавшее ему приближаться ко мне. Машина его жены свалилась в пропасть приблизительно через год после захвата его фирмы. Женщина сидела за рулем в пьяном виде. К захвату это не имело абсолютно никакого отношения.

– Естественно, – усмехнулся Пендергаст. – А почему вы раньше не сообщили полиции столь важную информацию?

– Вы спросили, кто ненавидит меня сильнее других. Я ответил на ваш вопрос. Но есть и сотни других, кто меня ненавидит. Я не могу представить себе, что кто-то из них убивает ни в чем не виноватую девочку и отрезает ей голову.

– Однако вы сказали, что Роберт Хайтауэр угрожал убийством вам и вашей семье. Вы ему поверили?

Озмиан отрицательно покачал головой. У него был вид человека, потерпевшего поражение.

– Не знаю. Люди нередко говорят глупости. Но Хайтауэр… он потерял над собой контроль. – Озмиан перевел взгляд с Пендергаста на Лонгстрита, потом снова на Пендергаста. – Я ответил на ваши вопросы. Теперь уходите.

Лонгстриту было ясно, что ни по этому, ни по какому-либо другому предмету Озмиан больше ничего не скажет.

Пендергаст поднялся с кресла и слегка поклонился, не протягивая руку:

– Спасибо, мистер Озмиан. И всего доброго.

Озмиан ответил механическим кивком.

Несколько минут спустя, когда лифт открылся и они вышли в главный вестибюль здания, Лонгстрит не смог сдержать смешок.

– Алоизий, – сказал он, хлопнув агента по прямой спине, – это был высший пилотаж. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так аккуратно оборачивал ситуацию в свою пользу. Считайте, что я официально выпустил вас из собачьей будки.

Пендергаст ответил на этот комплимент молчанием.

В другом конце обширного вестибюля Брайс Гарриман, только что вошедший с морозной улицы через ряд вращающихся дверей, остановился как вкопанный. Он узнал человека, вышедшего из лифта: это был специальный агент Пендергаст, неуловимый федерал, так или иначе фигурировавший в нескольких делах об убийствах, о которых Гарриман писал статьи на протяжении нескольких лет.

Агент ФБР здесь, в здании «ДиджиФлада», мог быть только по одному поводу – по делу Головореза, и, возможно, он даже разговаривал с Озмианом. После такого разговора Озмиан наверняка пребывает в

дурном настроении. Что ж, оно и к лучшему. И Гарриман поспешил к пропускному пункту.

44

Лейтенант Винсент д’Агоста сидел в уютной гостиной квартиры, в которой он жил вместе с Лорой Хейворд, задумчиво попивал «Будвайзер» и прислушивался к гудению машин на улице за окном. Из кухни доносились звуки стряпни: скрип открывающейся дверцы духовки, вспышка газовой горелки. Лора, превосходная повариха, решила превзойти саму себя, готовя стол для новогоднего пиршества.

Д’Агоста знал, почему она так усердствует, – чтобы подбодрить его, чтобы он забыл о деле Головореза… ну хотя бы ненадолго.

Эта перспектива наполняла его чувством вины. Он не ощущал себя достойным стольких хлопот. Да что говорить, он вообще считал себя ни на что не годным.

Он допил пиво, задумчиво смял банку ударом кулака и положил ее на журнал на приставном столике. Четыре таким же образом смятые банки уже лежали там в ряд, как раненые часовые.

Д’Агоста откупоривал шестую банку, когда из кухни появилась Лора. Если она и заметила пустые банки, то ничего не сказала, а просто села в кресло напротив него.

– Там слишком жарко, – пояснила она, кивая в сторону кухни. – Но самое трудное уже позади.

– Ты уверена, что тебе не нужна моя помощь? – в четвертый раз спросил он.

– Спасибо, но там нечего делать. Через полчаса будем есть. Надеюсь, у тебя хороший аппетит.

Д’Агоста, которого в большей степени мучила жажда, а не голод, кивнул и отхлебнул еще пива.

– Что, черт побери, приключилось с «Микелобом»? – спросил он вдруг, почти обвинительным жестом поднимая банку с «Будом». – Я имею в виду настоящий «Микелоб». Было пиво класса премиум. В таких пузатых коричневых бутылках с золотой фольгой на горлышке – ты чувствовал, что пьешь что-то сто`ящее. Но сегодня все сходят с ума по крафтовому пиву. Они словно забыли, какой вкус у классического американского пива.

Лора ничего не сказала.

Д’Агоста сделал еще глоток, потом отставил банку:

– Извини.

– Не из-за чего извиняться.

– Да вот сижу тут, дуюсь на весь мир, как ребенок, жалею себя.

– Винни, дело не только в тебе. Ты не один расследуешь это дело. Ты только взгляни, как оно весь город рвет на части. Я даже представить себе не могу, под каким ты давлением.

– У меня работают тысячи детективов, но все они ходят и ходят по кругу.

«Возможно, у них такой же несчастный Новый год, как и у меня, – подумал он. – И это моя вина. Я ничуть не продвинул дело».

Он подался вперед, понял, что немного пьян, и вернулся в прежнее положение.

– Творится какая-то чертовщина. Вот возьми Адейеми. Я разговаривал со всеми, у кого мог быть на нее зуб. Ничего. Даже ее враги говорят, что она святая. Мои люди копают двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Господи боже, я даже подумывал, не слетать ли мне в Нигерию. Я уверен, что в ее биографии есть какой-то далеко упрятанный скелет.

– Винни, прекрати себя изводить. Тем более сегодня.

Однако он никак не мог избавиться от обуревающих его мыслей. Это было как больной зуб, который ты все время трогаешь языком, проверяшь, надавливаешь, несмотря на боль. Но хуже всего было ощущение, от которого он не мог отделаться, – ощущение, что все дело разваливается, рассыпается у него на глазах. Как и остальные нью-йоркские полицейские, как и все в городе, он не сомневался, что это дело рук какого-нибудь психа, вознамерившегося преследовать худших представителей одного процента. Господь свидетель: когда Гарриман опубликовал свою первую статью, ситуация для д’Агосты и для всех остальных стала абсолютно ясной. Но под какой бы камень он ни заглядывал теперь, ему не удавалось найти хоть что-то, что позволило бы уложить последнее убийство в принятую ими схему.

А потом еще Пендергаст. Не в первый уже раз возвращался он мыслями к словам агента ФБР: «У этих убийств и в самом деле есть мотив. Но совсем не тот, в который верите вы, нью-йоркская полиция и весь Нью-Йорк». Д’Агоста корил себя за то, что потерял тогда контроль над собой. Но Пендергаст способен кого угодно довести до бешенства – твои версии ниспровергает, а про свои помалкивает.

Д’Агоста понял, что ему нужно переориентироваться. В конце концов, Пендергаст ведь не раскрылся, не сказал определенно, что считает Адейеми святой. Он только дал понять, что они смотрят на вещи не под

тем углом. Возможно, в ее биографии не ряд скрываемых мелких проступков, а одно, но воистину ужасное деяние. Скрыть такое гораздо легче, а обнаружить заведомо труднее, но стоит выйти на него – и готово.

Из раздумий его вывел звон фарфоровой посуды: Лора накрывала обеденный стол. Оставив недопитое пиво, д'Агоста пошел помогать ей. За последние несколько минут он обнаружил, что у него разыгрался аппетит. Он забудет на какое-то время об этом деле, насладится обществом жены и ее кулинарным искусством… а потом вернется в штаб и начнет обдумывать новые ходы.

45

Из своего кресла Изабель Альвес-Ветторетто наблюдала за шефом, который изучил три листка бумаги, принесенных ему Брайсом Гарриманом, и принялся их перечитывать.

Она посмотрела на Гарримана оценивающим взглядом. Альвес-Ветторетто, как никто другой, умела анализировать людей. Она чувствовала смесь противоречивых эмоций, одолевающих репортера: тревогу, праведный гнев, гордыню, вызов.

Озмиан закончил читать второй раз и, перегнувшись над массивным столом, протянул предполагаемую статью Альвес-Ветторетто. Она прочла текст с некоторым интересом. «Значит, репортер проделал домашнюю работу», – подумала она. Альвес-Ветторетто изучала биографии великих завоевателей в мировой истории, и теперь она вспомнила цитату из Юлия Цезаря: «Если я потерплю неудачу, то лишь из-за гордыни».

Она аккуратно положила листы на край стола. В тот короткий промежуток времени между уходом Пендергаста и появлением Брайса Гарримана Озмиан вел себя необычно: тихо сидел за своим компьютером, о чем-то сосредоточенно размышляя. Но теперь его движения стали быстрыми и экономными. Альвес-Ветторетто поймала безмолвный взгляд Озмиана. Понимая, что означает этот взгляд, она встала и вышла из кабинета.

То, что она собиралась сделать, было тщательно спланировано, и, чтобы привести план в действие, понадобилось всего пять минут. Когда она вернулась, Гарриман с торжествующим видом клал на стол Озмиана другой лист – копию заверенных письменных показаний, данных свидетелем в Массачусетсе.

Теперь говорил Озмиан, а Гарриман слушал.

– Итак, этот «контршантаж», как вы его называете, состоит из трех частей, – ровным голосом произнес Озмиан, показывая на черновик

статьи. – Вы подробно изложили здесь события тридцатилетней давности, происходившие на глазах у толпы прихожан и состоявшие в том, что я явился в церковь Богоматери Милосердия и избил отца Ансельма до потери сознания. И у вас имеется заверенная копия этих показаний.

– Да, все точно.

Озмиан наклонился над столом:

– На общественное мнение мне наплевать. Однако я вынужден признать… – И тут он на миг запнулся. Его ярость куда-то подевалась, на лице появилось обескураженное выражение. – Я вынужден признать, что совету директоров «ДиджиФлад» может не понравиться, если эта информация утечет и бросит тень на компанию. Поздравляю вас и ваши следовательские таланты.

Гарриман с достоинством принял похвалу.

Озмиан развернулся в своем кресле, уставился на несколько секунд в огромное окно, затем снова повернулся к Гарриману:

– Похоже, мы попали в патовую ситуацию. Давайте поступим так. Я сниму с вас ложное обвинение, переведу деньги назад на счет фонда Шеннон Круа и представлю это как банковскую ошибку. А вы за это перед уходом отдадите мне оригинал нотариально заверенных показаний и согласитесь не публиковать ничего о том, что случилось в церкви Богоматери Милосердия.

Пока Озмиан говорил, Альвес-Ветторетто отмечала про себя, что Гарриман чуть ли не светится. Он раздулся в своем кресле, как павлин, распустивший хвост.

– А что касается моих репортажей об убийстве?

– Я убедительно прошу вас, как мужчина мужчину, больше не пачкать имя моей дочери. После нее произошло достаточно убийств, чтобы вам было чем занять свое перо.

Гарриман с мрачным видом выслушал это. Когда он заговорил, его голос звучал очень весомо:

– Я попытаюсь. Но должен вам сказать, что, если появится общественно значимая информация о вашей дочери, мне придется написать об этом. Вы, конечно, понимаете?

Озмиан открыл рот, словно хотел возразить, но так ничего и не сказал. Он чуть ссутулился в своем кресле, лишь слабо кивнув при этом.

Гарриман поднялся:

– Значит, мы договорились. И я надеюсь, для вас это будет уроком, мистер Озмиан: несмотря на все ваши деньги и влияние, давить на прессу – плохая идея. Особенно в отношении репортера с такой верностью делу и с таким опытом, как у меня. Правда всегда выходит наружу.

Закончив свою краткую лекцию по этике, репортер развернулся на каблуках и, не подав руки, направился к двойным дверям с видом оскорбленной добродетели.

Озмиан подождал, пока за Гарриманом закроется дверь, потом повернулся и вопросительно посмотрел на Альвес-Ветторетто. Та кивнула в ответ, отметив при этом, что невозмутимость Озмиана, которая после разговора с агентом Пендергастом была несколько поколеблена, теперь полностью восстановилась.

Гарриман едва сдерживался, чтобы не подпрыгивать от радости в кабине лифта, спускающегося в вестибюль. У него все получилось – именно так, как он и рассчитывал в ту черную полосу жизни, когда, раздавленный и униженный, сидел в своей квартире всего несколько дней назад. Для этого требовались только правильные репортерские навыки. И по правде говоря, в разговоре с Озмианом он проявил некоторую скромность: мало кто другой смог бы откопать грязные тайны этого человека с такой быстротой и доскональностью, как это сделал он.

Он победил. Он сошелся с великим и страшным Озмианом на поле боя с оружием, выбранным предпринимателем, – шантажом, – и он, Гарриман, победил! То, как Озмиан безоговорочно поднял руки даже в чувствительном вопросе о его дочери, говорило само за себя.

Двери лифта открылись, Гарриман пересек вестибюль и через вращающиеся двери вышел на Уэст-стрит. Его сотовый, пару раз подававший признаки жизни в последние минуты разговора с Озмианом, снова начал вибрировать. Гарриман вытащил телефон из кармана:

– Я слушаю.

– Брайс? Говорит Розали Эверетт.

Розали была лучшей подружкой Шеннон Круа и вторым лицом в совете директоров фонда. Голос ее звучал необъяснимо взволнованно.

– Да, Рози. Что случилось?

– Брайс, не знаю даже, как сказать, и еще меньше знаю, что делать… Но я только что получила несколько писем с приложениями, большое

число документов, финансовых документов. Похоже, они пришли ко мне по ошибке. Всего пять минут назад. Я не бухгалтер, но из этих документов следует, что все активы фонда – около полутора миллионов долларов – были переведены с нашего счета на счет частного холдинга на Каймановых островах, и счет этот открыт на ваше имя.

– Я… я… – Он сбился, слишком потрясенный, чтобы произнести что-нибудь.

– Брайс, вероятно, произошла какая-то ошибка. Верно? Я ведь знаю, вы любили Шеннон… Но вот тут документы, черным по белому. Все остальные члены совета тоже получили такие копии. Эти документы… господи, вот еще пришли… эти документы говорят, что вы опустошили банковский счет перед самыми праздниками. Наверно, мы имеем дело с каким-то мошенничеством, верно? Или это дурная новогодняя шутка? Прошу вас, Брайс, скажите что-нибудь. Боюсь, что…

Раздался щелчок, и ее голос пресекся. Гарриман понял, что ее пальцы непроизвольно сжались в кулак, прервав разговор.

Секунду спустя телефон зазвонил снова. Когда звонок отправили в голосовую почту, раздался новый. И еще один.

Потом телефон застрекотал, извещая о прибытии текстового сообщения. Медленными, неловкими движениями, словно в дурном сне, Гарриман поднес телефон к глазам и взглянул на экран.

Это было послание от Антона Озмиана.

Гарриман чуть ли не против своей воли вывел послание на экран:

Идиот. Воистину гордый столп четвертой власти. В своем самодовольном удовлетворении от обнаружения этой истории ты даже не догадался задать себе самый очевидный вопрос: почему я избил того священника. Вот ответ, который тебе следовало бы найти самому. Когда я был алтарным служкой в церкви Богоматери, отец Ансельм надругался надо мной. Он многократно насиловал меня. Годы спустя я вернулся в эту церковь, чтобы он больше никогда не поддавался своим низменным порывам. И вот еще один хороший вопрос: почему меня обвинили только в проступке, да и то вскоре сняли обвинение? Конечно, была сделана выплата вежливости, но церковь отказывалась сотрудничать со следствием, понимая, какая порочащая их информация может всплыть, если они согласятся. А теперь задай себе вопрос: если ты опубликуешь эту историю, на чьей стороне будет симпатия публики – священника или моей? Еще более очевидный вопрос: как поступит совет директоров «ДиджиФлад»? И что скажут люди о том, кто вытащил на свет божий историю о насилии надо мной и о его предсказуемых физических

последствиях, которые я преодолел, создав одну из наиболее успешных в мире компаний? Так что валяй, публикуй свою историю.

А. О.

P. S. Счастливой тюремной отсидки.

Пока Гарриман с нарастающим ужасом читал текст, строки перед его глазами начали мерцать и терять очертания. Секунду спустя они вообще исчезли, остался лишь черный экран. Гарриман лихорадочно попытался сделать скриншот, но было слишком поздно: послание Озмиана исчезло так же быстро, как появилось.

Со стоном недоверия и паники Гарриман оторвал взгляд от телефона. Наверное, это кошмарный сон, это просто не может быть чем-то иным. И конечно, как это и происходит в кошмарах, в полуквартале от себя он увидел двух полицейских в форме, смотрящих в его сторону. Один из них показал на него. И тогда – пока он стоял как вкопанный, не в силах двигаться – они побежали к нему, на ходу расстегивая кобуру.

46

Лонгстрит вместе с Пендергастом, молчаливой тенью шедшим рядом с ним, остановился у дверей типового домика Роберта Хайтауэра на Герритсен-авеню в Марин-парке в Бруклине. Дверь была открыта, и внутрь задувал холодный ветер – короткая подъездная дорожка была покрыта мелким поздним снегом, который выпал лишь прошедшей ночью, – но Хайтауэра это, похоже, не беспокоило. Пространство внутри было заполнено полуразвалившимися верстаками, компьютерами разной степени морального износа, платами с потоками проводных кос, старыми электронно-лучевыми мониторами, поцарапанными, побитыми инструментами, висящими на крючках на стене, ленточными пилами, пресс-клещами и настольными тисками, целым рядом паяльников, полудюжиной органайзеров для мелких деталек, множеством открытых ящиков, в которых виднелись шурупы, гвозди, резисторы. Трудившийся за одним из верстаков Хайтауэр, человек плотного сложения, с короткими, но густыми седыми волосами, полностью закрывавшими макушку, выглядел лет на шестьдесят.

Он взял жестянку с припоем, надел на нее крышку и положил на стол.

– Значит, по утверждению Озмиана, из всех людей, которых он облапошил, уничтожил или кинул иным образом, именно я ненавижу его сильнее других?

– Верно, – кивнул Лонгстрит.

Хайтауэр издал саркастический, безрадостный смешок:

– Какая высокая оценка.

– Справедливая? – спросил Лонгстрит.

– Представьте себе человека, у которого было все, чего можно пожелать, – сказал Хайтауэр, погружаясь в работу за верстаком. – Хороший дом, красавица-жена, отличная карьера, счастье, успех, богатство… и тут этот ублюдок забирает у вас все. Так занимаю ли я первое место в шкале ненависти? Да, вероятно. Пожалуй, я тот, кто вам нужен.

– Этот алгоритм, который вы изобрели, – сказал Лонгстрит. – Аудиокодек для сжатия и одновременного стриминга файлов. Не стану делать вид, будто я что-то в этом понимаю, но, если верить Озмиану, он был оригинальным и весьма ценным.

– Это работа всей моей жизни, – ответил Хайтауэр. – Я даже не понимал, до какой степени мое существо пребывает в каждой строке кода, пока его не украли у меня. – Он помолчал, оглядывая верстаки. – Мой отец служил патрульным полицейским, как и отец его отца. С деньгами всегда было не густо. Но этих денег хватило, чтобы купить детали для любительской рации. Только детали. Я сам ее собрал. Так я узнал основы электронной техники, телефонии, аудиосинтеза. На той основе я получил грант для учебы в колледже. А потом мои интересы от железа переместились в область программирования. Та же музыка, только инструменты другие.

Наконец он оторвался от своих занятий и повернулся к ним, переводя с одного на другого взгляд, который Лонгстрит мог бы описать как загнанный.

– Озмиан забрал это у меня. Все подчистую. И вот я здесь. – Он обвел рукой мастерскую и горько рассмеялся. – Ни денег, ни семьи. Родители умерли. И что делаю я? Живу в их доме. Последнего десятилетия словно и не было, разве что я постарел на двенадцать лет, и мне нечего предъявить за это. А благодарить за все случившееся надо одного сукина сына.

– Насколько мы понимаем, – сказал Лонгстрит, – во время и после захвата вы беспокоили мистера Озмиана. Отправляли ему письма с угрозами, грозились убить его и его семью, вплоть до того, что он получил ограничительное судебное постановление на вас.

– И что? – с вызовом ответил Хайтауэр. – Вы можете меня в этом обвинять? Он лгал под присягой, вилял, измотал меня юристами до смерти и, можете не сомневаться, наслаждался каждой минутой происходящего. Если ты хоть наполовину мужчина, ты должен отвечать тем же. Я мог это вынести, но моя жена – нет. Съехала в пропасть в

состоянии подпития. Сказали, это был несчастный случай. Вранье. – Он резко рассмеялся. – Это он виноват. Это Озмиан ее убил.

– Насколько я понимаю, – впервые подал голос Пендергаст, – в тот трудный период до трагической смерти вашей жены в ваш дом несколько раз вызвали полицию из-за домашнего насилия?

Руки Хайтауэра, которые до этого витали над рабочей поверхностью верстака, неожиданно замерли.

– Вы не хуже меня знаете, что она ни разу не подала жалобу в суд.

– Нет, не знаю.

– Мне об этом нечего сказать. – Его руки снова начали двигаться. – Забавно. Я все время прихожу сюда, вечер за вечером, слоняюсь тут без дел. Наверное, пытаюсь совершить второй мозговой штурм. Но теперь все без толку. Молния никогда не ударяет дважды в одно место.

– Мистер Хайтауэр, – сказал Пендергаст, – позвольте узнать, где вы были вечером четырнадцатого декабря? Если точнее, то в десять вечера.

– Здесь, вероятно. Я никогда никуда не хожу. А что такого особенного случилось в тот вечер?

– Тем вечером убили Грейс Озмиан.

Хайтауэр снова повернулся к ним. Лонгстрит удивился переменам, неожиданно произошедшим с его лицом. Вместо загнанного выражения появилась жуткая улыбка, маска мстительного торжества.

– Ах да, то самое четырнадцатое декабря! – сказал он. – Как я мог забыть этот красный день календаря? Ах, какой стыд!

– А где вы находились следующим вечером? – спросил Лонгстрит. – Когда тело было обезглавлено?

В этот момент в дверях мастерской появилась тень. Лонгстрит посмотрел в ту сторону и увидел высокого человека, стоящего на снегу. По каменному выражению лица, по тому, как быстро и бесстрастно тот оценил ситуацию, Лонгстрит понял, что этот человек служит в полиции.

– Боб, – сказал человек, кивая Хайтауэру.

– Билл. – Хайтауэр показал на гостей. – Высокие чины ФБР. Спрашивают, где я был в тот вечер, когда дочка Озмиана потеряла голову.

Человек ничего не ответил, не выдал себя выражением лица.

– Это Уильям Синерджи, – объяснил Хайтауэр Лонгстриту и Пендергасту. – Нью-йоркская полиция, шестьдесят третий участок. Мой сосед.

Лонгстрит кивнул.

– Я вырос в семье полицейского, – сказал Хайтауэр. – А это полицейский район. Мы, члены синего братства, склонны селиться рядом.

Наступило короткое молчание.

– Кажется, я начинаю вспоминать, – заговорил Хайтауэр все с тем же пугающим подобием улыбки на лице. – Мы с Биллом выпивали в тот вечер, когда убили дочку Озмиана. Верно, Билл?

– Верно, – откликнулся Билл.

– Мы были в «О'Херлихи» за углом, на авеню Р. Это полицейский бар. Насколько я помню, там было много ребят, правильно я говорю?

Билл кивнул.

– И они наверняка помнят, что я поставил всем выпивку около, скажем, десяти вечера?

– Прямо в точку.

– Вот вам пожалуйста, – сказал Хайтауэр и выпрямился. Его лицо снова превратилось в бесстрастную маску. – А теперь, если у вас больше нет вопросов, джентльмены, – сказал он, – то мы с Биллом хотели бы посмотреть матч по спортивному каналу.

Они сидели в служебном седане Лонгстрита, припаркованном на Герритсен-авеню перед маленьким типовым домиком.

– Ну, – заговорил Лонгстрит, – и что вы думаете о том, как подозреваемый практически у нас на глазах состряпал себе алиби?

– Достоверное оно или нет, не думаю, что у нас получится опровергнуть его.

– А ваш дружок д'Агоста? Может он пробить эту синюю стену?

– Вы же знаете, я бы никогда не попросил его о такой услуге. И тут есть еще одно соображение.

Лонгстрит вопросительно посмотрел на него.

– Даже если у Хайтауэра имелся мотив, то это еще не объясняет других убийств.

– Мне это тоже приходило в голову, – сказал Лонгстрит. Он продолжал смотреть на дом и на клубы дыма, выходящие из трубы. – Может, он почувствовал вкус к таким делам. Я уже видел полицейских, которые брали правосудие в свои руки, если суды не хотели сами делать это. Одно можно сказать наверняка: за такую ниточку стоит потянуть.

– Тут следует проявлять осторожность, – заметил Пендергаст. – Мы должны пока помалкивать об этой версии – и в полиции, и в ФБР. Никогда не знаешь, через кого информация может просочиться наружу.

– Вы, конечно, правы. Давайте будем работать над этим индивидуально. Разделимся. Минимизируем наше общение. Будем контактировать только по телефону или зашифрованной электронной почте.

Лонгстрит задумался на секунду, глядя на дом. Шторы на окне были задернуты неплотно, и они могли видеть небольшую часть комнаты, вероятно гостиной.

– То, как он на нас смотрел, когда фальсифицировал себе алиби… – сказал Лонгстрит. – Он словно вызов нам бросал.

При этих словах Пендергаста охватила конвульсивная дрожь.

– Вызов, – повторил он. – Ну конечно!

Лонгстрит нахмурился:

– Вы это о чем?

Но Пендергаст ничего не ответил, и Лонгстрит включил передний ход и отъехал от тротуара.

47

Марсден Своуп сидел за единственным письменным столом в его крохотной квартирке. Часы показывали шесть утра 3 января.

3 января. Дата, с которой пойдет отсчет очищения города.

У Своупа не было иллюзий. Он знал, что все начинается с малости, если, конечно, можно назвать такое число паломников «малостью». Но у него имелся инструмент, которым не обладали пророки до него: Интернет. Единственное его наставление своим последователям состояло в том, чтобы они не избавлялись от своих сотовых телефонов. Телефоны были важной составляющей по двум причинам: во-первых, они позволяли ему руководить логистикой костра, а во-вторых, они смогут задокументировать великое событие.

То, что началось как единичный акт очищения на Манхэттене, будет распространяться на мегаполисы, на малые городки, из Америки в

Европу, далее – везде. Мир, более чем когда-либо разделенный на имущих и неимущих, с нетерпением ждал этого послания. Люди поднимутся и объединятся, чтобы освободить свою жизнь от алчности, материализма и уродливого социального разделения, вызванного деньгами, они оставят богатство ради жизни в простоте, чистоте и почетной бедности.

Но он не должен торопить события. Он вымостил путь, привел мир в движение, и его следующий шаг становился исключительно важным. Своуп знал, что его последователи ждут сигнала. Трудность будет состоять в том, чтобы собрать их на Большом лугу в точно выбранное время, не насторожив при этом власти.

Вернувшись к своему столу, он сочинил твит для своих сторонников, лаконичный, информативный и по существу:

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ. Молитесь, поститесь и готовьтесь к грядущим событиям. Окончательное МЕСТО СБОРА и инструкции в 15:00.

Страстный Паломник (@SavonarolaRedux)

3 января, 6:08

Он прочел послание один раз, второй и потом, удовлетворенный, выпустил его в мир. В три он пошлет окончательные инструкции, и дальше все будет в руках Божьих.

48

Сотовый Говарда Лонгстрита заверещал сразу после шести утра.

Он сел, недовольно крякнув, и посмотрел на телефон. Это был не его личный мобильный телефон, а служебный, из тех, что Бюро выдавало своим агентам и руководителям. Телефон мог отправлять и получать как обычные тексты, так и зашифрованную почту, и иконка на экране сообщила ему, что он только что получил зашифрованное послание от специального агента Алоизия Пендергаста.

Он взял телефон со стола, пропустил послание через дешифратор и прочел:

Нам необходимо поговорить о предмете огромной важности. Совершен значительный прорыв. Связи оказываются гораздо более глубокими, чем мы предполагали. Секретность чрезвычайно необходима. Встречаемся в старом «Кингс-Парке», здание 44, в 14:00 для составления плана ареста преступников (sic!). Любая попытка контакта до этого момента нежелательна. Нужна силовая поддержка; возьмите с собой лейтенанта д’Агосту, которому я тоже отправил письмо.

P. S. За нами следят.

А.

Лонгстрит стер послание и задумчиво положил телефон на ночной столик. «Преступники». Множественное число не было опечаткой, на что указывало латинское «sic» – «так». Значит, их больше чем один. Дело и в самом деле серьезнее, чем ожидалось. Может, это Хайтауэр и другие? Лонгстрит попытался расширить фактологическую часть короткого послания Пендергаста. Получалось, что тот нашел что-то очень важное о разоренном предпринимателе. Но из послания также вытекало, что связи Хайтауэра с полицией гораздо глубже, чем они подозревали. «Преступники». А что, если Пендергаст намекает на заговор внутри нью-йоркской полиции? Что ж, всем известно про ее прежние шалости. Неудивительно, что секретность была так важна, в особенности еще и потому, что у Пендергаста имелось достаточно оснований, чтобы использовать слово «арест».

Лонгстрит знал, что Пендергаст не любит отправлять электронные послания и редко это делает. Однако в данном случае ситуация сложилась настолько критическая, ставки так выросли, а подозреваемые преступники занимали такое высокое положение, что это требовало чрезвычайных мер предосторожности.

А что насчет слежки за ними? Не означает ли это, что рабочий телефон Лонгстрита подвергается опасности? В подобное верилось с трудом; ФБР пользовалось новейшими системами шифрования и защиты. Черт бы подрал Пендергаста и его намеренно загадочные методы. Лонгстрита одолевало любопытство: что же такое нашел агент? И еще… что это за место – «старый „Кингс-Парк“»?

Он включил ноутбук, открыл безопасный браузер «Тор» и с его помощью вышел в темную сеть. Подобное действие со стороны высокопоставленного сотрудника ФБР было нарушением правил, но если его электронная почта, телефон и эсэмэс оказались уязвимы, как намекал Пендергаст, то небезопасен и его предпочтительный браузер. А с «Тором» он хотя бы мог провести неотслеживаемый поиск.

Уже через несколько минут он узнал, что «Кингс-Парк» – это огромная, разбросанная на большой территории психиатрическая больница на Северном берегу Лонг-Айленда, построенная в конце девятнадцатого века, а теперь заброшенная. Он вывел на экран карту этого места. Здание 44 представляло собой небольшое складское сооружение, которое поначалу использовалось как склад съестных припасов для всего этого огромного комплекса.

Запомнив карту, Лонгстрит закрыл браузер, потом быстро выключил компьютер. Почему психиатрический центр в «Кингс-Парке»? Но, подумав немного, он понял, что Пендергаст нашел идеальное место для встречи: оно находится за пределами Нью-Йорка, что снижает

эффективность любого грязного наблюдения со стороны нью-йоркской полиции, при этом оно уединенное и в то же время легкодоступное. А здание 44 явно было выбрано по той причине, что к нему можно подъехать с Олд-Док-роуд, рассекающей территорию больницы на две части.

Оставалось только одно – связаться с д’Агостой. Для этого Лонгстрит решил воспользоваться своим обычным телефоном, сделать всего один звонок, вроде как ни о чем. Он просмотрел список своих контактов, нашел номер д’Агосты, набрал.

Хотя не было еще и половины седьмого, д’Агоста ответил после первого звонка, и его голос не звучал сонно.

– Да?

Лонгстрит отметил, что д’Агоста не назвался.

– Лейтенант?

– Да.

– Знаете, кто я?

– Я абсолютно уверен, что наш общий знакомый называет вас иногда только первой буквой – Г.

– Верно. Пожалуйста, отвечайте максимально коротко. Он вышел с вами на связь?

– Да.

– И назвал место, куда мы с вами должны отправиться?

– Нет. Только сказал, чтобы я ждал звонка от вас – важного и конфиденциального.

– Отлично. Я буду ждать вас в полдень у входа в вашу фирму.

– Хорошо.

– Абсолютно конфиденциально.

– Понял.

Тишина в трубке.

Лонгстрит положил телефон на столик. Несмотря на свою долгую карьеру в области тайных операций, он не мог не почувствовать, как в нем нарастает возбуждение. После того как он много лет командовал крупными ударными группами, маленькая тактическая операция вроде той, что им предстояла, казалась возвращением к корням. Ох уж этот

Пендергаст – вечно жди от него сюрпризов. Он чрезвычайно умело все это делал. Тем не менее участие лейтенанта будет крайне важным, если в дело вовлечена полиция.

Лонгстрит лег на кровать, не для того чтобы заснуть – сон теперь был невозможен, – а ради ясности ума и сосредоточения на цели. До полудня осталось всего ничего, и тогда дело войдет в свою финальную фазу – арест. Лонгстрит надеялся, что кошмарной цепочке серийных убийств будет положен конец.

Начинающийся рассвет позолотил шторы его спальни, и он закрыл глаза.

49

Вооруженные тюремные надзиратели провели Брайса Гарримана по голым коридорам изолятора временного содержания на Манхэттене в небольшую комнату со столом, прикрученным к полу, двумя стульями, часами и светильником в потолке, причем часы и светильник были забраны проволочной сеткой. Окна здесь отсутствовали, и он знал, что сейчас четверть девятого утра, только по часам.

– Пришли, – сказал надзиратель.

Гарриман помедлил, глядя на двух упитанных бритоголовых персонажей, уже находившихся в камере, которые разглядывали его, словно оценивая кусочек редкого ростбифа.

– Ну же, заходите!

Надзиратель легонько подтолкнул Гарримана, тот вошел, и дверь за ним с лязгом закрылась, задвижка со щелчком встала на место.

Он прошаркал ногами по полу и сел на стул. Хорошо хоть ножные кандалы с него сняли, но жесткий оранжевый тюремный комбинезон царапал кожу. Все последние часы прошли в каком-то жутком тумане. Арест, поездка в полицейской машине в ближайший полицейский участок, ожидание, предъявление обвинения и задержание за хищение, потом гнетуще короткая поездка в изолятор временного содержания всего в нескольких кварталах оттуда, закончившаяся прежде, чем он успел понять, что с ним случилось. Все это было словно в кошмарном сне, от которого никак не избавиться.

Как только надзиратель ушел, один из дюжих парней подошел вплотную к Гарриману, остановился и вперился в него взглядом.

Не зная, что ему делать, Гарриман наконец поднял голову:

– Что?

– Это *мое* место.

Гарриман поспешно вскочил, и человек сел. Два стула – три человека. Койки нет. День обещал быть долгим.

Он сел на пол, прислонился спиной к стене и прислушался к гулу голосов и выкрикам других заключенных в блоке. Совершенные им ошибки проплывали перед его мысленным взором словно в каком-то идиотском шоу. Самоуверенность, подкрепленная неожиданно пришедшей к нему недавно славой, ослепила его, и он роковым образом недооценил Антона Озмиана.

Первая его ошибка, на которую не преминул ему указать сам Озмиан, состояла в том, что он не задал себе очевидного вопроса: почему Озмиан вообще избил священника? Почему для него не наступило последствий? Избиение, к тому же столь жестокое, произошло на глазах множества прихожан, и репортерское чутье Гаримана должно было подать ему сигнал, сильный сигнал.

Вторая его ошибка носила тактический характер: он показал Озмиану статью до публикации. Этим он не только раскрыл карты, но и дал Озмиану время для реагирования. С горьким осознанием собственной глупости он вспомнил, как помощница Озмиана вышла на несколько минут в начале их встречи и вернулась, ясное дело, уже приведя в действие их мошенническую схему. А потом они продержали его в кабинете за разговорами, пока схема раскручивалась. К тому времени, когда он вышел из здания «ДиджиФлад», окрыленный успехом, он уже был мертвецом. Новая волна разочарования и стыда нахлынула на него, когда он вспомнил слова Озмиана: «Как вы можете себе представить, в нашей компании немало прекрасных программистов, и они создали восхитительную цифровую кражу, указывающую прямо на вас. И у вас просто нет ни знаний, ни ресурсов, чтобы самостоятельно возвратить деньги». Все это были не пустые слова: во время одного из нескольких звонков, которые ему позволили сделать, он рассказал своему редактору о том, что с ним случилось, как его подставили и как он напишет совершенно убийственную историю про Озмиана, где все будет объяснено. Петовски в ответ обозвал его лжецом и повесил трубку.

Спустя целую вечность, а на самом деле всего через шесть часов двое его сокамерников, которые, к счастью, игнорировали его, были уведены из камеры. Потом настала его очередь. Пришел надзиратель, отпер дверь и провел Гарримана по коридору в крохотную комнату со стульями и столом. Ему велели сесть, и минуту спустя появился человек в хорошо сшитом костюме и блестящих туфлях, поскрипывающих на ходу. У него было светлое, почти ангельское лицо. Это был Леонард Гринбаум, адвокат, нанятый Гарриманом, – не общественный защитник, а опытный и беспощадный адвокат, самый дорогой, какого мог позволить

себе Гарриман… с учетом того, что бо́льшая часть его активов оказалась заморожена. Адвокат приветственно кивнул ему, положил свой тяжелый кожаный портфель на стол, сел напротив Гарримана, открыл портфель, достал оттуда стопку бумаги и разложил перед собой.

– Я буду краток, мистер Гарриман, – сказал он репортеру, просматривая документы. – Собственно, в данный момент и сказать особо нечего. Сначала плохие новости. Прокурор района располагает неопровержимыми материалами против вас. Установить бумажный след не составило труда. У них есть видеозаписи того, как вы открыли счет на Кайманах, как вы входите в банк, как вы тайно переводите все средства фонда, и свидетельства, что вы собирались бежать из страны послезавтра – они обнаружили билет на ваше имя в одну сторону до Лаоса.

Последнее стало новостью для Гарримана.

– Бежать из страны? В Лаос?

– Да. Постановлением суда ваша квартира была обыскана, все документы и компьютеры арестованы. Там все это есть, мистер Гарриман, все ясно как божий день, включая электронный билет.

Голос Гринбаума звучал грустно, даже укоризненно, словно он недоумевал, почему Гарриман такой тупой.

Гарриман застонал, опустил голову на руки:

– Послушайте, это все подстава. Ложные улики, чтобы шантажировать меня. Озмиан высосал все это из пальца. У него лучшие хакеры в мире, они работают на него, и они все сфальсифицировали! Я говорил вам о моих встречах с Озмианом, о том, как он мне угрожал. Можно найти записи с видеокамер, на которых я захожу в здание, и не раз, а даже дважды.

– Мистер Озмиан подтверждает, что вы были в здании, но говорит, что вы хотели выудить из него еще какую-нибудь информацию для новой статьи.

– Он делает все это, чтобы отомстить мне за мои статьи о его дочери! Как только я вышел из здания, он отправил мне текст с объяснением, что он сделал и почему!

Адвокат кивнул:

– Насколько я понимаю, вы ссылаетесь на текст, которого нет на вашем телефоне и вообще нигде нет.

– Он должен быть где-нибудь!

– Согласен. Это проблема. По моему опыту – и, несомненно, опыту прокуратуры – тексты просто не могут удалять сами себя. Какой-нибудь след где-нибудь непременно остается.

Гарриман сгорбился на стуле:

– Послушайте, мистер Гринбаум, я нанял вас, чтобы вы меня защищали. А не перечисляли мне все липовые свидетельства моей вины!

– Прежде всего, называйте меня, пожалуйста, Ленни. Боюсь, что нам долго придется работать вместе. – Он уперся локтями в столешницу, подался вперед и заговорил сочувственным голосом: – Брайс, я буду защищать вас всеми своими силами. Я лучший в этом бизнесе, поэтому вы и наняли меня. Но мы должны смотреть фактам в лицо: у прокурора безукоризненные свидетельства. Если он настоит на передаче дела в суд, вы получите приговор по полной. Единственный ваш шанс – единственный! – это чистосердечное признание.

– Признание? Вы считаете меня виновным, да?

– Позвольте мне закончить. – Гринбаум глубоко вздохнул. – Я говорил с прокурором, и при определенных обстоятельствах он готов проявить снисходительность. Это ваше первое дело, до этого вы были честным, законопослушным гражданином. Кроме того, вы известный репортер, который выполнял свой общественный долг перед городом, когда стали происходить обезглавливания. Поэтому прокурор готов отнестись к случившемуся как к единичному умопомрачению, пусть даже и чудовищному. В конечном счете похищать деньги из благотворительного фонда для больных раком, учрежденного якобы в память о покойной подруге… – Голос его сошел на нет.

Гарриман сглотнул:

– Снисходительность? Какого рода снисходительность?

– Это будет решено, если вы дадите мне разрешение на переговоры. Факт в том, что ни цента из украденных денег не было израсходовано. Я могу выставить это только как намерение. Если вы признаете свою вину, то при везении вам придется отбывать срок не больше двух, максимум трех лет.

Гарриман снова застонал и уронил голову на руки. Кошмар! Другого слова для того, что с ним происходит, не существовало, – настоящий кошмар наяву, кошмар, от которого, похоже, он не сможет проснуться как минимум два года.

В нескольких милях к северу от Манхэттенского изолятора временного содержания, у брезентового полотнища, расстеленного в центре Большого луга, стоял Марсден Своуп. Он ждал с трепетом удовлетворения, смешанного со смирением, и вот на тропинках, из-за деревьев, со стороны близлежащих улиц стали появляться люди. Они шли медленно, осторожно, словно ощущая огромное значение происходящего, выходили на огромный луг и молча собирались вокруг Своупа. Несколько прохожих, спешивших по своим делам в этот холодный январский день, замедлили шаг, глядя на растущую толпу. Но внимание властей они пока не привлекли.

Своуп знал, что его послание достигло самых разных людей, это воистину был срез американского общества, но он и предположить не мог такого разнообразия. Люди всех возрастов, вероисповеданий, имущественного положения безмолвно окружали его, кольцо собравшихся становилось все плотнее. Люди в деловых костюмах, в головных уборах, смокингах, сари, бейсбольных униформах, кафтанах, гавайских рубашках, в цветах банды – их становилось все больше, и больше, и больше. Именно на это он и надеялся с такой страстью, – на то, что один процент и девяносто девять процентов соединятся в своем отвержении богатства.

«Благодарю Тебя, Господи, – прошептал про себя Своуп. – Благодарю Тебя».

И вот настало время разводить костер. Он сделает это быстро, чтобы копы не смогли остановить процесс или, пробравшись через толпу, загасить пламя.

Своуп выпрямился во весь рост, стоя в середине освобожденного для него паломниками круга диаметром десять-пятнадцать футов. Жестом театральным и, как он надеялся, одновременно уважительным он снял накидку и остался в одежде, которую сплетал себе много мучительных вечеров, – во власянице из самых грубых, самых колких волос животных, какие ему удалось найти. Затем он отшвырнул в сторону брезент, под которым обнаружился большой белый крест – Своуп еще раньше нарисовал его на траве с помощью баллончика. Рядом стояли две канистры с керосином.

– Люди! – воскликнул Своуп. – Дети Бога живого! Вы собрались здесь, богатые и бедные, со всех уголков страны, с одной целью – чтобы объединиться в избавлении себя от роскошных и щекочущих гордыню вещей, столь ненавистных Господу, от богатства, которое, как ясно сказал Иисус, не позволит вам попасть на небеса. Давайте же теперь торжественно поклянемся отречься от этих побрякушек алчности и очистить наши сердца. Давайте же здесь и сейчас сделаем символическое приношение в костер тщеславия, и пусть оно станет

нашим обещанием с этой минуты и до конца наших дней жить в простоте!

Он отошел от нарисованного креста, подхватив канистры, и влился в переднюю линию толпы, затем достал из кармана драных джинсов авторучку с золотым пером, подаренную ему отцом (которого он не видел и не слышал уже лет десять) в день окончания им семинарии иезуитов. Своуп поднял авторучку в руке, чтобы люди видели, как благородный металл сверкает в лучах заходящего солнца. Потом он кинул ее в середину круга, и она вонзилась пером в центр нарисованного креста.

– Пусть те, кто хочет идти путем благодати, последуют моему примеру! – нараспев проговорил он.

По толпе прошла короткая рябь, словно дрожь предвкушения. За этим последовал миг неподвижности. А потом посыпался невероятный дождь предметов – их кидали из толпы, и они приземлялись в траве, обозначенной крестом: дизайнерские сумочки, одежда, драгоценности, часы, ключи от машины, свернутые в рулон ценные бумаги, полиэтиленовые пакетики с наркотиками, кульки с марихуаной, пачки стодолларовых купюр, книги, подробно описывающие диеты и способы быстрого обогащения; а также всевозможные курьезные штуки: фаллоимитатор, усыпанный драгоценными камнями, электрогитара с корпусом, выполненным в стиле «книжный разворот», пистолет «смит-вессон». Бесчисленное количество других вещей, не поддающихся описанию, упали в круг или приземлились на быстро растущую груду. Гора сверкающей, показушной и никчемной роскоши становилась все выше, и в ней удивительным образом преобладали женские туфли, в основном на гвоздиках.

Необыкновенное сияние, ощущение божественной неизбежности осенило Своупа, как ласка ангела. «Видимо, то же самое чувствовал Савонарола во Флоренции много веков назад», – подумал он. Взяв одну из канистр с керосином, он шагнул вперед, открыл канистру и вылил ее содержимое по расширяющейся спирали на сверкающий и растущий мусор тщеславия. Предметы падали рядом с ним, попадали ему в голову и спину, но Своуп ничего не замечал.

– А теперь! – торжественно произнес он, отбрасывая в сторону пустую канистру и доставая коробок безопасных спичек. – Пусть наша новая жизнь в очищении начнется с огня!

Он чиркнул спичкой и бросил ее, вспыхнувшую, на гору вещей, выросшую перед ним. И в устремившемся вверх громадном желто-оранжевом хлопке огня и жара он на миг увидел высвеченные в сумерках, словно дневным светом, темные фигуры тысяч новых паломников, приближающихся со всех сторон Большого луга, чтобы

присоединиться к этому костру тщеславия последнего дня и бросить в огонь новые предметы роскоши.

51

Сумерки опускались на город, когда миссис Траск возвращалась на север по Риверсайд-драйв с сетчатой сумкой овощей, купленных к вечернему ужину. Обычно она отправлялась за покупками гораздо раньше, но сегодня закрутилась с мытьем и перестановкой третьесортного фарфорового сервиза и забыла про время. Проктор предложил ее подвезти, но она в последнее время предпочитала пешие прогулки – вечерний моцион шел ей на пользу, к тому же благодаря реконструкции района, проведенной в последние годы, она получала удовольствие, делая покупки в местном супермаркете «Хол Фудс». И вот, направляясь по круговой подъездной дорожке к входу для слуг в задней части дома, она с удивлением заметила в тени у главной двери темную фигуру.

Первым ее порывом было вызвать Проктора, но тут она увидела, что это всего лишь мальчик. Вид у него был беззащитный и грязный (миссис Траск выросла в лондонском Ист-Энде и в свое время повидала немало таких уличных мальчишек), и, когда она приблизилась, он вышел из тени.

– Прошу прощения, мадам, – сказал он, – но это и есть дом мистера… мм… Пендергаста?

Он даже говорил с акцентом, с каким говорят мальчишки в центре Лондона.

Миссис Траск остановилась перед ним как вкопанная:

– Зачем тебе нужно это знать, молодой человек?

– Затем, что мне заплатили, чтобы я передал ему вот это. – Он вытащил из заднего кармана конверт. – Но тут, похоже, никто не открывает.

Миссис Траск задумалась на минуту. Потом протянула руку:

– Хорошо, я позабочусь, чтобы это письмо попало к мистеру Пендергасту. Давай его мне и уходи.

Мальчишка передал ей письмо, развернулся, тряхнув вихрами, и поспешил прочь по подъездной дорожке.

Миссис Траск провожала его взглядом, пока его фигура не исчезла в городской суете. Покачав головой, она пошла к заднему кухонному входу. С таким работодателем, как у нее, никогда не знаешь, чего тебе ждать.

Она нашла Пендергаста в библиотеке, он сидел в кресле и смотрел на неяркий огонь в камине, а рядом на столике стояла нетронутая чашка зеленого чая.

– Мистер Пендергаст, – позвала миссис Траск, стоя в дверях.

Агент не ответил.

– Мистер Пендергаст, – повторила она чуть громче.

На этот раз он встрепенулся.

– Да, миссис Траск? – спросил он, поворачиваясь к ней.

– У дверей стоял мальчик. Он сказал, что никто не открывает дверь. Вы не слышали звонок?

– Нет.

– Он сказал, что ему заплатили, чтобы он доставил вам это письмо. – Она вошла в библиотеку, неся на серебряном подносе грязный, сложенный вдвое конверт. – Не могу понять, почему Проктор не ответил на звонок, – не сдержалась она, так как не вполне одобряла те вольности, которые Проктор иногда позволял себе по отношению к своему нанимателю.

Пендергаст посмотрел на письмо с непонятным для миссис Траск выражением:

– Я думаю, он не ответил на звонок, потому что тот не звонил. Мальчик вам солгал. Будьте добры, положите письмо на стол.

Она поставила поднос рядом с чайным набором:

– Что-нибудь еще?

– Пока нет, спасибо, миссис Траск.

Пендергаст дождался, когда она выйдет из библиотеки, когда ее шаги стихнут в коридоре, когда во всем доме воцарится тишина. Но и тогда он не шелохнулся и ничего не сделал – только разглядывал конверт, как мог бы разглядывать взрывное устройство. Он не знал, что в этом конверте, но предчувствие чего-то дурного было слишком сильным.

Наконец Пендергаст наклонился вперед, взял конверт за уголок и развернул его. На конверте стояло одно-единственное слово, напечатанное на пишущей машинке: АЛОИЗИЙ. Он долго смотрел на него, ощущая, как тревога усиливается. Потом он осторожно вскрыл конверт ножом с выкидным лезвием, который держал поблизости специально для вскрывания писем. Внутри конверта лежали сложенный

вчетверо лист бумаги и маленькая флешка с USB-разъемом. Пендергаст вытряхнул лист на поднос и развернул его кончиком ножа.

Записка, напечатанная на пишущей машинке, была короткой.

Дорогой А. Пендергаст.

Пишет вам Головорез. Вот и подошел конец игре. На флешке вы увидите короткое видео с лейтенантом д'Агостой и исполнительным заместителем директора Лонгстритом в главных ролях. Они пленники. Если откровенно, то они наживка – чтобы вызвать вас ко мне на специальный вечер. Я нахожусь в здании 44 в заброшенном психиатрическом центре «Кингс-Парк». Приезжайте один. Не присылайте кавалерию. Не берите с собой Проктора или кого-либо еще. Не говорите об этом никому. Если вас не будет в 9:05 вечера, а это приблизительно через пятьдесят пять минут, если мое письмо было доставлено надлежащим образом, то вы больше не увидите любого из ваших друзей живым.

Хотя вы еще не знаете, кто я, вам определенно немало известно о моих талантах. Как человек разумный, вы оцените ситуацию, в которой теперь оказались, и поймете, что сделать вы можете только одно. Конечно, вы посмотрите видео, поразмыслите и оцените разные образы действий; но в конце концов вы поймете, что у вас нет иного выбора, кроме как приехать сюда сейчас и в одиночку. Так что не медлите. Часы тикают.

И еще одно требование: Возьмите с собой ваш «Лес-баер 1911» калибра.45 и дополнительный магазин на восемь патронов, полностью заряженные, и чтобы в патроннике был патрон, общее количество патронов – семнадцать. Это очень важно.

Искренне ваш,

Головорез

Пендергаст два раза перечитал письмо, вставил флешку в порт компьютера; на ней обнаружился единственный файл, и он щелкнул по нему.

На экране появилось видео: д'Агоста и Лонгстрит, связанные, с кляпами во рту и обездвиженные, у каждого свободна только одна рука. Они смотрели в камеру, обливаясь потом, и держали между собой в свободных руках утренний номер «Нью-Йорк таймс». Видео шло без звука. На заднем фоне виднелся интерьер складского помещения. Двое в кадре были избиты и окровавлены – д'Агоста в большей степени, чем Лонгстрит. Видео продолжалось всего десять секунд и проигрывалось снова и снова в бесконечной петле.

Пендергаст просмотрел видео еще несколько раз, снова прочел письмо, потом положил и то и другое в конверт и спрятал его в карман пиджака. Три минуты он сидел совершенно неподвижно, освещаемый подмигивающими язычками пламени в камине, и наконец поднялся.

Головорез прав: у него не было иного выбора, кроме как подчиниться указаниям.

Пендергаст имел лишь туманное представление о «Кингс-Парке» – гигантской заброшенной психиатрической больнице на Лонг-Айленде, неподалеку от города.

Быстрый интернет-поиск позволил узнать подробности: больница прекратила функционировать много лет назад, осталось множество полуразрушенных зданий, раскиданных на огромной территории за сеточной оградой; заведение приобрело скандальную известность благодаря электрошоковым методам лечения, применявшимся без всяких на то показаний к безнадежным больным до того, как появились эффективные лекарственные средства. Больница располагалась в округе Сассекс, между Ойстер-бей и Стоуни-брук.

Пендергаст распечатал карту психиатрического центра, сложил, спрятал в карман, вытащил из ящика дополнительный магазин с патронами калибра.45, проверил, полон ли он, сунул в другой карман, потом достал «лес-баер» проверил, полон ли его боекомплект пистолета. Он заслал в патронник один патрон, вытащил магазин, вставил еще один патрон в освободившееся место и убрал пистолет в карман.

Когда он надевал пальто в передней, к нему тихо, как кот, подошел Проктор:

– Я могу быть вам полезен, сэр?

Пендергаст посмотрел на него. Миссис Траск, вероятно, сказала ему про письмо. Он видел на лице Проктора рвение, необычное и одновременно вызывающее тревогу. Проктор определенно знал гораздо больше, чем говорил ему Пендергаст. Или догадывался.

– Нет, спасибо, Проктор.

– Вам не понадобится водитель?

– У меня возникло желание прокатиться вечерком в одиночестве.

Он протянул руку в ожидании ключей.

Несколько секунд Проктор стоял неподвижно, на его лице застыла бесстрастная маска. Пендергаст прекрасно понимал, что Проктор чувствует его ложь, но времени, чтобы сочинить что-нибудь более убедительное, у него не было.

Не говоря ни слова, Проктор вытащил из кармана ключи от «роллса» и отдал Пендергасту.

– Спасибо.

Пендергаст кивнул и, пройдя мимо Проктора, направился в гараж, на ходу застегивая пальто.

Через сорок восемь минут он свернул с шоссе 25А на Олд-Док-роуд, проходившую по территории психиатрического центра «Кингс-Парк». Было почти девять часов, холодная тьма уже опустилась на землю. Пендергаст вел свою большую машину по пустой дороге, по обеим сторонам которой виднелись темные очертания зданий, заколоченных и заброшенных.

Он сбавил скорость, развернулся в обратном направлении, переехал через тротуар, выключил фары и по мерзлой земле докатил до группки деревьев, за которыми и остановил машину так, чтобы ее не было видно с дороги. Потом он достал карту и сориентировался. По другую сторону дороги стояло несколько зданий, обозначенных на его карте как «Группа 4» или «Четверка»; здесь когда-то содержались душевнобольные преклонного возраста. Справа от Пендергаста, в двухстах ярдах за сеточным забором, окружающим территорию больницы, вырастало огромное десятиэтажное здание, обозначенное на карте как «Сооружение 93», вздымающее свои коньки и башни к ночному небу. Обширный фасад купался в призрачном лунном свете, а пустые черные окна смотрели на безжизненную территорию прежней больницы, словно какое-то многоглазое чудовище. Пендергаст созерцал здание, чувствуя шепоток, дрожь воспоминаний, которые хранил этот дом о пациентах, запертых внутри, тараторивших что-то невнятное, плачущих, шагнувших за грань отчаяния, о пациентах, на которых опробовались экспериментальные лекарства, лоботомия, электрошоковые процедуры, а может, и что-то похуже. Над зубчатыми стенами здания поднималась распухшая луна, прикрытая вуалью спешащих куда-то облаков.

В тени огромного здания пряталось двухэтажное сооружение гораздо меньших размеров, известное как здание 44, – Пендергаст видел его на карте. Там он найдет Головореза.

Выйдя из машины и бесшумно закрыв дверь, он прежде всего убедился, что улица пуста, и лишь тогда подошел к ограде. В его облаченной в перчатку руке появились кусачки, и всего за две минуты он проделал в дешевой проволочной ограде отверстие достаточных размеров, чтобы проникнуть внутрь, не порвав пальто, которое ему очень нравилось. Очутившись за оградой, он беззвучно зашагал по застывшей земле, выдыхая клубы пара в морозный воздух. Миновал здание 29 –

генераторную, сооруженную в начале 1960-х, а теперь ржавеющую и опустелую, как и все остальное. Дальше он увидел заброшенную железнодорожную ветку и пошел по ней туда, где она упиралась в тупик у разгрузочной платформы здания 44.

Из своих поисков в Интернете Пендергаст знал, что в здании 44 размещался продовольственный склад психиатрического центра. Это небольшое сооружение было заколочено, на его окнах установлены щиты из обитой жестью фанеры, двери заперты, навесные замки скреплены продетыми в петли цепями. Через трещины изнутри не проникало ни лучика света.

Пендергаст снова огляделся, потом тихо запрыгнул на разгрузочную платформу здания в конце железнодорожных путей, взялся за ручку двери, стараясь свести к минимуму неизбежный скрип ржавого металла, медленно поднял ее и проскользнул внутрь, когда проход под дверью стал достаточным. Он подождал, прислушиваясь. Но изнутри не доносилось ни звука.

Он находился в большой разгрузочной зоне, пустой, если не считать опутанного паутиной штабеля деревянных палет в углу. В другом конце помещения с полом из потрескавшегося цемента, в дальней от Пендергаста стене виднелась открытая дверь, за которой угадывался очень слабый отблеск света. Это было похоже на ловушку, но Пендергаст с самого начала знал, что здесь его поджидает ловушка.

Ловушка специально для него; но ловушки иногда работают в обе стороны.

Пендергаст помедлил и посмотрел на часы – они показывали две минуты десятого, до истечения назначенного времени оставалось три минуты.

Он бесшумно пересек просторное складское помещение, приблизился к двери и, прикоснувшись пальцами к ручке, открыл дверь пошире. За дверью тянулся узкий коридор с распахнутыми по обе стороны дверьми. Из одной двери справа, лишь чуть-чуть приоткрытой, лился призрачный свет, слабо освещая коридор. В здании 44 стояла абсолютная тишина.

Вытащив пистолет, Пендергаст проскользнул в коридор и пошел к двери, из-за которой проникал свет. Он подождал несколько секунд, чтобы удостовериться, что никакой активности за дверью нет. Наконец он положил ладонь на ручку двери, резко толкнул ее, вошел внутрь, держа оружие перед собой, и обвел комнату взглядом.

Освещение было настолько слабым, что он видел лишь небольшую часть пространства непосредственно перед собой. То, что находилось дальше,

за рядами пустых полок, было погружено в темноту. В центре круга света стоял стол, за которым сидел на стуле человек спиной к Пендергасту. Даже со спины агент мгновенно его узнал: этот помятый костюм, мощная фигура и длинные седые волосы могли принадлежать только одному человеку – Говарду Лонгстриту. Он смотрел куда-то в чернильную темень комнаты, оперев голову на руку в позе бдительного покоя.

Пендергаст замер от удивления. Этот человек не был связан, на нем не было никаких видимых пут.

– Говард? – произнес Пендергаст почти шепотом.

Лонгстрит не ответил.

Пендергаст сделал шаг в сторону сидящей фигуры.

– Говард? – повторил он.

Лонгстрит по-прежнему молчал. Может быть, он без сознания? Пендергаст подошел к нему вплотную, положил руку на плечо Лонгстрита и осторожно встряхнул его.

Издав какой-то тихий, шипящий звук, голова человека съехала с плеч, ударилась о стол, прокатилась немного и остановилась, слегка покачиваясь. Серые глаза Лонгстрита уставились на Пендергаста в беззвучной агонии.

В это самое мгновение свет внезапно погас. И из темноты раздался торжествующий смешок.

52

С той же внезапностью, с какой наступила темнота, комнату залил яркий свет. Он высветил дальний угол, в котором сидел на деревянном стуле лейтенант д’Агоста, связанный по рукам и ногам и прикрученный к стулу. Из одежды на нем остались только трусы и жилет, нашпигованный пакетами пластичной взрывчатки, – жилет смертника. Во рту у него был кляп в виде бильярдного шара. Д’Агоста смотрел на Пендергаста горящими глазами.

– Я прибыл в течение требуемых пятидесяти пяти минут, мистер Озмиан, – сказал Пендергаст. – И все же вы убили Говарда Лонгстрита. Мы так не договаривались.

Прошло несколько мгновений. И наконец в комнату бесшумно вошел Антон Озмиан в черном камуфляжном костюме. В одной руке он держал пистолет 1911, наведенный на Пендергаста, в другой – дистанционный взрыватель.

– Положите, пожалуйста, ваше оружие на пол, агент Пендергаст, – произнес он невозмутимым тоном.

Пендергаст выполнил его указание.

– А теперь подтолкните его ко мне ногой.

Пендергаст подтолкнул.

– Снимите пиджак, повернитесь, расставьте ноги и руки и прижмитесь к стене.

Пендергаст подчинился. Он не сомневался, что ему представится шанс поменяться местами с Озмианом. Агент услышал, как Озмиан приблизился, и почувствовал холодный ствол пистолета на своем затылке. Озмиан обыскал его, нашел дополнительный магазин и несколько ножей, отмычки разных типов, удавку, два сотовых телефона, деньги, несколько пробирок и пинцетов, однозарядный «дерринджер».

– Заведите одну руку за спину, а второй обопритесь о стену.

Пендергаст подчинился и почувствовал, как пластиковый наручник сомкнулся на его запястье. Затем наручник замкнулся и на его второй руке, заведенной за спину. Озмиан отошел.

– Прекрасно, – сказал предприниматель. – Можете сесть рядом с вашим другом. И мы немного поговорим.

Пендергаст без слов сел рядом с телом Лонгстрита, которое, лишившись опоры, упало на столешницу рядом с покачивающейся головой. Д’Агоста глядел на это из своего угла широко раскрытыми, покрасневшими глазами.

Озмиан сел на стул по другую сторону стола и осмотрел основное оружие Пендергаста:

– Очень хорошо. Кстати, вскоре вы получите его назад. – Он положил пистолет и немного помолчал. – Во-первых, я вовсе не обещал сохранить жизнь обоим. Мои точные слова были: «вы больше не увидите *любого* из ваших друзей живым». Как видите, лейтенант д’Агоста все еще вполне жив… пока. И во-вторых, поздравляю: вы вычислили, что Головорез – это я. Как вы пришли к такому выводу?

– Из-за Хайтауэра. Вы хотели, чтобы наше подозрение пало на того, кто уж слишком идеально подходил для этой роли. Вот тут-то я и почувствовал руку мастера-кукловода и начал собирать кусочки пазла.

– Прекрасно. А вы догадались, почему я убивал именно этих людей?

– Может, сами скажете мне? – спросил Пендергаст.

– Я предпочту услышать это от вас.

– Хобби, которое вы предположительно оставили много лет назад, – охота на крупную дичь. Вы жаждали сильных ощущений – «самая опасная игра»[28], так сказать.

Озмиан широко улыбнулся:

– Я впечатлен.

– Одно вызывает у меня недоумение: почему ваша дочь стала первой жертвой. Впрочем, полагаю, это как-то связано с недавними трудностями, возникшими в вашей компании.

– Что ж, тут я вам помогу, так как уже поздно и игра скоро начнется. Как вы уже догадались, именно моя дочь, моя любимая, преданная дочь слила в Интернет наш код, и это чуть не погубило мою компанию.

– Насколько я понимаю, ваши отношения вовсе не были такими безмятежными, как вы изображали.

Озмиан немного помолчал, прежде чем ответить:

– Когда Грейс была маленькой, у нас были довольно близкие отношения. Пожалуй даже, мы были задушевными приятелями. Она восхищалась мною, а я в ней одной находил безоговорочную любовь. Но с началом пубертатного периода она начала ходить налево там, где нужно было идти направо. Она обладала блестящим умом, когда хотела им пользоваться, уже не говоря о том, что с самых ранних лет она великолепно разбиралась в компьютерах. Я всегда надеялся, что Грейс станет моим партнером, а со временем и заменит меня. Можете себе представить, каким ударом стало для меня ее предательство.

– И почему же она вас предала?

– Из желания идти налево, а не направо. Вы знаете, как это бывает, агент Пендергаст: дела в семье пошли наперекосяк из-за избытка денег, избытка бывших жен, избытка проблем. – Он глумливо усмехнулся. – Нет, приличия мы соблюдали, ведь куда ни сунешься – всюду наблюдение, папарацци; верно я говорю? И мы оба были в этом заинтересованы. Но случилось так, что моя дочь подсела на наркотики, стала саморазрушительной, злобной маленькой шлюшкой, которая ненавидела во мне все, кроме моих денег. А когда я перестал давать ей деньги, она использовала свои немалые навыки, чтобы проникнуть в мой компьютер, и сделала то, что могло принести мне самую сильную боль. Она попыталась уничтожить компанию, которую я создал для нее.

– И вы убили ее в приступе ярости.

– Да. Мне говорят, что у меня трудности с «управлением гневом»[29]. – Озмиан показал пальцами кавычки. – Но дело в том, что я никогда не сожалею о моих вспышках. Они весьма полезны в бизнесе.

– А когда вы остыли… я полагаю, вы задумались. О голове.

– Я вижу, вы нашли последнюю часть пазла. Тело Грейс лежало в том гараже. А я сидел в моей вычищенной квартире, попивал коньяк и думал. Если откровенно, я был потрясен тем, что сделал. Меня одолела ярость, но, когда вспышка прошла, я погрузился в депрессию. Дело было не только в Грейс – во всей моей жизни. Здесь я достиг всего, о чем когда-то мечтал. Заработал состояние. Унизил врагов. И все же я чувствовал, что не добился того, чего хотел. Мои мысли обратились к охоте на крупную дичь. Понимаете, я оставил это занятие, после того как пополнил свои трофеи черным носорогом, самцом слона и несколькими другими видами, чье существование под угрозой, хотя я, естественно, хранил это в строжайшей тайне. Но теперь, в моем нервозном состоянии, мне пришло в голову, что я поспешил распрощаться с охотой на крупную дичь. Понимаете, я ведь никогда не охотился на самую крупную дичь. На человека. И я не говорю о людях среднего уровня, заурядных кретинах. Нет, я решил, что моей «крупной дичью» станут влиятельные, богатые люди, имеющие врагов, люди, которые окружили себя несколькими барьерами охраны; умные люди, осторожные люди, которых почти невозможно сокрушить. Только не считайте меня сексистом – женщины тоже входят в их число. Я спрашиваю у вас, как у коллеги, который тоже охотится на крупную дичь: разве можно найти дичь лучше, чем Homo sapiens?

– И вы решили сделать свою дочь первым трофеем. Большая честь для нее, в самом деле. Поэтому вы отправились к ее телу и отрезали голову.

Озмиан снова кивнул:

– Вы удивляете меня своими способностями.

– Ваш выбор объектов не имел никакой связи с их порочностью. Вот почему Адейеми не укладывалась в схему. Вас привлекало то, что она, как и другие, окружила себя непробиваемой охраной. Обзавестись таким трофеем было в высшей степени соблазнительно.

– А знаете, в чем ирония? Я хотел, чтобы она стала моим последним трофеем. Но тут вы и этот ваш Лонгстрит силой прорвались в мой кабинет. И решили, что переиграли меня. Ха-ха! Я с таким удовольствием рассказывал вам о Хайтауэре. Жаль, я не видел лица старины Хайтауэра, когда вы заявились к нему с визитом. Надеюсь, вы заставили его хорошенько попотеть! Все то время, пока вы забрасывали меня своими вопросами, у меня на уме было одно: как прекрасно будет

смотреться ваша белая прекрасная голова, когда я повешу ее на мою стену трофеев.

Его смех эхом разнесся по убогому дому.

Приглушенное яростное рычание, похожее на рев раненого быка, вырвалось из груди д’Агосты. Озмиан проигнорировал его.

– После этого визита вы меня заинтриговали. И то, что я выяснил, только укрепило мое убеждение: моим главным трофеем должны стать вы, а не Адейеми. И еще я понял, каким образом лучше всего заманить вас. – Он кивком показал на тело Лонгстрита. – В своем кабинете я понял, что вас с ним связывает долгая история отношений. Узнать о вашем добром друге д’Агосте тоже не составило труда.

Он ухватил пальцами клок волос Лонгстрита и покрутил отрезанную голову.

– Я знал, что, если они оба будут в моих руках, у вас не останется иного выбора, кроме как приехать сюда и сыграть в мою игру.

Пендергаст ничего не сказал.

Озмиан подался вперед на своем стуле:

– И вы ведь знаете, в какую игру мы будем играть, да?

– Это слишком очевидно.

– Хорошо! – Озмиан помолчал. – Мы будем совершенно на равных. – Он поднял пистолет. – У нас будет одинаковое оружие – почтенный тысяча девятьсот одиннадцатый с дополнительным магазином. Вам может показаться, что вы будете иметь небольшое преимущество с вашим «лес-баером», но я владею этим оружием не хуже. Каждый из нас возьмет нож, часы, фонарь и свои мозги. Нашим местом охоты будет соседнее сооружение – здание девяносто три. Вы ведь видели по пути сюда эту заброшенную больницу?

– Видел.

– Я не даю себе никаких преимуществ. Это будет спортивная охота, в которой каждый из нас одновременно и охотник, и преследуемый. Не лиса и гончая, а два опытных охотника, выслеживающих каждый свою главную жертву. Победителем будет тот, кто упакует побежденного! – Он махнул взрывателем в сторону д’Агосты. – Лейтенант служит гарантом того, что вы будете подчиняться правилам охоты. Этот жилет смертника установлен на таймер, взрыв произойдет через два часа. Если вы убьете меня, то сможете вытащить таймер из моего кармана и выключить его. Но если вы будете мухлевать – просто сбежите или попытаетесь сообщить властям, – мне нужно будет только нажать на

кнопочку, и – бабах, д’Агоста на небесах. Взрыватель гарантирует также, что охота закончится в течение двух часов: секунды тикают, их не замедлишь, от них не спрячешься, их не обманешь. Через несколько минут я верну вам ваш пистолет и второй магазин, сниму с вас наручники, дам вам маскировочную одежду… и начальную фору. Вы пойдете в здание девяносто три. Через десять минут я пойду за вами, и охота начнется.

– Почему? – спросил Пендергаст.

– Почему? – рассмеялся Озмиан. – Разве я уже не объяснил? Я достиг всего, я стою на вершине, и я могу смотреть только сверху вниз. Это будет самым острым ощущением в моей жизни. Бесконечно острым, острее не бывает. Даже если мне суждено умереть, то я уйду, громко хлопнув дверью, без преувеличений: чтобы убить меня, нужен лучший из лучших. А если выживу, то у меня останутся воспоминания… и не важно, что принесет мне будущее.

– Я спросил не об этом. Я спросил, почему вы выбрали здание девяносто три.

Озмиан слегка опешил:

– Вы, наверное, шутите? Здание идеально подходит для подобной охоты. Там более четырехсот тысяч квадратных футов, огромная беспорядочная руина в десять этажей, разделенных на многочисленные крылья, мили коридоров и более двух тысяч комнат! Вообразите, какие возможности для ловушек, засад, обманок! И мы очень далеко от какого-либо охотника совать нос в чужие дела, который может услышать выстрелы и вызвать копов.

Пендергаст смотрел на Озмиана, прищурившись, и ничего не говорил.

– Я вижу, вас это не удовлетворяет. Хорошо. Есть и вторая причина. – Озмиан еще раз крутанул голову Лонгстрита на столешнице. – Мне шел тринадцатый год, когда наш горячо любимый отец Ансельм запер меня в ризнице и многократно изнасиловал. При этом он повторял, что Господь и Иисус смотрят и не возражают, и угрожал мне адом и еще чем похуже, если я проболтаюсь. У меня случился психический срыв. Я перестал разговаривать, перестал думать, перестал всё. Моя семья, не зная о том, что случилось, решила, что я сошел с ума. Мне поставили диагноз: кататоническая шизофрения. «Кингс-Парк» в то время обладал блестящей репутацией, это была единственная в стране больница, где меня обещали вылечить. Да, агент Пендергаст, я стал пациентом главного комплекса больницы. Одним из последних пациентов, как получается. И здесь я действительно выздоровел. Не потому, что они меня вылечили, а благодаря моим собственным внутренним ресурсам.

– «Кингс-Парк» был известен своей электрошоковой терапией.

– Это верно, и именно поэтому его в конце концов закрыли. Но шоковая терапия – да и всякие штуки похуже! – предназначалась для слюнявых дебилов, невменяемых и жалких неудачников. К счастью, я избежал такой судьбы.

– И как я понял, вылечили сами себя.

– Ваш саркастический тон неприятен, но да, я сам себя вылечил. В один прекрасный день я понял, что мне нужно сделать нечто важное – отомстить. Возможно, месть – самая сильная из человеческих мотиваций. И тогда я взял себя в руки, стряхнул с себя пыль и убедил доверчивых и легко поддающихся на манипуляции докторов, что они меня вылечили. Я начал жить заново. Я продолжал взрослеть, поступил в колледж и наконец сделал то, что давно хотел сделать, – наказал отца Ансельма. Смерть стала бы для него освобождением, а моя цель состояла в том, чтобы он остаток жизни провел в мучениях и горестях. Потом я поступил в Стэнфорд, закончил его с отличием, основал «ДиджиФлад», заработал миллиарды долларов, трахал красивых женщин, жил в невероятной роскоши и преимуществах… короче говоря, делал все то, что делают по-настоящему талантливые люди вроде меня.

– Вот уж действительно, – сухо заметил Пендергаст.

– Во всяком случае, возвращаясь к вашему вопросу, вскоре после моей выписки «Кингс-Парк» прекратил существование, его закрыли и оставили гнить.

– Символично, что эта больница станет для вас местом последней охоты.

– Я вижу, вы уже проникаетесь азартом. Вы наверняка понимаете, что подобный опыт позволит мне закольцевать мое бытие в этом мире. Конечно, тогда я почти ничего не знал в этом здании – только палату, в которой меня держали и мучили лекарствами, и врачебный кабинет, где я врал с три короба моему доктору, а он всему верил и подробно записывал. В сущности, я так же незнаком с этим зданием, как и вы, – у меня там не будет преимущества.

Озмиан положил на стол «лес-баер» и запасной магазин к нему, а взрыватель спрятал у себя в кармане. Затем он выложил на стол часы, фонарик и нож с фиксированным лезвием:

– Ваше снаряжение. – Он встал. – Итак, агент Пендергаст, начнем?

53

Ночь стояла холодная, без малейшего намека на ветерок, над башнями здания 93 только что поднялась полная луна, заливая все вокруг

мертвенно-бледным светом. Облаченный в камуфляж и мягкие туфли, навязанные ему Озмианом, агент Пендергаст помедлил за дверью здания 44. Здание 93 находилось ярдах в ста – огромный черный клин на освещенном луной небе, окруженный покосившейся сеточной оградой. Между Пендергастом и оградой находилось открытое пространство, поросшее низкой травкой и местами припорошенное хрустким снегом. Картину дополняло несколько мертвых деревьев и трухлявых пней. Справа торчал холмик, покрытый низкорослым кустарником.

Увидеть Лонгстрита, так зверски обезглавленного; увидеть д'Агосту, избитого и скрученного, как свинья на убой; понять, как жестоко обманул его Озмиан, – ужас всего случившегося давил на Пендергаста, грозил смутить его разум, ошеломить его горем, яростью, угрызениями совести. Специальный агент сделал глубокий вдох, закрыл глаза и сосредоточился, прогоняя от себя то, что могло его отвлечь. Прошла минута, драгоценная минута, но он знал, что если не возьмет себя в руки и не вернет ясность мысли, то наверняка проиграет.

Шестьдесят секунд спустя он открыл глаза. Ночь оставалась холодной и тихой, лунный свет – прозрачным, как вода. Пендергаст начал обдумывать разные возможности, мысленно проверяя траектории потенциальных действий, определяя, какой из вариантов стоит рассматривать дальше, а какой отбросить.

Он пришел к выводу, что ни к чему сразу бежать к зданию 93, гораздо разумнее немедленно начать наступательные действия. Нужно нанести удар Озмиану, как только тот выйдет из здания 44. Двигаясь с кошачьей быстротой по застывшей земле и стараясь не оставлять следов, Пендергаст обошел здание и провел быструю разведку. Здание 44 представляло собой двухэтажное кирпичное сооружение, пришедшее в упадок, но все еще достаточно прочное, с крутой крышей. Окна обоих этажей были заколочены фанерой, покрытой жестью, причем настолько плотно, что изнутри не проникало ни малейшего света. Ни через одно из этих окон Озмиан выйти не сможет.

Огибая здание сзади, Пендергаст заметил дверь. Он осторожно дотронулся до ручки и обнаружил, что дверь заперта, потом провел пальцем по выступающим петлям и поднес палец к носу. Свежее масло. Дальнейший осмотр показал, что петли были недавно очищены.

Завершив разведку, Пендергаст понял, что из здания 44 есть только два выхода – спереди и сзади. Крутизна крыши не позволяла спуститься по ней, к тому же на крыше Озмиан был бы слишком уязвим. Это была идеальная возможность для засады.

Возможно, слишком идеальная; здесь попахивало подставой. Поразмыслив еще немного, Пендергаст пришел к твердому убеждению,

что это действительно подстава. Озмиан с самого начала рассчитывал, что противник останется у здания и попытается сразу же атаковать.

Но подстава или нет, даже если он засядет наудачу у одного из выходов, его шансы застать Озмиана врасплох – пятьдесят процентов. Разгадав стратегию Озмиана, он сможет повысить свои шансы.

Пендергаст попытался понять логику противника. Поскольку Озмиан заранее приготовил заднюю дверь, он предполагал выйти через нее, пока Пендергаст будет подстерегать его у передней двери. Если следовать такой логике, то Пендергаст должен ждать в засаде у задней двери.

Но логика, какой бы сложной они ни была, могла оказаться слишком простой. Если Озмиан по-настоящему умен, то он наверняка предвидел, что Пендергаст найдет заднюю дверь, обнаружит свежесмазанные петли и будет ждать противника здесь.

А значит, Озмиан должен выйти через переднюю дверь. Типичный случай двойной реверсивной психологии. Эта смазанная задняя дверь, так тщательно подготовленная, была отвлекающим маневром, ловушкой, созданной для того, чтобы Пендергаст устроил засаду именно здесь.

От его форы оставалось четыре минуты.

Пендергаст вернулся к передней части здания, убежденный теперь в том, что именно отсюда появится Озмиан. Оглядев застывший ландшафт, он увидел великолепное место для укрытия – мертвый дуб, скрытый в длинных тенях, протянувшихся от здания 93. Пендергаст подбежал к дереву, подпрыгнул, чтобы ухватиться за нижнюю ветку, подтянулся, забрался на ветку повыше и присел на корточки, прячась за стволом. Он достал свой пистолет, холодная тяжесть которого придавала ему уверенности. Устроившись поудобнее, Пендергаст взял под прицел переднюю загрузочную платформу.

Осталось тридцать секунд.

Но тут у него снова появилось дурное предчувствие. Не усложняет ли он ситуацию, не переоценивает ли Озмиана? Возможно, его противник действительно собирается просто-напросто выйти через заднюю дверь. Если так, то Пендергаст не только упустит свой шанс, но и будет чрезвычайно уязвим в своей позиции на ветке дерева, особенно если Озмиан планирует выйти через заднюю дверь и стрелять в него с покрытого кустарником холмика.

Десять секунд.

Хорошо ли, плохо ли, но Пендергаст сделал выбор. Направив пистолет на металлическую подъемную дверь, прижавшись плечом к стволу дерева, он ждал, затаив дыхание.

54

Винсент д’Агоста, связанный, с кляпом во рту, смотрел на Озмиана, спокойно сидевшего на стуле напротив него. Этот человек, такой непоседливый и беспокойный перед появлением Пендергаста, теперь пребывал в абсолютном спокойствии, выпрямившись на старом деревянном стуле, закрыв глаза и положив руки на колени. Казалось, он медитировал.

Д’Агоста обвел взглядом большое, необогреваемое пространство. Здесь стоял такой холод, что кровь, вытекшая из головы Лонгстрита и собравшаяся в лужу на металлическом столе, уже застыла. Резкий флуоресцентный свет исходил от трех точечных светильников с дистанционным управлением в углах комнаты.

Его мысли снова заметались. Он яростно ругал себя последними словами за глупую доверчивость: не только за то, что попался в эту ловушку, но и за то, что злился на Пендергаста и отказывался попытаться посмотреть на вещи его глазами. Лонгстрит уже мертв, и это была ужасная, мучительная смерть. А теперь из-за его глупости может погибнуть и Пендергаст.

Но сильнее всего в нем пылала ненависть к Озмиану и жажда мести. Однако, взвешивая все свои возможности, всё, что он мог бы сделать, чтобы кардинально изменить ситуацию, д’Агоста понимал, что абсолютно беспомощен. Теперь все было в руках Пендергаста. Озмиан не уйдет от мести. Он недооценил Пендергаста, как недооценивали его многие в прошлом, о чем впоследствии горько сожалели. И что тут думать? Пендергаст не может быть убит – сама эта мысль представлялась нелепой. Все скоро закончится. Д’Агоста повторял про себя эти слова, как мантру: «Все скоро закончится».

Прошло несколько долгих минут, и наконец Озмиан пошевелился. Он открыл глаза, встал и с наслаждением потянулся. Подошел к столу, на котором лежало его оружие, проверил фонарик, положил его в карман, засунул нож за ремень, проверил пистолет, убедился, что патрон в патроннике, спрятал оружие за пояс. Дополнительный магазин отправился во второй карман.

Наконец Озмиан посмотрел на д’Агосту. Его лицо выражало энтузиазм и сосредоточенность. Д’Агосту эта спокойная самоуверенность испугала.

– Давайте сыграем с вами в маленькую игру, – сказал Озмиан. – Посмотрим, смогу ли я за пять минут до начала моей охоты предсказать

шаги вашего приятеля. – Он сделал шаг, потом еще один, ведя рукой по краю металлической столешницы. – Согласны?

Странная улыбка заиграла у него на губах. Д’Агоста, разумеется, не мог ответить, даже если бы захотел.

– Прежде всего, ваш напарник не побежит по прямой к зданию девяносто три. Он не из тех, кто убегает.

Он еще раз обошел стол, размышляя на ходу.

– Нет… Он решит атаковать сразу же. Он решит подстеречь меня, как только я выйду из здания.

Озмиан еще раз прогулялся вокруг стола. Он явно был доволен собой, и д’Агоста представил, какое удовольствие получит этот ублюдок, когда пуля калибра.45 из пистолета Пендергаста вышибет ему мозги. Его ждет такой сюрприз, каких он еще не знал в жизни.

– Итак, ваш напарник обходит здание. И надо же, сзади обнаруживается еще одна дверь. Он видит, что петли недавно были очищены и смазаны.

Он помолчал. Д’Агоста смотрел на него полными ненависти глазами.

– Естественно, он приходит к выводу, что я потихоньку приготовил эту заднюю дверь, чтобы через нее выйти из дома. Он решает устроить там засаду и уложить меня, как только я появлюсь из дверей.

Этот негодяй наслаждался звуками собственного голоса!

– Что скажете, лейтенант? Вы следите за ходом моей мысли? – Озмиан задумчиво приложил палец к подбородку. – Но знаете что? Я не думаю, что он ждет меня у задней двери. И знаете почему?

Он возобновил свое медленное хождение кругами.

– Будучи человеком умным и зная, как умен я, ваш друг копнет глубже. Он решит, что смазанные петли – обманка. Он решит, что я их смазал, чтобы навести его на ложную мысль, будто я собираюсь выходить через эту дверь.

Он сделал еще несколько задумчивых шагов.

– И что же он тогда делает? Он устраивает засаду у передней двери!

Тихий смешок.

– Итак, он сделал ставку на переднюю дверь. Но какую ему занять позицию, чтобы иметь преимущество? Как известно каждому охотнику, большая дичь обычно не ждет нападения сверху. На оленя, например, лучше всего охотиться с лабаза на дереве.

Медленные шаги.

– Люди похожи на оленей. Они не дают себе труда поднять голову. И вот агент Пендергаст забирается на этот большой мертвый дуб перед домом, прекрасно расположенный и в глубокой тени. Я предсказываю, что, пока я тут говорю, он сидит на том дереве, направив пистолет на разгрузочную дверь, и ждет моего появления.

Д'Агоста подумал, что никакая логика, даже самая изощренная, не спасет задницу этого сукина сына. Пендергаст на всех поворотах будет впереди. Этот тип не продержится и пяти минут.

– А значит, мой ход будет таким: я выйду из дома через заднюю дверь, обойду поросший кустарником холм справа и пристрелю вашего приятеля, сидящего на дереве.

Безрадостная улыбка.

– Если мои рассуждения верны, то ваш напарник будет мертв через… – Озмиан посмотрел на часы, – две минуты и двадцать секунд.

Он остановился и оперся на стол, нависнув над отрезанной головой и застывшей лужи крови.

– Буду благодарен Господу, если ошибаюсь. Надеюсь, ваш приятель умнее. Если моя охота закончится преждевременно, это будет чистое разочарование.

Он повернулся, похлопал себя по карманам, проверил все в последний раз, потом сделал короткий поклон.

– А теперь я ухожу… через заднюю дверь. Если вы услышите выстрелы оттуда, то будете знать, что он застал меня врасплох. Если же, наоборот, вы услышите выстрелы спереди, то поймете, что осуществился мой сценарий.

С этими словами он развернулся и исчез в коридоре, направляясь к задней двери.

Д'Агоста посмотрел на часы, оставленные Озмианом на столе. Десятиминутный период ожидания закончился. Он ждал, что вот-вот раздадутся выстрелы, и, конечно же, сзади, где Пендергаст встречает Озмиана, сидя в засаде. Но ничего такого не произошло. Тянулись минуты, и наконец тишину разорвали два выстрела – спереди.

55

Пендергаст бежал по мерзлой земле, остро осознавая свою первую ошибку, которая чуть не стоила ему жизни. Когда по истечении десятиминутной форы передняя дверь не открылась, он тут же понял,

что его логика была ущербной, и, зная, что может стать легкой мишенью, спрыгнул с дерева в тот самый миг, когда с холмика прозвучали два выстрела – пули вонзились в ствол в том самом месте, где он только что сидел.

Пролетая мимо нижней ветки, он ухватился за нее, качнулся изо всех сил и приземлился уже на бегу. Оглянувшись, он увидел, что Озмиан выбежал из кустов и помчался следом за ним, держа пистолет в руке. Пендергаст не только совершил ошибку, но и потерял драгоценные десять минут форы, которые позволили бы ему выбрать вход в здание 93. Озмиан явно заранее рассчитал, какой логикой будет руководствоваться Пендергаст, и переиграл его.

Пендергаст понесся к восточной стороне здания 93, где вроде бы имелся разрыв в сетке ограждения. Он увидел, что западное крыло частично выгорело; разводы сажи от пожара ползли по стене из черного окна, а по фасаду шла массивная трещина до самого верхнего этажа, словно в гигантском доме Ашеров[30]. Пока он бежал, расстроенный и униженный тем, что недооценил своего противника, его мозг работал, заново взвешивая имеющиеся возможности. Единственный плюс ситуации состоял в том, что его противник израсходовал два патрона: теперь у Озмиана оставалось пятнадцать против его семнадцати.

В конце игры – если он доживет до нее – преимущество в два патрона может стать решающим.

Сеточное ограждение приближалось, и Пендергаст, пробежав вдоль него до прорыва, нырнул в дыру; выпрямившись, он бросился в плотные заросли кустарника, перебрался через груду упавших кирпичей и, молниеносно приняв решение, прыгнул в открытое окно здания. Он перекатился, вскочил на ноги и побежал дальше, направляясь в самую темень. Включив фонарик на одно короткое мгновение, Пендергаст сделал поворот, потом другой и еще один; за третьим поворотом коридора он остановился и присел – отсюда ему открывалось поле обстрела коридора, по которому он пробежал. Мгновение спустя он услышал тихие быстрые шаги, увидел мерцание приближающегося фонарика за углом. Как только фонарик появился, Пендергаст выстрелил. Это был длинный выстрел, и Пендергаст промахнулся, но его попытка произвела желаемый эффект: Озмиан нырнул назад за угол. Пендергаст остановил погоню и дал себе минуту-другую передышки.

Он снял ботинки и, отшвырнув их в сторону, побежал по коридору в носках, сделал крутой поворот вместе с коридором и вдруг оказался в большой открытой комнате, слабо освещенной лунным светом.

Быстро переместившись к центру, Пендергаст распластался за потрескавшейся бетонной колонной, из-за которой мог стрелять

практически в любых направлениях. Он замер, вдыхая пахнущий плесенью, кислый воздух. У него было несколько мгновений, чтобы осмотреться. Если Озмиан появится здесь из той же арки, что и он, то у него будет отличная позиция и он не промахнется. Однако Озмиан вряд ли станет так рисковать. Этот человек сменил тактику преследования на тактику выслеживания.

Света, проникавшего через разбитое окно, хватало Пендергасту, чтобы разглядеть общие очертания комнаты. Это была столовая, на покоробленном линолеуме стояли столы в окружении беспорядочно разбросанных стульев. Некоторые столы были еще накрыты, словно в ожидании, когда за них усядутся мертвецы. На полу валялись дешевые тарелки, пластиковые стаканчики и блюда. Разбитые окна впускали внутрь не только лучи бледного света, но и вьющиеся растения, которые пробирались сюда и, цепляясь за стену, ползли наверх. В воздухе стоял запах крысиной мочи, влажного бетона и плесени.

Продолжая разглядывать помещение в тусклом свете луны, Пендергаст увидел, что многочисленные слои краски, некогда покрывавшей потолок и стены, растрескались и отслоились и сыплются на пол, как конфетти. Кусочки краски смешались с пылью, обломками и мусором и образовали толстый слой, на котором идеально сохранялись любые следы. Это было похоже на снег: никто не может пройти по нему, не оставив следов, а способов замести или как-то скрыть их не существует. Осматривая пол, Пендергаст заметил повсюду множество следов, оставленных городскими археологами и так называемыми «ползунами», любителями обследовать опасные заброшенные здания.

Он принял мгновенное решение: занять господствующую высоту, поднявшись по лестнице. Озмиан, несомненно, предвидел это – у него в запасе еще много разных ловушек. Но сейчас прежде всего нужно было получить физическое преимущество, а это означало подниматься вверх. Придется двигаться быстро, стараясь увеличить расстояние между ним и преследователем. И тогда в какой-то момент Пендергаст сможет развернуть ситуацию, сделать круг и, если повезет, выйти на противника сзади, самому стать преследователем.

Все эти мысли промелькнули в его голове менее чем за десять секунд.

В подобных строениях должно быть множество лестниц – как в середине здания, так и в боковых крыльях. Пендергаст выскользнул из-за колонны, пересек столовую и, убедившись, что коридор пуст, направился по нему в восточную часть больницы. Он бежал по темному коридору и слышал, как похрустывает у него под ногами отшелушившаяся краска. В конце коридора, за двойной дверью, одна половинка которой оторвалась и стояла у стены, обнаружилась лестница, как и рассчитывал Пендергаст. Он почти надеялся услышать

шаги своего преследователя, но даже его острый слух ничего не различал. Тем не менее не приходилось сомневаться, что по его следам идут, и не кто-нибудь, а опытный охотник, поэтому он схватился за металлические перила и побежал через ступеньку наверх, в дурно пахнущую, холодную, непроницаемую темноту.

56

Озмиан ждал в темноте у основания лестницы, прислушиваясь к удаляющимся шагам своей добычи, считая каждый шаг. По-видимому, Пендергаст бежал через ступеньку, потому что между звуком шагов задержка была больше обычной; он явно направлялся к «высокому месту» – мудрое, хотя и предсказуемое решение.

Когда Озмиан спустя много лет снова вошел в здание 93, он испытал удивительно сильную эмоциональную реакцию. Конечно, память о тех временах притупилась и почти исчезла, но, когда он увидел старую столовую, почувствовал ее прежний запах, сохранившийся под многими другими, это разбудило в нем неожиданный поток воспоминаний из того жуткого периода в его жизни. Поток был такой мощный (садисты-санитары, буйнопомешанные коллеги-пациенты, лгущие, улыбающиеся психиатры), что он остановился – прошлое самым жутким образом вторглось в настоящее. Но только на мгновение. Неимоверным усилием воли он прогнал свои воспоминания назад в бункер памяти и снова сосредоточился на преследовании. Этот опыт принес ему неожиданное прозрение. Он понял, что выбрал это место для своеобразного очищения, как способ раз и навсегда изгнать призраков того периода его жизни.

Продолжая прислушиваться и считать удаляющиеся шаги, Озмиан привел в порядок свои мысли. Пока что он был слегка разочарован самой охотой и отсутствием должной сообразительности у добычи. С другой стороны, та ловкость, с какой Пендергаст спрыгнул с дерева практически в тот момент, когда Озмиан выстрелил, произвела довольно сильное впечатление, хотя и неприятно было обнаружить его в таком предсказуемом месте.

Озмиан чувствовал, что у этого человека есть еще неиспользованные ресурсы, и эта мысль его возбуждала. Несомненно, Пендергаст был достаточно хорош, чтобы обеспечить ему приличную, может быть, даже эпическую охоту, которая оправдает его затраты и усилия.

Шаги, и без того тихие, смолкли окончательно – добыча вышла на этаж. Озмиан не знал, на какой именно, пока не сосчитал ступеньки между первым и вторым этажами и не сделал быстрый подсчет в уме.

Он тоже начал подниматься, проворно и бесшумно, но не слишком быстро. Добравшись до второго этажа, он сумел подсчитать, что его

добыча, прыгая через ступеньку, покинула лестницу на девятом этаже. Верхний этаж был бы очевиднее, но девятый разумнее, поскольку давал его добыче дополнительные пути к отступлению. Озмиан продолжал подниматься, понимая, что никогда еще так остро, как сейчас, не ощущал нервный трепет погони. Это было какое-то атавистическое наслаждение, которое может оценить только охотник, нечто встроенное в геном человека: любовь к выслеживанию, преследованию и убийству.

К убийству. Озмиан почувствовал дрожь предвкушения. Он вспомнил свою первую охоту на крупную дичь. Это был лев, большой самец с черной гривой, которого он ранил неточным выстрелом. Лев убежал, и, поскольку Озмиан ранил зверя, на него была возложена обязанность найти и убить подранка. Они последовали за львом в слоновую траву, его оруженосец нервничал все сильнее, в любую секунду ожидая прыжка. Но лев не атаковал, и следы вывели их в еще более неблагоприятную местность, поросшую густым кустарником. Оруженосец отказался идти дальше, и тогда Озмиан сам взял ружье и отправился в густые мопановые заросли. Близость зверя вызвала у него безошибочно узнаваемую дрожь, и он опустился на колени, держа ружье наготове. Лев прыгнул на него, как скорый поезд, и Озмиан успел сделать всего один выстрел – пуля попала льву в левый глаз и вырвала затылочную кость в тот самый момент, когда лев приземлился на него всеми своими пятьюстами пятьюдесятью фунтами мышц. Озмиан помнил это ощущение экстаза от убийства, хотя и лежал распластанный, со сломанной рукой: от льва несло горячей вонью, в его шкуре гнездились жуки и мухи, его кровь заливала тело Озмиана.

Но это ощущение возвращалось к нему все реже и реже, пока он не начал охотиться на людей. И оставалось только надеяться, что убийство его нынешней добычи не будет слишком легким.

На восьмом этаже он на мгновение включил фонарик и осмотрел ступени лестницы, с удовлетворением отметив, что Пендергаст оставил здесь свой след. На девятом этаже новый беглый осмотр подтвердил его предположение: добыча ушла с лестницы и по длинному коридору направилась в восточное крыло.

Он помедлил на площадке, переводя дыхание и прислушиваясь. Здесь, наверху, дул холодный ветер, стонал в здании, добавляя звуковой слой, перекрывающий более слабые шумы движения. Озмиан осторожно подошел к краю разбитого прохода, ведущего в коридор, где на ржавых петлях криво висела стальная дверь, и заглянул в щель между дверью и косяком, через которую открывался вид на коридор. Главная дверь отделения, в котором лежали больные, склонные к побегу, прежде блокировала это крыло, и пациенты по ночам оказывались заключенными. Городские исследователи давно сорвали эту дверь, и теперь она лежала на полу. Слабый лунный свет проникал в коридор,

позволяя получить общее представление о том, что там находится. Коридор тянулся до самого конца восточного крыла и заканчивался окном, причудливо обрамлявшим похожее на коготь засохшее растение в горшке. Словно белая машущая рука, трепыхалась на ветру полусгнившая тряпка занавески. Двери открывались в обе стороны, за ними располагались крохотные запирающиеся палаты, которые Озмиан помнил очень отчетливо; на самом деле они мало чем отличались от тюремных камер, в каждой был свой клозет и ванная. Он помнил, что его собственная камера, так же как эти, была обита мягким материалом, на котором остались грязь, сопли и слезы предыдущих обитателей.

Озмиан быстро подавил новую вспышку воспоминаний.

Осторожно и беззвучно – на случай, если его добыча устроила новую засаду, – Озмиан скользнул в тень и медленно двинулся по темной стороне коридора, спиной к стене. Он позволил себе на миг включить фонарик, направив его луч на пол, и снова заметил среди прочих следов свежие следы своей добычи, ведущие в дальний конец крыла. Пендергаст избавился от обуви, и Озмиан тоже сбросил ботинки, чтобы производить меньше шума при движении.

С пистолетом в руке он продолжил поиск. В конце коридора следы Пендергаста привели к одной из палат. И дверь палаты была закрыта. Примечательно, что он сумел это сделать, не производя ни малейшего звука.

Интересно. Пендергаст не сделал ничего, чтобы как-то скрыть свои следы, хотя и знал, что Озмиан идет за ним по пятам. Это означало, что у Пендергаста есть план, скорее всего, еще одна засада, в которую он надеется заманить Озмиана. Но что это за засада? Вероятно, одна из тех засад, которые даже в случае их провала могут превратить преследователя в преследуемого.

Озмиан замер у закрытой двери, потом сделал шаг назад. Дверь из металла могла выдержать даже самый безумный натиск, хотя петли проржавели и сломались, а шурупы выпали из металлического покрытия. Но он знал, что изнутри эти двери не закрываются – только снаружи.

Стоя в стороне от линии огня, Озмиан взялся за ручку и повернул ее, готовый к тому, что изнутри последует шквальный огонь.

Ничего. Он толкнул дверь, продолжая держаться сбоку от косяка, а потом стремительно ворвался внутрь, готовый стрелять, и мгновенно охватил взглядом маленькое помещение. Палата оказалась пуста, если не считать кровати и матраса, сортира и драного плюшевого мишки на полу. Оконная рама отсутствовала, остался пустой проем, через который

проникал лунный свет вместе с ледяным ветром, а мрачный ландшафт внизу уходил вдаль, к водам пролива Лонг-Айленд.

Осмотрев пол, Озмиан увидел, что следы Пендергаста ведут в ванную. Дверь туда была закрыта, но, конечно, не заперта.

Его палата была точно такой же. В ванной имелось окно, но слишком маленькое – не пролезешь. Если Пендергаст вошел туда, то он в ловушке. Озмиан снова проверил пол. Следы отчетливо вели в ванную, а обратных следов не было.

Озмиан улыбнулся и поднял пистолет.

57

Ледяной ветер выл и свистел за углом здания, пока Пендергаст стоял на наружном выступе, в десяти этажах от земли. Кирпичный карниз и четырехдюймовые каменные перемычки давали ненадежную опору для ног. Держа пистолет в правой руке стволом вниз, Пендергаст ждал того момента, когда Озмиан, убедившись, что его добыча не прячется в ванной, высунет голову, чтобы проверить, не ушел ли противник этим путем.

Пендергаст постарался придать обману максимальное правдоподобие. Он и в самом деле вышел из комнаты через окно, но сначала прыгнул из ванной на раму кровати, в прыжке успев закрыть дверь одной рукой, а с кровати перебрался на наружный подоконник, чтобы не оставлять следов. Сначала он устроился на подоконнике, надеясь, что Озмиан будет искать его именно там. Но потом по декоративной кладке перебрался на десятый этаж, заняв там неожиданно выигрышную позицию. Озмиан будет исходить из того, что Пендергаст ждет его на наружном выступе справа или слева от окна на девятом этаже, но никак не выше. По крайней мере, специальный агент надеялся на это. Его противник заподозрит засаду… но не в том направлении. Все еще размышляя над этим планом, Пендергаст не мог не признать, что до сих пор Озмиан переигрывал его в области обычной, двойной и дважды двойной реверсивной психологии.

Он ждал. И ждал. Но Озмиан все не появлялся.

Стоя на выступе под обжигающими порывами ветра, Пендергаст вдруг понял, что совершил еще одну логическую ошибку. Реакция Озмиана опять оказалась не такой, как предполагал Пендергаст. Либо его снова перехитрили, либо Озмиан проводит какую-то собственную стратегию. Пожалуй, впервые в жизни Пендергаст почувствовал себя загнанным в угол. Ничто из того, что он делал до сих пор, не срабатывало. Это было как в ночном кошмаре: сколько ни стараешься, идти быстрее не получается, потому что ноги не слушаются. А теперь, стоя на этом

кирпичном выступе, он сделал себя идеальной мишенью. Нужно было как можно скорее вернуться внутрь здания.

Пробираясь по выступу, он продолжал размышлять. Любой охотник знает, что ключ к успешной охоте состоит в понимании поведения и моделей мышления намеченной жертвы. Нужно понять свою добычу, как говорил ему когда-то его наставник. В данном случае Пендергаст должен был понять Озмиана: как он думает, чего хочет, что его мотивирует. И он сделал удивительное открытие, которое, возможно, позволит ему в конечном счете одержать победу, если Озмиан поведет себя так, как надеялся Пендергаст.

Он добрался по выступу к выбитому окну на десятом этаже, остановился и быстро заглянул внутрь: еще одна похожая на камеру палата с мягкими стенами, залитая лунным светом и пустая, если не считать голой кровати и стула. Легко, как кошка, Пендергаст спрыгнул с подоконника на пол и снова присел, обводя комнату пистолетом. Пусто. Он подошел к двери и попытался повернуть ручку.

Дверь была заперта – снаружи.

Это была именно та ситуация, какую он предвидел, и Пендергаст резко повернулся, чтобы перекрыть дверь в ванную, но опоздал. Озмиан появился оттуда с поразительной быстротой и ловкостью, и Пендергаст почувствовал, как холодный ствол пистолета Озмиана прижался к его уху, свободной же рукой противник ухватил его за запястье и резко вывернул, выбивая «лес-баер» из его хватки. Пистолет с металлическим лязгом упал на пол.

Наступил момент истины.

После долгой, мучительной тишины Пендергаст услышал вздох.

– Восемнадцать минут? – раздался голос Озмиана. – Это все, на что вы способны?

Он отпустил запястье своей добычи и отступил на два шага назад:

– Повернитесь. Медленно.

Пендергаст подчинился.

– Эти обманные следы, ведущие в ванную. Неплохо. Я чуть было не потратил пару патронов – хотел стрелять в дверь. Но потом понял, что это было бы слишком просто; конечно, вы ушли другим путем – через окно. Вы ждали на выступе. Это было ясно. Но затем мне пришло в голову, что вы не стали бы ждать на выступе в очевидном месте – справа или слева от окна. Нет, вы бы добавили для вящей убедительности еще один обман, забравшись на следующий этаж! И вот, пока вы

карабкались дюйм за дюймом по фасаду, я неторопливо поднялся по лестнице, вычислил палату, в которой вы должны были оказаться, и устроил засаду. Не забывайте: это же психиатрическая больница, тут пациентов запирали в палатах, а не наоборот. Как удачно для меня, что вы упустили из виду эту маленькую деталь.

Пендергаст ничего не ответил. Озмиан не сумел противостоять желанию позлорадствовать, поиграть с ним. И это заставило специального агента поверить в то, что его рискованная догадка верна: если Озмиан одержит победу над своей жертвой уже на начальной стадии игры, то он даст ей второй шанс. Слишком большое значение имела для него эта охота, чтобы он закончил ее так быстро. Но дело было не только в этом: то, что Озмиан решил не убивать его прямо сейчас, говорило Пендергасту нечто очень важное о той власти, которую это место имеет над Озмианом, и позволяло глубоко проникнуть в его душу.

– Я рассчитывал найти в вас более сильного противника, Пендергаст. Какое разочарование!

Озмиан прицелился ему в голову, и, когда Пендергаст увидел, как палец Озмиана все сильнее надавливает на спусковой крючок, он вдруг понял, что ошибся: Озмиан не собирался давать ему второй шанс. Когда он закрыл глаза, готовясь к громкому хлопку выстрела и последующему небытию, в его сознании совершенно неожиданно возник знакомый образ – лицо Констанс – прямо перед обжигающим взрывом выстрела.

58

Марсден Своуп озирался вокруг с неким страстным, великодушным благоволением, ощущая почти родительскую любовь к этой гудящей, скандирующей, распевающей толпе, собравшейся вокруг него.

Он не мог не чувствовать легкое разочарование из-за того, что количество верующих на Большом лугу оказалось не так уж велико – в темноте было трудно подсчитать, сколько их пришло, но определенно здесь не собрались те бессчетные тысячи, на которые он надеялся. Вероятно, этого и следовало ожидать. Многие отсеялись по пути, как тот богатый юноша, что хотел последовать за Иисусом, но ушел опечаленный, когда Иисус сказал ему, что сначала тот должен расстаться со всем, чем владеет.

Имелась и еще одна проблема. Груда росла так быстро и в нее кидали столько негорючих вещей, что она погасила огонь, который должен был пожрать ее. Запас керосина у Своупа кончился, и массивная горка только чадила, выдавая колечки вонючего черного дыма. Своуп послал одного из своих учеников – нет, не учеников, а собратьев – за керосином и надеялся, что тот вернется с минуты на минуту.

Толпа вокруг него чуть покачивалась из стороны в сторону, тихими серьезными голосами распевая «Мир в долине»[31]. Своуп с радостным сердцем присоединился к ним.

Что его по-настоящему удивляло, так это отсутствие полиции. Да, первоначальный костер погас, но все равно толпа такого размера, собравшаяся вечером на Большом лугу без согласования с властями, должна была привлечь внимание правоохранителей. Тем не менее ни одного полицейского пока так и не появилось. Странно, но для Своупа это стало разочарованием, потому что в его планы входило оказать сопротивление властям штата и пресечь – если потребуется, то и ценой собственной жизни – их попытки погасить костер. Какая-то его часть, как и его герой Савонарола, стремилась к мученичеству.

Справа от него возникло какое-то волнение, и из толпы выбралась женщина лет тридцати пяти, привлекательная, одетая в простую пуховую куртку и джинсы. В одной руке она держала что-то сверкающее, как золото. Женщина подняла предмет повыше, словно собираясь швырнуть его в общую груду, потом повернулась к Своупу:

– Вы и есть тот самый Страстный Паломник?

В последние девяносто минут люди подходили к нему пожать руку, обнять, со слезами на глазах поблагодарить за его идею. Это стало для него трогательным опытом.

Своуп торжественно кивнул:

– Да, я тот самый Паломник.

Женщина уставилась на него с благоговейным трепетом и протянула руку для рукопожатия. При этом она раскрыла ладонь, и оказалось, что у нее в руке не какая-то золотая безделушка, а полицейский жетон. В тот же момент она другой рукой схватила Своупа за запястье, и он ощутил на нем холодную сталь.

– Капитан Хейворд, нью-йоркская полиция. Ты арестован, говнюк.

– Что такое?..

Но эта женщина, не казавшаяся ни особо сильной, ни особо быстрой, внезапно обхватила его каким-то боевыми приемом, развернула, завела руки за спину и надела наручник на другое запястье. Все это произошло за считаные секунды.

Неожиданно на Большом лугу вспыхнул яркий свет. Лампы большой мощности, спрятанные в деревьях по периметру, включились и осветили костер. И целая армия специальных машин – патрульных полицейских, фургонов со спецназом, пожарных – покатила по траве в сторону

собравшихся, мигая проблесковыми огнями и завывая сиренами. Другие полицейские в защитном снаряжении прибежали на своих двоих, переговариваясь по рации.

Братья и сестры Своупа, ошеломленные этим неожиданным налетом, дрогнули, сломались, начали отступать и расходиться по одному. Полиция их не задерживала.

Все произошло так быстро, что Своуп поначалу не смог оценить ситуацию. Но когда женщина протолкнула его через хаос вперед, к полицейской линии, он понял, что произошло. Полицейские потихоньку собирались в тени деревьев. Они не стали провоцировать беспорядки, выдвинув группу для его ареста, а подослали одного полицейского в гражданском. Но теперь, когда на него были надеты наручники, копы начали появляться отовсюду. Они через мегафоны призывали людей мирно разойтись, а команда пожарных притащила шланг и начала гасить костер, поливая водой груду дымящихся ценностей.

Впереди Своуп увидел специальный фургон, предназначенный для перевозки заключенных. Его задняя дверь открылась, и женщина-полицейский в гражданской одежде подхватила Своупа под локоть и подсадила на металлическую подножку. Помогая ему забираться в фургон, женщина сказала:

– Прежде чем мы уедем, не хочешь хорошенько посмотреть на своих последователей?

Своуп повернулся, чтобы бросить на них прощальный взгляд, и был потрясен увиденным. То, что минуту назад было мирным молитвенным собранием, вмиг превратилось в бедлам. Невзирая на полицейские мегафоны, многие из его последователей не разошлись, а превратились в мародеров. Собравшись вокруг груды ценностей, они вытаскивали из нее всякие вещи и рассовывали их по карманам, а копы, удивленные происходящим, кричали и прогоняли их. Несколько сотен или даже тысяча его последователей обступили мертвый костер, их было столько, что на какое-то время они смогли оттеснить полицию. Они лихорадочно выхватывали пачки денег, серебряные слитки, акции, ювелирные изделия, часы, туфли, другие вещи из той самой груды предметов тщеславия, ради сожжения которых они здесь собрались, а потом бросались со своей добычей в темноту деревьев, визжа от радости и торжества.

59

Гулкий звук выстрела медленно стихал, и наконец Пендергаст открыл глаза.

– Опа. Я промахнулся.

Озмиан не увидел соответствующей реакции в глазах агента.

– Дать вам еще десятиминутную фору или закончить все сейчас?

Он ждал ответа, но Пендергаст молчал.

– Ладно. Я человек спортивный. Но прошу вас, будьте чуточку умнее. Никаких вторых шансов больше не будет. – Озмиан посмотрел на часы. – У нас остался для охоты один час и тридцать пять минут. – Он показал стволом своего пистолета на «лес-баер», лежащий среди мусора. – Берите его, только двумя пальцами, и идите. Я постою здесь десять минут, чтобы дать вам еще одну фору.

Его добыча нагнулась и протянула руку к пистолету.

– Только без спешки. Не совершите ошибку, думая, что вам удастся выстрелить первым, потому что я прежде вышибу вам мозги.

Взяв пистолет двумя пальцами, Пендергаст засунул его за пояс.

Озмиан вытащил из кармана ключ и показал Пендергасту:

– Я использовал часть того времени, что вы провели на выступе, чтобы найти ключи от этих комнат в столе санитара.

Продолжая держать Пендергаста под прицелом, он отпер дверь и распахнул ее, потом выкинул ключ через окно в темную ночь.

– Ну вот, мы опять на равных. Ни у кого никаких преимуществ. А теперь – вперед. У вас десять минут.

Пендергаст молча вышел из комнаты. В дверях он повернулся и на мгновение встретился глазами с Озмианом. К удивлению Головореза, пораженческий вид его противника изменился; в его глазах появилось что-то еще хуже, какая-то разновидность экзистенциального отчаяния… или это у него воображение разыгралось?.. Через мгновение агент исчез.

Озмиан ждал, используя десятиминутный перерыв, чтобы сосредоточиться и прикинуть, куда может отправиться Пендергаст, какие шаги собирается предпринять. Он был уверен, что на сей раз его добыча не станет терять драгоценные десять минут форы, устраивая засаду в месте вероятного выхода охотника. Возможно, он устроит гонку по зданию, чтобы выйти на охотника с тыла? Или подготовит еще одну ловушку? Озмиан не знал, каким будет следующий шаг противника, – животные, ощущая приближение преследователя, начинают вести себя непредсказуемо. Не сомневался он в одном: Пендергаст попытается перевернуть игровую доску или изменить условия, и от этой мысли дрожь предвкушения прошла по его телу.

Пендергаст пробежал по коридору и спустился по лестнице, желая как можно больше увеличить расстояние между собой и Озмианом. Он бежал быстрее, чем мог идти по следу Озмиан, так что его главная задача заключалась в том, чтобы оставить длинный след и выиграть как можно больше времени. Из лестничного колодца он опять выбежал в темные коридоры, опять поднялся вверх по лестнице и снова спустился, вверх и вниз, с этажа на этаж, создавая для своего противника проблему в виде длинного хаотичного лабиринта следов.

На бегу он предпринимал невероятные усилия, чтобы подавить несвойственное ему чувство отчаяния. Хотя со вторым шансом предвидение его не обмануло, противник уже два раза сумел перехитрить его. И пусть даже его посетило психологическое прозрение, но как повернуть это к своей выгоде? Теперь он видел, в чем состояла главная его ошибка: он решил, будто сможет выиграть у Озмиана в игре по чужим правилам, что ему удастся обойти противника при помощи логики. Он играл в шахматы с гроссмейстером и, перейдя в миттельшпиль и понеся фатальные потери в фигурах, понял, что непременно проиграет.

Если только…

Если только полностью не изменить игру. Да, из шахматной превратить ее в игру в кости. В игру случая.

Пендергаст вспомнил, что, подбегая к зданию 93, заметил следы пожара: западное крыло дома частично выгорело и казалось неустойчивым. Вот эта обстановка и обеспечит ему необходимую непредсказуемость.

В результате своего хаотичного передвижения он оказался в большом открытом помещении и остановился, чтобы перевести дыхание и обдумать свой следующий шаг. Он находился где-то в задней части больницы, снова на первом этаже, и, оглядевшись, понял, что это что-то вроде мастерской, отданной под занятия декоративно-прикладным искусством. Длинные пластиковые столы были завалены незавершенными предметами, поеденными временем и крысами. Пендергаст быстро оглядел комнату в поисках чего-нибудь полезного. На маленьком ткацком станке лежал полуразложившийся кусок ткани; на пробковом щите висели прикнопленные детские акварели; на одном столе валялись высохшие комки модельной глины, принявшие какие-то карикатурные формы; на другом столе лежали навалом искривленные пластиковые спицы с незаконченными шарфами. В дальнем конце комнаты вокруг старого лампового телевизора с выпуклым экраном стояли стулья, его трубка была разбита, на полу валялись осколки.

Пендергаст схватил несколько незавершенных шарфов, вытащил спицы и обмотал ноги вязаным полотном. Двинувшись дальше, он увидел, что

следы его стали менее заметными среди следов, оставленных прошлыми посетителями, и прочесть их стало труднее. Он не обманывал себя: Озмиан наверняка обнаружит его следы, но это потребует от него большей концентрации, а значит, даст Пендергасту выигрыш во времени.

Теперь он шел на восток, стараясь производить как можно меньше шума. Он проходил комнату за комнатой, коридор за коридором, поворот за поворотом и вскоре начал ощущать едкий запах старого пожара. Пройдя через кухню, Пендергаст оказался в коридоре, явно ведущем в выгоревшее крыло. Он уже далеко оторвался от Озмиана, а потому позволил себе включить фонарик и провел лучом по черным стенам.

То, что он увидел, заставило его остановиться. Стены покосились и искривились, некоторые частично обрушились. Потолки провалились, а с ними и бревна обугленных балок и разбитых бетонных колонн с обнаженной перекрученной арматурой. И это только на первом этаже, а сверху находились еще девять, едва удерживаемые этими неустойчивыми стенами. Оценивая степень ущерба, Пендергаст понял, что пожар случился не так давно, может быть в прошлом году.

К ближайшей стене был прибит почерневший лист фанеры, самодельный предупреждающий знак, на котором серебристым маркером было написано:

Привет коллегам-ползунам!

Слушайте сюда, ребята: если вы считаете, что исследование крыла D предлагает уникальный вызов, то подумайте еще раз. Это место чертовски опасно. Если здесь кто-нибудь угробится, то доступ сюда закроют для всех нас. Так что в вашем распоряжении все остальное здание 93, но, пожалуйста, не лезьте в крыло D. Не забывайте бессмертные слова величайшего из всех ползунов:

«Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Немного помедлив, Пендергаст вошел в темный вонючий лабиринт.

60

Озмиан двигался за своей добычей без спешки, наслаждаясь удовольствием выслеживания. Он никуда не торопился – время работало на него. Хотя Пендергаст и разочаровывал до этого момента, все же нельзя было отказать противнику в уме и хитрости, и его недооценка могла плохо кончиться для Озмиана. И он учился. Совершенствовался.

Долгая петляющая погоня наудачу по следу привела его в конечном счете в комнату для занятий декоративно-прикладным искусством. Как ни странно, но он не помнил этой комнаты, да и вообще не помнил, чтобы в больнице занимались такими делами. И все равно это помещение, где на столах лежали последние незавершенные проекты пациентов – недовязанные шарфы, глиняные головы, отвратительные акварели, дурацкие творения сдвинутых мозгов, – в высшей степени обескураживало. Следы шли мимо стола с шарфами, и Озмиан мгновенно догадался, что здесь произошло: Пендергаст взял несколько шарфов и обмотал ими ноги, после чего его следы стали более слабыми, сглаженными.

Умный ход.

Теперь идти по следу стало труднее, и Озмиан часто останавливался, когда следы Пендергаста пересекались со следами более ранних исследователей. Он шел по коридору все дальше, заглядывая в некоторые комнаты. Пендергаст выигрывал время своим изобретением, замедляя его поиск. Агент задумал какую-то ловушку, и на ее подготовку требовалось время.

Общее направление следов было западное – к крылу D, и Озмиан подумал, не туда ли направляется Пендергаст. Неожиданное решение.

Еще несколько минут движения по следу действительно привели его к выгоревшей части здания. То место, где след уходил в лабиринт развалин, Озмиан тщательно осмотрел в свете фонарика. Это могло быть отвлечением, попыткой завести охотника в опасную зону, но внимательное изучение следа подтвердило, что Пендергаст и вправду вошел в неустойчивое крыло. Сфальсифицировать такое он бы не смог. Он находился где-то здесь.

И теперь, разглядывая обгорелые стены, Озмиан чувствовал себя обескураженным. Он ясно слышал, как стонет все это крыло, как потрескивает с каждым порывом ветра. Ему казалось, будто стены двигаются, а эти несмолкающие звуки вызывали у него такое чувство, будто он очутился во чреве какого-то отвратительного животного. Стены крошились, пол обгорел, в нем образовались большие дыры, и кое-где лежали упавшие балки. Температура горения была настолько высокой, что на полу остались лужи расплавленного стекла и алюминия, а части бетонной стены раскрошились и растрескались. Со стороны Пендергаста было чистым безумием углубляться в такое место, это указывало скорее на отчаяние, чем на ум.

Но это не имело значения: если его добыча хотела продолжать охоту здесь, то охота здесь и будет продолжаться.

Озмиан выключил фонарик. Теперь ему придется идти в лунном свете и на ощупь, прокладывая свой путь по проседающим полам с дырами, проявляя повышенную осторожность, но в то же время сохраняя высокую бдительность, доверяя своему почти сверхъестественному чувству опасности. Пендергаст наверняка подготовил для него здесь засаду. Он был похож на того раненого льва, который затаился в мопановых зарослях, чтобы в нужный момент прыгнуть на своего мучителя.

Озмиан прошел мимо груды бетонного мусора и оказался в большой просторной комнате, по-видимому общей спальне. Кровати все еще стояли рядами почерневших металлических рам. Дальняя стена обрушилась, открывая ванную комнату с потрескавшимися раковинами, обожженными писсуарами, открытыми душевыми кабинками. Бóльшая часть оборудования покорежилась и расплавилась.

След привел Озмиана к главной лестнице крыла D. Тут царил полный кошмар разрушения; было даже странно, что все это до сих пор не рухнуло. В поисках самой опасной зоны добыча Озмиана, естественно, поднялась на самый верхний этаж. Продолжая с величайшей осторожностью продвигаться вперед в полной тишине, каждый миг ожидая попасть в засаду, Озмиан на ощупь поднялся по вонючей искривленной лестнице. След на площадке второго этажа уходил в очередной разрушенный коридор, в настоящий лабиринт обугленных и скрученных балок. По всей длине коридора лежал пожарный шланг, явно брошенный пожарными, которые гасили пламя. Конец шланга все еще был прикручен к водопроводному стояку. Озмиан помедлил. Что-то недавно лежало на полу у шланга, и свежие отметины на поверхности, покрытой пылью и сажей, указывали на то, что Пендергаст забрал этот предмет. Что бы это могло быть?

Обостренное охотничье чутье начало подавать Озмиану сигналы. В его прошлой жизни охотника на крупную дичь это означало, что он приближается, что его добыча решила развернуться, чтобы вступить с ним в схватку, и что атака неминуема. Он замер, напрягся. Особенно сильный порыв ветра вызвал целый шквал потрескиваний, и Озмиану показалось, что все здание может в любой момент обрушиться. Когда тут случился пожар? Всего год назад, насколько он помнил. Тогда здание выстояло, и не стоит слишком уж волноваться, что оно разрушится прямо сейчас. Если только ему немного не помочь.

Ага! Эта мысль стала для Озмиана откровением. Он уже размышлял о том, какого рода атаку планирует Пендергаст и с какой стороны. Неужели он хочет обрушить здание на них обоих? Идея казалась безумной, слишком непредсказуемой, ведь в результате могли погибнуть оба: и Пендергаст, и его преследователь. Но чем больше

Озмиан думал об этом, тем больше верил в то, что именно это Пендергаст и хочет сделать.

Озмиан бесшумно шагнул вперед, держась в тени наружной стены, и занял позицию за грудой бетонных обломков. У него имелось отличное укрытие и открытый сектор обстрела, его собственная фигура была окутана тьмой, а спереди и сзади луна высвечивала достаточное пространство. Он находился там, где хотел. Оставаясь в тени, Озмиан протянул руку, схватил свободной рукой развернутый шланг и медленно и бесшумно стал подтягивать его к себе.

Каждая клеточка его тела чувствовала себя живой. Что-то должно было случиться. И он будет готов к этому.

61

Этажом выше, закрепившись на двух ненадежных балках в том месте, откуда через дыры в полу была видна часть нижнего коридора, агент Пендергаст дожидался Озмиана. На левом плече у него лежал пожарный топорик, в правой руке Пендергаст сжимал пистолет. Его преследователь либо продолжит охоту и появится в зоне видимости на втором этаже – и тогда у Пендергаста будет возможность произвести достаточно прицельный выстрел, – либо же он почувствует ловушку, остановится и будет ждать.

Минуты шли, а Озмиан все не появлялся. Пендергаст снова спросил себя, не одурачили ли его снова. Но нет, не на этот раз. Озмиан должен последовать за ним в крыло D. Он не смог бы противиться такому вызову. И хотя Пендергаст не видел и не слышал его, он знал, что Озмиан здесь, идет по его следу. *Он должен быть где-то совсем рядом*. И явно ждет, что Пендергаст сделает первый шаг.

Порывы ветра обрушивались на здание, вызывая хор поскрипываний и ощутимое движение балок, на которых балансировал Пендергаст. Крыло D представляло собой карточный домик, груду торчащих палок, неустойчивый ряд костяшек домино.

Ждать дальше не имело смысла. Сунув «лес-баер» за пояс, он обеими руками схватил пожарный топор, поднял над головой, устремил взгляд в точку удара и с огромной силой опустил топор на несущую балку, на которой стоял он сам. Массивная лопасть глубоко врезалась в необожженное сердце бревна, обугленные кусочки разлетелись в стороны, и хлопок, резкий, как выстрел, сообщил о том, что балка треснула; все прочие несущие балки, опоры и бетонные стены одна за другой мгновенно откликнулись автоматной очередью таких же резких звуков. Пол рухнул вниз, но не в свободном падении, а в каком-то хаотическом, полуконтролируемом спуске. Пендергаст отбросил топор и выхватил пистолет: на долю секунды, пока падали обломки, ему

открылась мишень для стрельбы в неожиданно появившемся на виду Озмиане, который и сам потерял равновесие. Пендергаст успел произвести два выстрела, прежде чем началось движение вниз всей структуры вокруг него и поднялась туча пыли, заслоняя видимость.

Выпрыгнув из медленно рушащейся массы, Пендергаст пролетел пол-этажа вниз и жестко приземлился на мерзлую поверхность в окружении падающих с грохотом кирпичей и всевозможного мусора. Результат был непредсказуем… и в этом-то и состояла красота замысла, драматический поворот в игре. Озмиан находился глубже в здании, а потому его могло раздавить с большей вероятностью… по крайней мере, Пендергаст надеялся на это.

Падение конструкций прекратилось. Каким бы невероятным это ни казалось, обрушение было только частичным: в дальнем углу крыла D, прямо перед Пендергастом, теперь зияла дыра, но остальная часть десятиэтажного крыла продолжала стоять, хотя и держалась бог знает на чем. Все здание жалобно сетовало, издавало залпы потрескиваний, скрежетов и стонов, по мере того как несущие стены и бетонные колонны оседали под смещающейся нагрузкой. Пендергаст попытался встать, пошатнулся, но все же сумел устоять; его немного помяло, но обошлось без серьезных повреждений, и кости остались целы. Вокруг него стояло облако пыли, мешая ему оглядеться.

Надо было выбираться из пыли и падающих обломков на открытое пространство, где он смог бы воспользоваться сумятицей и атаковать Озмиана, если тот остался жив. На ощупь пробираясь по хаосу упавших строительных конструкций, уходя из зоны падения обломков, Пендергаст вышел из оседающего облака пыли на лунный свет и уперся в сетчатую ограду, окружавшую здание.

Тут-то он и увидел Озмиана: целый и невредимый, тот быстро спускался из зияющей руины на пожарном шланге. Озмиан тоже увидел его. Опустившись на одно колено, Пендергаст прицелился и выстрелил, но Озмиан в этот же миг оттолкнулся ногой от стены здания и качнулся в сторону на шланге, а когда Пендергаст выпустил вторую пулю, Озмиан отпустил шланг и полетел в облако пыли, исчезнув из виду.

Пендергаст выстрелил четыре раза подряд в то место, где, по его представлению, мог приземлиться Озмиан. Он понимал, что шансы на попадание невелики, но не мог упустить даже такую ничтожную возможность. Эта стрельба опустошила его магазин.

Не обращая внимания на боль, Пендергаст побежал вдоль наружной стены здания, перепрыгнул через низкий подоконник и, оказавшись внутри, продолжил бежать по коридору, который снова вывел его в мастерскую. На бегу он выбросил из рукоятки отстрелянный магазин – тот звякнул, ударившись об пол, – и вставил новый. Пендергаст

пробежал мимо гниющих столов, через дверь и вниз по ближайшей лестнице, ведущей в подвал.

Он не знал, попали ли в цель его четыре пули, но вынужден был исходить из того, что Озмиан жив. Его третий план тоже не удался. Теперь требовался четвертый.

62

Озмиан осторожно выбрался из горы обломков, держась поближе к укрытию. Выстрелы, произведенные Пендергастом в облако пыли, серьезно расстроили его своей непредсказуемостью и его неспособностью предвидеть их. Одна пуля пролетела так близко, что он почувствовал дуновение воздуха возле уха. Озмиана в первый раз охватил приступ неуверенности. Но он быстро прогнал это чувство. Разве не этого он хотел больше всего – в высшей степени коварного и умелого противника? В глубине души он не сомневался, что победа будет за ним.

Под прикрытием темноты и кустарника, выросшего по периметру заброшенного здания, Озмиан двинулся вдоль развалин, образовавшихся там, где обрушился угол крыла D. Посвечивая фонариком, он попытался найти след Пендергаста, но ничего не увидел. Подойдя к выбитому окну, он заглянул внутрь, потом перебрался туда и пошел по пустому коридору. Следы везде были только старые, и снова никаких признаков Пендергаста.

Ему необходимо было найти след, оставленный добычей. Для этого применялся особый маневр, известный как «прочесывание», – движение по широкой дуге под прямыми углами к вероятному следу добычи с целью его обнаружения.

Дойдя до конца коридора, Озмиан перешел в другой коридор и предпринял новое прочесывание, в любой момент ожидая увидеть след, оставленный Пендергастом.

Оказавшись в подвале, протянувшемся почти по всей длине здания, Пендергаст миновал котельную, кладовые, небольшой блок тюремных камер с мягкими стенами и наконец остановился перед обширным помещением медицинского архива, заполненным гниющими историями болезни. В подвале стояла кромешная тьма, и ему пришлось воспользоваться фонариком. Хотя он прошел уже довольно много, но ему до сих пор не попалось ничего такого, что помогло бы ему победить или переиграть Озмиана. Пора было заканчивать этот глупый и бессмысленный фарс – беготню наудачу по огромному зданию в надежде набрести на свежую идею. Ему противостоял гениальный сумасшедший, человек, которого невозможно победить. Но ведь

непобедимых не существует в природе, у каждого человека есть своя ахиллесова пята. Теперь у Пендергаста имелось некоторое представлении о психологии Озмиана, его уязвимости, но как обернуть это знание себе на пользу? Где находится уязвимое место и как поразить его? Этот человек, вероятно, был одним из самых трудных и хитроумных противников, с которыми сталкивался специальный агент. «Узнай своего врага» – таково было первое изречение Сунь-цзы, автора «Искусства войны»[32]. И это изречение содержало в себе очевидный ответ: если где-то в мире и существовало место, в котором он мог узнать об Озмиане и о его самой большой слабости, то это именно здесь, в подвале, в медицинском архиве.

Пендергаст помедлил секунду, собираясь с мыслями и обводя лучом фонарика огромное помещение. Было что-то чуть ли не сверхъестественное в том, что он оказался здесь, в этом вместилище историй безумия, несчастья и ужаса, – в архиве гигантской больницы для душевнобольных. Теперь он понял, что сюда его привело его собственное подсознание.

Архив представлял собой ряды высоких – от пола до потолка – металлических шкафов с выдвижными ящиками. В каждом проходе имелась своя пара передвижных стремянок на колесиках, дававших доступ к верхним ящикам. Пока Пендергаст передвигался по пространству архива, пытаясь понять, как он организован, ему пришло в голову, что больница за свое столетнее существование накопила ошеломляющее количество данных в форме историй болезни, заметок, диктофонных записей, диагнозов, переписки, личных дел персонала, правовых документов. За время работы больницы здесь побывали десятки, может быть, даже сотни тысяч душевнобольных пациентов; огромные цифры лишь подтверждали убеждение Пендергаста, что в мире огромное число душевнобольных людей. И этот архив был еще довольно скромен, подумал он, если учитывать коллективное безумие человеческой расы.

Проходы и ряды располагались решеткой, проходы обозначались буквами, ряды – цифрами. Миновав несколько проходов, Пендергаст нашел то, что искал, схватил передвижную лестницу, поставил ее на нужное место и поднялся по ступенькам, держа фонарик во рту. Он выдвинул ящик, жадно перерыл истории болезни, дошел до конца, открыл следующий, еще один, доставая папки и швыряя их вниз, пока не понял: того, что он ищет, здесь просто нет.

Он спустился с лестницы, подумал несколько мгновений, поспешил по проходу ко второму месту и принялся вытаскивать ящики из другого ряда. Скрежет ржавого металла эхом разносился по пространству архива, и Пендергаст остро осознавал, что свет фонарика делает его

идеальной мишенью. Он должен успеть завершить поиск, прежде чем Озмиан найдет его след и войдет сюда.

Он перешел в следующий проход, потом в следующий. Его время истекало. В одном из ящиков он неожиданно наткнулся на свернутый комплект планов здания. Пролистав их, он вытащил один из чертежей, засунул за пояс. Полезно, но не то, что он искал.

Озмиан прочесал почти половину первого этажа здания от одной стороны до другой, и все безрезультатно, однако, приблизившись к лестнице и уже собираясь подняться на второй этаж, он все же обнаружил след Пендергаста. След был довольно нечеткий – агент двигался с крайней осторожностью, но совсем не оставлять следов он не мог, в особенности таких, которых не заметил бы острый взгляд Озмиана. К его удивлению, след вел не вверх, а вниз, в подвал.

Волна удовлетворения накатила на Озмиана. Он никогда не спускался в подвал и не имел понятия, как там все устроено, но был уверен, что предположительно лабиринтоподобное пространство и абсолютная темнота будут ему на руку, а для Пендергаста подвал станет тупиком. Но самое главное, он сумел сохранить подавляющее преимущество: он вел наступление, а его добыча постоянно отступала.

Он осторожно отправился по лестнице вниз, в темноту, ведя одной рукой по стене, и его сердце забилось в предвкушении того, что грядет.

Пендергаст осмотрел все очевидные места, но так и не нашел того, что искал. Ничего удивительного, с горечью подумал он; скорее всего, этого здесь больше нет. Эти сведения извлекли отсюда много лет назад. Такой человек, как Озмиан, не стал бы оставлять столь взрывной материал даже здесь, в гниющем заброшенном архиве. Он бы отправил сюда кого-нибудь, чтобы найти и уничтожить эти документы.

Поиск, проведенный Пендергастом, позволил ему понять, как организован архив, и теперь ему пришло в голову, что в то время, когда велось следствие по поводу того, что персонал этой части больницы подозревался в злоупотреблениях и жестокости, возможно, существовали какие-то дополнительные документы, которых следователи не заметили. И эти документы должны были находиться в самом конце, а не архивироваться в обычном алфавитном порядке или в привязке к дате. Он быстро подошел к последним шкафам в самом дальнем углу. Эти шкафы, тоже покрытые ржавчиной, паутиной и плесенью, выглядели немного новее и имели другую конструкцию. И маркировка на ящиках здесь была иная. Очевидно, что и папки внутри лежали не в принятом архивном порядке. В ходе быстрого поиска он наткнулся на ящик, на котором было написано:

ОГРАНИЧЕННОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕРАССЛЕДОВАНИЯ / РАПОРТА / ЖАЛОБЫ ПЕРСОНАЛАПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ПРОКУРОРСКИЙ ОРДЕР О ЗАКРЫТИИ

Ящик был заперт, но Пендергаст взломал хлипкий замок, вставив кончик ножа в скважину и повернув. Вытащив ящик с громким скрежетом ржавого металла, он принялся перебирать содержимое своими тонкими длинными пальцами, поднимая облачко пыли. Остановился и выхватил толстую папку с бумагами, прикрепленными к ней снаружи. Внезапно он присел на корточки, выключил фонарик и прислушался. Когда он вошел в помещение архива, то закрыл ржавую дверь в дальнем от него конце. И эта дверь только что открылась со скрипом.

Озмиан явился.

Пендергаст подумал, что это катастрофа; ему просто не хватит необходимого времени. Тем не менее он с бесконечной осторожностью поднялся, не включая свет, и двинулся в темноте к заднему выходу, для ориентации ведя рукой по шкафам. Короткий переход по открытому пространству вывел его к шлакобетонной стене архивного помещения, вдоль которой он и пошел, тоже на ощупь. Где-то в этой стене находилась закрытая дверь, и он был уже недалеко от нее. Пендергаст замер и прислушался, напрягая слух. Что это за слабое шуршание с хрустом? Это его преследователь сделал шаг по замусоренному полу? Вот еще один слабый звук почти за пределами слышимости и еще один. Озмиан в темноте подкрадывался к нему.

Пендергаст ждал, целясь в черноту из пистолета. Если бы он выстрелил на звук, то, скорее всего, промахнулся бы, а дульная вспышка позволила бы его противнику произвести прицельный выстрел. Риск был слишком велик. Озмиан наверняка слышал скрежет последнего ящика и знает, что Пендергаст находится здесь, но, вероятно, не знает, где именно.

Специальный агент оставался у стены, он не двигался, почти не дышал. Еще один слабый хруст, уже ближе. Может, попробовать выстрелить, как бы рискованно это ни было? Нацелив пистолет в темноту, он нащупал пальцем спусковой крючок в ожидании нового звука; и вот он, этот звук, легчайший шорох пыли под ногой.

Пендергаст произвел два быстрых выстрела и тут же бросился в сторону. Двойная вспышка высветила Озмиана, стоящего футах в семидесяти от него в соседнем проходе. Озмиан мгновенно ответил огнем, но пули попали в стену над распростертым на полу телом Пендергаста, осыпав его крошкой. В темноте он выстрелил еще пять раз в последнее место нахождения Озмиана, с каждым выстрелом смещая прицел в надежде угадать, куда переместится противник, но каждая вспышка проявляла его противника не в том месте, куда летела пуля, при этом Озмиан

отвечал ему огнем и вынудил укрыться в следующем проходе между шкафами. Воспользовавшись гулкими многократными отзвуками выстрелов, Пендергаст побежал по проходу, ориентируясь на ощупь, свернул в новый проход, прошел его до конца и еще раз повернул, резко остановился и присел, переводя дыхание, когда вновь наступила тишина. Двигаясь с крайней осторожностью, он проделал обратный маршрут к задней двери, все так же на ощупь. Через несколько минут он нашел дверь и, открыв ее со скрипом, скользнул внутрь и захлопнул ее за собой. Озмиан выстрелил на звук, пуля ударилась о дверь, однако не прошла насквозь. На двери был замок, и Пендергаст запер ее; это давало ему по меньшей мере несколько минут, чтобы сделать то, что он должен.

Подсвечивая себе фонариком, он быстро просмотрел страницу за страницей бумаги, которые вытащил из ящика, и наконец его взгляд задержался на одном листе. Пендергаст достал его из папки, спрятал в карман, кинул взгляд на планы здания… и пошел по коридору, даже не стараясь шагать бесшумно. В дальнем конце коридора была небольшая зеленая дверь, он открыл ее, потом закрыл за собой и запер, слыша, как Озмиан пытается вышибить дверь архива.

Ему нужно было проделать немало работы, чтобы подготовиться к прибытию Озмиана.

63

Остановившись у двери, Озмиан включил фонарик. Он увидел перед собой надежно усиленную металлическую дверь, достойную защищать эти некогда конфиденциальные документы. Осмотрев дверь, он понял, что открыть ее не так-то просто, а значит, придется отстрелить замок, хотя это и будет стоить ему пули, которой может потом не хватить.

Озмиан выкинул из рукояти пустой магазин, вставил второй, занял позицию напротив двери и прицелился в цилиндр, держа пистолет двумя руками и давая сердцу несколько секунд, чтобы успокоилось. Пули его противника снова прошли в нескольких дюймах от его головы. Эта пальба выбила его из колеи, но зато, если он не ошибся в подсчетах, у Пендергаста осталась только одна пуля против его восьми. Все, что он может сделать, – это бежать. Засада с одним патроном равна самоубийству. Озмиан проверил часы: двадцать минут до того момента, когда приятель Пендергаста д’Агоста превратится в гамбургер на стенах здания 44. Неудивительно, что Пендергаст нервничает и проигрывает.

Собравшись с духом, Озмиан выстрелил – и пуля разбила цилиндр. Он проверил результат, попытался открыть дверь, но обнаружил, что часть замка осталась на месте, выстрелил еще раз и выбил замок вместе с язычком. Дверь распахнулась, за ней открывался длинный подвальный коридор.

Осталось шесть патронов.

Озмиан вышел в коридор и двинулся по следам, ведущим в самое дальнее крыло подвала. Пендергаст даже не пытался осторожничать или запутывать следы. У него просто не было на это времени. Они достигли той фазы охоты, когда преследуемое животное начинает чувствовать себя по-настоящему загнанным. Охота на человека, подумал Озмиан, на самом деле не очень отличается от выслеживания раненого льва: чем сильнее ты прессуешь добычу и досаждаешь ей, тем больше она паникует, теряет способность к логическим рассуждениям, становится реактивным комком нервов. Пендергаст дошел именно до такого состояния. Он был человеком, у которого кончились идеи, а с ними и патроны. В какой-то момент он сделает то, что делают в конце все загнанные животные: прекратит убегать, повернется лицом к охотнику и даст свой последний бой.

Шагая по следу, Озмиан заметил, до чего же мрачная эта часть подвала, до чего неприятная, с этими стенами из некрашеных шлакобетонных блоков в подтеках влаги и время от времени дверьми ядовито-зеленого цвета по обе стороны коридора. На каждой двери стоял порядковый номер с грязной табличкой:

КОМНАТА ЕЕСТ-1 КОМНАТА ЕЕСТ-2 КОМНАТА ЕЕСТ-3

Что это значит? Что находилось в этих комнатах?

Следы закончились у двери с табличкой ЕЕСТ-9. Озмиан осмотрел пол перед дверью, пытаясь прочитать следы: Пендергаст остановился, открыл дверь, вошел, не предпринимая никаких усилий, чтобы скрыть это, и закрыл дверь за собой. Хотя Озмиан не знал, что находится в этой комнате, он чувствовал, что она маленькая и почти наверняка тупиковая – у Пендергаста нет отсюда выхода. Прикончить его здесь проще пареной репы. Но потом Озмиан напомнил себе, что его добыча очень умна и недооценивать ее не следует. За этой дверью его может ожидать что угодно. И кстати, у его противника остался один патрон.

С величайшей осторожностью, стоя в стороне от дверного створа, он устроил короткое испытание своей добыче. Прикоснулся к дверной ручке и нажал на нее, понимая, что Пендергаст с другой стороны заметит движение.

Бабах! Как он и надеялся, Пендергаст израсходовал последний патрон, выстрелив наугад в дверь. Его добыча осталась безоружной, если не считать ножа. Озмиан посмотрел на часы: через восемь минут напарник Пендергаста взлетит на воздух.

Охота была запоминающаяся, но конец приближался.

– Пендергаст, – сказал Озмиан через закрытую дверь. – Мне жаль, но вы израсходовали последний патрон.

Тишина.

Пендергаст наверняка ждал его за дверью с ножом, как раненый лев, спрятавшийся в зарослях и готовый к последней отчаянной схватке.

Озмиан ждал.

– Минуты идут. Их осталось всего шесть, до того как ваш друг будет вывернут наизнанку.

И тогда Пендергаст заговорил. Голос у него дрожал и срывался.

– Тогда войдите и сражайтесь со мной, а не прячьтесь за дверью, как трус!

Озмиан вздохнул, но и не подумал расслабляться. Он поднял пистолет, левой рукой прижал к стволу фонарик, так чтобы луч был направлен туда же, куда нацелен пистолет. Потом одним яростным ударом ноги распахнул дверь и за долю секунды обвел пистолетом комнату в ожидании отчаянной и бесполезной ножевой атаки из любого угла.

Но вместо этого он услышал из темноты мягкий добрый голос:

– *Входи, храбрый маленький человечек, в комнату счастья.*

Неожиданные слова кинжалом вонзились в самые глубинные части его мозга.

– *Как мы поживаем сегодня, мой храбрый маленький человечек? Входи, входи, не стесняйся! Мы здесь все друзья, мы тебя любим и хотим тебе помочь.*

Слова, такие невероятно знакомые и в то же время такие гротескно-странные, раскололи бункер его памяти, словно сильнейшее землетрясение, и горячий поток воспоминаний хлынул через раскол: кипящие, раскаленные, образующие вихревой водоворот внутри его черепа, они сметали все на своем пути.

– *Все добрые доктора здесь очень-очень хотят тебе помочь, хотят, чтобы тебе стало лучше, чтобы ты смог вернуться в семью, в школу и к друзьям и жить, как любой нормальный мальчик. Входи, входи, храбрый маленький человечек, и садись в наше кресло счастья…*

В этот момент вспыхнул свет, и Озмиан увидел перед собой зрелище необыкновенное, но в то же время странно знакомое: мягкое кожаное кресло с откидной спинкой и расстегнутыми ремнями в области рук и ног и вращающийся металлический стол рядом с креслом. На столе

лежала всевозможная амуниция: резиновая зубная капа, резиновые палки, хомуты и воротники, черная кожаная маска, стальной ошейник – все это было мягко освещено лучами желтого света. А над всем этим – отделенный от всего остального шлем из нержавеющей стали, сияющий купол, украшенный медными бляшками и витками проводов, прикрепленных к шарнирному выдвижному рычагу.

– Входи, мой храбрый маленький человечек, и садись. Позволь добрым докторам помочь тебе. Больно не будет, совсем-совсем, а потом ты почувствуешь себя гораздо лучше и на шаг приблизишься к возвращению домой. Но самое главное, ты потом ничего не будешь помнить, ничуточки, так что закрой глазки, думай о доме, и все закончится, ты даже и не поймешь, что оно начиналось.

Озмиан закрыл глаза в гипнотическом трансе. Он почувствовал, как доктор мягко взял что-то из его руки, потом те же дружеские руки усадили его в кожаное кресло, и он сел без сопротивления, без единой мысли в голове. Он почувствовал, как на его запястьях и голенях затягиваются ремни, почувствовал ошейник на горле, услышал щелчок замка, потом на его лицо плотно легла кожаная маска, и он услышал скрип металлических суставов, когда на его голову опустился стальной шлем, холодный как лед, но в то же время странно бодрящий. Он почувствовал, как доктор вытащил что-то из его нагрудного кармана, и раздались едва слышные пощелкивания.

– Теперь закрой глазки, мой храбрый маленький человечек, и мы начнем…

64

За три минуты до того, как таймер достиг двухчасовой отметки, красный диод на взрывателе, пристегнутом к Винсенту д’Агосте, погас и вместо него загорелся зеленый. Какие-то три минуты… Он почувствовал огромное облегчение, смешанное с раздражением: ну почему Пендергаст так долго не мог убить этого ублюдка Озмиана? За два часа ожидания, пока он внимательно вслушивался, до его ушей донеслось несколько перестрелок из громадного больничного здания к югу отсюда, а также гулкий и пугающий звук – вероятно, вследствие частичного обрушения этого здания. Его беспокойство выросло, когда Пендергаст не отправил Озмиана на тот свет в первые же десять минут, а падение здания потрясло и напугало его, оно наводило на мысль о том, что схватка приобретает эпический размах. Винсент смотрел на часы и испытывал такой страх, какого еще не знал в жизни.

Но в конце красный диод сменился зеленым, и таймер остановился, а это означало, что Пендергаст все же убил этого сукина сына, взял его пульт и выключил таймер.

Пять минут спустя д’Агоста услышал, как открылась дверь здания 44, и вошел Пендергаст. Д’Агосту встревожил вид специального агента: тот был покрыт пылью, одежда на нем была изорвана в клочья, на лице появились две глубокие царапины, залепленные корочкой из грязи и крови. Он хромал.

Пендергаст подошел к лейтенанту и вытащил у него изо рта бильярдный шар. Д’Агоста сделал несколько глубоких вдохов.

– Вы успели его вырубить на самом краю! – сказал он. – Господи боже, у вас такой вид – будто только что из окопов.

– Мой дорогой Винсент, извините, что заставил вас поволноваться. – Пендергаст начал снимать с него ремни. – Наш друг устроил восхитительное сражение. Должен сказать вам откровенно: я никогда не встречал более сильного противника.

– Я знал, что вы в конце дадите ему прикурить.

Пендергаст развязал ему руки, и д’Агоста поднял их, восстанавливая кровоток. Пендергаст осторожно отстегнул жилет с пакетами взрывчатки, снял, аккуратно положил на ближайший стол.

– Расскажите, как вы расправились с этим мерзавцем.

– Боюсь, что в Бюро у меня сложилась репутация агента, который не задерживает преступников, а убивает, – сказал Пендергаст, развязывая голени д’Агосты. – Так что сегодня я для разнообразия арестовал преступника живым.

– Он жив? Господи боже, как вам это удалось?

– Вопрос упирался в выбор игры. Мы начали в шахматы, и он чуть не поставил мне мат, потом играли в кости, но мне выпадали плохие номера. И вот в конце мы сыграли в игры разума, и мой противник оказался катастрофически не готов к такой игре.

– Игры разума?

– Понимаете, Винсент, он фактически поймал меня и приставил пистолет к моему виску. Потом отпустил меня, как кот отпускает мышь.

– Правда? Ничего себе. С ума сойти.

– И вот тогда ко мне пришло столь необходимое прозрение. К тому времени Озмиан фактически признал, что эта «охота» для него нечто большее, чем охота: это было изгнание того, что он здесь пережил. Когда он пощадил меня, я понял, что Озмиан изгоняет демона гораздо более крупного, чем даже сам представляет. Здесь с ним случилось что-то

ужасное, гораздо более ужасное, чем сессии у психиатра, лекарственные средства и смирительные рубашки.

Д’Агоста, как обычно, не знал, к чему клонит Пендергаст и даже о чем он говорит.

– И как же вам удалось его скрутить?

– Если мне позволено похвалить себя, то я скажу, что очень горжусь своей последней стратагемой, которая состояла в том, чтобы отстрелять все патроны в моем пистолете и таким образом внедрить в голову моего противника ложное представление о безопасности, в результате чего он нырнул с головой в мою последнюю ловушку.

– И где же он?

– В подвале здания девяносто три, в кабинете, который когда-то он хорошо знал. В кабинете, в котором доктора превращали его в то, чем он стал сегодня.

Наконец Пендергаст освободил ноги д’Агосты, и тот встал. Его пробирала дрожь. Когда все это начиналось, Озмиан бросил его одежду на стул, и теперь лейтенант пошел за ней.

– Превращали его в то, чем он стал сегодня? И что это значит?

– В двенадцатилетнем возрасте наш знакомый был морской свинкой, он прошел здесь экспериментальный курс электрошокового лечения. В результате его краткосрочная память была стерта, что обычно для этого метода. Но воспоминания, даже самые глубинные, никогда не стираются, и мне удалось вернуть его к ним, и это получилось самым драматическим образом.

– Электрошоковая терапия? – Д’Агоста натянул на себя куртку.

– Да. Как вы, возможно, помните, он заявлял, что его не подвергали электрошоку в «Кингс-Парке». Но когда он меня отпустил, я понял, что это не так. Я понял, что его подвергали такому лечению, только он ничего не помнит. В подвале здания я нашел архив, а в нем папку исследователя, который проводил экспериментальный курс, и там была фактическая запись, выписано каждое слово, как доктора успокаивали бедного мальчика, убеждали сесть в пугающее кресло для электрошоковых процедур. Выясняется, что Озмиана подвергли особенно жесткому курсу лечения. Нормальное значение составляет четыреста пятьдесят вольт при токе величиной девять десятых ампера на протяжении полусекунды. Наш парень получал такое напряжение, но амперы в три раза больше на отрезке времени не менее чем в десять секунд. Кроме того, электроды последовательно перемещались спереди назад и с одной стороны черепной коробки на другую. В ходе процедуры

у него мгновенно начинались спазмы, которые продолжались много минут после окончания сеанса. Я предполагаю, что эти процедуры нанесли значительный ущерб правой надкраевой извилине.

– А это что такое?

– Та часть мозга, которая отвечает за сочувствие и сострадание. Такое повреждение мозга, вероятно, объясняет, как человек мог убить и обезглавить собственную дочь, а также получать удовольствие от охоты на людей. А теперь, Винсент, возьмите вашу рацию: пожалуйста, вызовите полицейскую поддержку, я тоже вызову людей из Бюро. Мы имеем жестокое убийство заслуженного федерального агента, а также арестованного преступника, который, к сожалению, полностью впал в безумие, а значит, с ним придется обращаться крайне осторожно.

Он повернулся, взял свою одежду и вещи, лежащие в углу. Д’Агоста, замерев, наблюдал за тем, как Пендергаст пристально смотрит на останки Лонгстрита. Специальный агент сделал неторопливый, скорбный жест, почти поклон. Потом повернулся к д’Агосте:

– Мой дорогой друг, я чуть было не подвел вас.

– Нет-нет, Пендергаст. Завязывайте с вашей скромностью. Я знал, что этот ублюдок не имеет против вас ни малейшего шанса.

Пендергаст отвернулся, чтобы скрыть от д’Агосты выражение своего лица.

65

Брайс Гарриман прошел через лабиринт огромного оживленного отдела городских новостей газеты «Пост» и остановился в дальнем конце перед дверьми Петовски. Это была вторая встреча за две недели. Дело не то что необычное – неслыханное. И когда он получил это сообщение – вообще-то, вернее сказать, вызов, – все то облегчение, которое он испытал, когда его вдруг неожиданно выпустили из тюрьмы, испарилось.

Это не сулило ничего хорошего.

Он глубоко вздохнул и постучался.

– Входите, – раздался голос Петовски.

На этот раз в кабинете, кроме Петовски, никого не было. Он сидел за столом, покачиваясь в кресле из стороны в сторону и играя с карандашом. Целую минуту он разглядывал Гарримана, потом перевел взгляд на карандаш. Сесть репортеру он не предложил.

– Вы читали о пресс-конференции, которую дала полиция сегодня утром? – спросил он, продолжая раскачиваться взад-вперед.

– Да.

– Убийца – Головорез, как вы его окрестили, – оказался отцом первой жертвы. Это Антон Озмиан.

Гарриман сглотнул снова, более мучительно:

– Это я понял.

– Вы поняли. Я так рад, что вы наконец поняли. – Петовски снова посмотрел на Гарримана, пригвождая его к месту взглядом. – Антон Озмиан. Вы бы назвали его религиозным фанатиком?

– Нет.

– Вы бы сказали, что его убийства были – я цитирую – «проповедью городу»?

Гарриман внутренне сжался, услышав, как его собственные слова кидают ему в лицо.

– Нет, не сказал бы.

– Озмиан. – Петовски разломал карандаш на две части и с отвращением швырнул в корзинку для мусора. – Вот и вся ваша версия.

– Мистер Петовски, я… – начал было Гарриман, но редактор поднял один палец, и репортер замолчал.

– Как выясняется, Озмиан не пытался отправить послание Нью-Йорку. Он не выделял как-то коррумпированных, развращенных людей для того, чтобы отправить предупреждение массам. Он не обращался к нашей разделенной нации, говоря людям, что девяносто девять процентов более не должны терпеть один процент. Ведь убийца и принадлежал к этому одному проценту! – Петовски фыркнул. – И теперь мы здесь, в «Пост», благодаря вам выглядим как последние идиоты.

– Но полиция тоже…

Петовски резким жестом снова заставил его замолчать. Потом продолжил:

– Хорошо, я слушаю. Даю вам шанс объяснить статьи, которые вы написали.

Он перестал раскачиваться, откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

Мысли Гарримана лихорадочно метались, но на ум ничего не приходило. Он уже многократно обдумывал это, услышав новость в первый раз. Но на него в последнее время обрушилось столько потрясений – арест, оправдание и освобождение, осознание, что версия Головореза ошибочна, – и теперь его мозг отказывался работать.

– У меня нет никаких оправданий, мистер Петовски, – сказал он наконец. – Эта версия родилась у меня, потому что она вроде бы соответствовала фактам, и даже полиция приняла ее. Но я ошибся.

– Ваша версия вызвала немыслимые беспорядки в Центральном парке, в которых копы тоже обвиняют нас.

Гарриман повесил голову.

Снова молчание. Петовски издал глубокий вздох.

– Что ж, по крайней мере, вы дали честный ответ, – сказал он и резко поменял позу, выпрямившись и расправив плечи. – Ладно, Гарриман. Вот что вы сделаете. Вы заставите поработать ваш мозг, наделенный таким богатым воображением, и переделаете вашу версию так, чтобы она охватывала и Озмиана, и то, что он совершал.

– Не уверен, что понял вас.

– Это называется разворот. Вы должны обмять, раскатать, размесить факты. Переориентируйте вашу исходную версию в другом направлении, поразмышляйте над некоторыми мотивами Озмиана, о которых умолчали копы на сегодняшней пресс-конференции, добавьте что-нибудь о беспорядках в Центральном парке, слепите все это в единый репортаж, чтобы было понятно, что мы все время держали палец на пульсе. Договорились? А Озмиан является воплощением алчности, неравенства, эгоизма и презрения, которые класс миллиардеров испытывает к рабочему люду города, как мы всегда и писали. Вот это и есть разворот. Поняли?

– Понял, – сказал Гарриман.

Он начал поворачиваться к двери, но Петовски еще не закончил.

– Да, и еще одно, Гарриман.

Репортер замер:

– Да, мистер Петовски?

– Увеличение жалованья на сотню долларов в неделю, о котором я говорил. Я его отменяю. С обратной силой.

Пока Гарриман шел по большому помещению отдела новостей, ни одна голова не поднялась, чтобы встретиться с ним взглядом. Все усердно работали, сутулились над ноутбуками или экранами компьютеров. Но, когда он подошел к дверям, чей-то мелодичный голос нараспев произнес:

– Эй, вы, один процент, меняйте привычки, пока не поздно…

66

Д'Агоста безмолвно шел за Пендергастом по квартире Антона Озмиана в Тайм-Уорнер-центре. Как и огромный офис в Нижнем Манхэттене, эта бескрайняя квартира на восемь спален располагалась практически среди облаков. Только вместо гавани Нью-Йорка из окон открывался вид на игрушечные деревья, лужайки и петляющие тропинки Центрального парка. По-видимому, этот человек презирал банальности жизни на уровне моря.

Бригада криминалистов давно приехала и уехала (свидетельств убийства Грейс Озмиан почти не обнаружилось, документировать было нечего), и в квартире оставалась небольшая группа технарей – они щелкали там и тут фотоаппаратами, делали записи, переговаривались шепотом. Пендергаст с ними не разговаривал. Он приехал со свернутыми в длинный рулон архитектурными синьками под мышкой и с маленьким электронным устройством – лазерным измерителем. Синьки он разложил на черном гранитном столе в просторной жилой комнате – функциональный стиль квартиры напоминал стиль офисов в «ДиджиФлад» – и принялся внимательно изучать их, время от времени поднимая голову, чтобы оглядеть пространство вокруг. В какой-то момент он поднялся и измерил комнату лазерным прибором, прошел в соседние комнаты, сделал замеры и там, вернулся.

– Любопытно, – сказал он наконец.

– Что именно? – спросил д'Агоста.

Но Пендергаст отвернулся от стола и подошел к длинной стене, вдоль которой стояли полированные книжные шкафы красного дерева, а перед ними – предметы искусства на постаментах. Он медленно прошел вдоль шкафов, потом сделал шаг назад, как дилетант, разглядывающий картину в музее. Д'Агоста смотрел, недоумевая.

Два дня назад, когда Пендергаст отключил таймер за считаные минуты до того, как лейтенант должен был взлететь к небесам, д'Агоста испытал главным образом огромное облегчение, поняв, что его смерть все же не будет такой унизительной и позорной. После у него было немало времени для размышлений, и его чувства стали более сложными.

– Послушайте, Пендергаст… – начал было он.

– Одну минутку, Винсент.

Пендергаст поднял маленький римский бюст с постамента, затем поставил его на место. Он прошел дальше вдоль ряда шкафов, нажимая там, щупая здесь. Через несколько секунд он остановился. Одна из книг привлекла его особенное внимание. Он вытащил ее из шкафа, заглянул в образовавшуюся пустоту, потом сунул туда руку, пошевелил ею туда-сюда и вроде бы нажал на что-то. Раздался громкий щелчок замка, и вся книжная секция, отделившись от стены, поехала вперед.

– Не напоминает ли это хорошо известную нам обоим библиотеку, Винсент? – пробормотал Пендергаст, отодвигая секцию в сторону на хорошо смазанных петлях.

– Это что еще за чертовщина?

– Некоторые расхождения в чертежах квартиры Озмиана навели меня на мысль, что тут может иметься скрытое пространство. Мои измерения подтвердили мои догадки. А эта книга, – он поднял в руке потрепанный экземпляр «Людоедов из Цаво» Джона Паттерсона, – показалась мне слишком уж уместной, чтобы не обратить на нее внимание[33]. Что же касается моей находки, то вам не кажется, что у этого пазла все еще отсутствует большая часть?

– Мм, вообще-то, нет, не кажется.

– Не кажется? А как насчет голов?

– Полиция считает… – Д’Агоста вдруг замолчал. – Господи Исусе. Неужели они здесь?

– О да, здесь.

Пендергаст вытащил из кармана фонарик, включил его и шагнул в темноту, открывшуюся за отодвинутой секцией. Д’Агоста, преодолевая страх, двинулся следом.

В глубине небольшого алькова они увидели дверь красного дерева. Когда Пендергаст открыл ее, их глазам предстала крохотная, шириной около шести и длиной около пятнадцати футов, комнатка необычной формы, обитая панелями и устланная персидской ковровой дорожкой. Пендергаст лучом фонарика обшарил комнату, и взгляд д’Агосты мгновенно привлекло дикое зрелище: в стену с правой стороны был вделан ряд полочек, и на каждой из них стояла человеческая голова в прекрасной сохранности, с горящими стеклянными глазами, с кожей свежего естественного цвета, аккуратно расчесанными и уложенными волосами. Лица, в их странной неподвижности совершенства, были словно вылеплены из воска, но самым ужасным показалось лейтенанту

то, что на каждом лице застыла слабая улыбка. В воздухе стоял запах формалина.

Под каждой полочкой в стене располагалась небольшая медная табличка с именем. С отвращением, но и с невольным любопытством д’Агоста пошел за агентом ФБР по навевающему ужас коридору. «ГРЕЙС ОЗМИАН» – значилось на табличке под первой головой. Блондинка с осветленными волосами и удивительно красивым лицом, накрашенные красной помадой губы, зеленые глаза. «МАРК КАНТУЧЧИ» – гласила табличка под второй головой. Человек в возрасте, седеющий и, судя по лицу, грузный, с карими глазами и странной иронической улыбкой. Процессия голов вела к дальней стене потайной комнаты, и вскоре они оказались перед пустой полочкой. Однако медная табличка уже была на месте внизу. «АЛОИЗИЙ ПЕНДЕРГАСТ» – гласила надпись. У самой стены стояло кожаное «ушастое» кресло и маленький пристенный столик с хрустальным графином и стаканом для бренди. Рядом со столиком – лампа от «Тиффани». Пендергаст протянул руку и дернул за шнур. Мягкий свет мгновенно хлынул в комнату, шесть голов начали отбрасывать дьявольские тени на потолок.

– Комната трофеев Озмиана, – пробормотал Пендергаст, засовывая фонарик в карман.

Д’Агоста проглотил слюну:

– Сумасшедший ублюдок.

Он не мог оторвать глаз от пустой полочки в конце ряда, той, что предназначалась Пендергасту.

– Сумасшедший – да, но человек с выдающимися криминальными способностями взламывать системы безопасности, оставаться невидимым, исчезать, почти не оставляя следов. Возьмите, к примеру, дорогую силиконовую маску, которую он, вероятно, использовал, выдавая себя за Роланда Макмерфи. Соедините эти способности с удивительным интеллектом, полным отсутствием сострадания и эмпатии, чрезмерной амбициозностью – и вот перед вами психопат высшей степени.

– Я одного не понимаю, – сказал д’Агоста. – Как он проник в дом Кантуччи? Ведь этот дом был настоящей крепостью, и тот специалист по безопасности, Марвин, да и другие говорили, что обойти все оповещатели и контрмеры невозможно.

– Ну, это не так уж трудно для компьютерного гения вроде Озмиана, с целой конюшней высококлассных хакеров, которых только пальцем помани, – некоторых из них Озмиан шантажировал, зная об их прошлых хакерских преступлениях, – в одной из самых изощренных и

влиятельных интернет-компаний в мире с доступом ко всем новейшим цифровым инструментам. Вы посмотрите, что он и его люди сделали, чтобы подставить этого репортера – Гарримана. Дьявольская работа. Имея такой мозговой трест, проникнуть в резиденцию Кантуччи не составляло особого труда.

– Да, логично.

Пендергаст повернулся к выходу.

– Кстати, Пендергаст…

Агент посмотрел на него:

– Да, Винсент?

– Думаю, я должен извиниться перед вами.

Пендергаст вопросительно вскинул брови.

– Я был глуп, мне отчаянно требовались ответы, до моей задницы добирались все, начиная от мэра и дальше вниз… Я попался на крючок версии этого репортера, как утопленник. А потом огрызался, когда вы пытались сказать мне, что эта версия дутая…

Пендергаст поднял руку, останавливая его:

– Мой дорогой Винсент… История Гарримана формально соответствовала всем фактам, сама по себе она была привлекательной, и на нее попались не только вы. Урок для всех нас: вещи не всегда то, чем кажутся.

– Это точно. – Д’Агоста посмотрел на жуткий ряд трофеев. – Я бы и за миллион лет не догадался.

– Именно поэтому отдел поведенческого анализа Бюро и не смог составить портрет человека. Потому что, с точки зрения психологии, он не был серийным убийцей. Он определенно был sui generis.

– Что за генерал Су? Вы о ком?

– Это древнее латинское изречение. Означает «единственный в своем роде».

– Я должен выйти отсюда.

Пендергаст посмотрел на пустую полочку со своим именем.

– «Sic transit gloria mundi»[34], – пробормотал он снова на латыни, развернулся и быстро вышел из маленькой комнатки.

Они вернулись в огромную жилую комнату квартиры Озмиана с ее панорамными видами из окна. Д’Агоста подошел к окну, глубоко вздохнул:

– Есть такие вещи, которые я бы предпочел не видеть.

– Быть свидетелем зла – значит быть человеком.

Пендергаст встал рядом с ним у окна, и несколько мгновений они молча смотрели на зимний Нью-Йорк, накрытый бледно-желтой дымкой умирающего дня.

– Как ни странно, этот осел Гарриман оказался прав в том смысле, что городом правит один процент, – сказал д’Агоста. – А еще забавно, что убийца, как выяснилось, сам принадлежит к одному проценту. Еще один сверхбогатый, заносчивый ублюдок, получающий удовольствия за счет других. Вы посмотрите на этот город! Меня от него тошнит: самоуверенные говнюки в пентхаусах, разъезжающие по городу в своих стофутовых лимузинах, с их шоферами, дворецкими… – Его голос вдруг стих, а лицо зарделось. – Извините. Я вас не имел в виду.

Он не помнил ни одного случая прежде, когда бы Пендергаст смеялся.

– Винсент, если перефразировать слова одного мудреца, дело ведь не в содержимом вашего счета в банке, а в содержимом вашей души. Разделение мира на богатых и всех остальных – ложная дихотомия, которая к тому же скрывает реальную проблему: в мире много плохих людей как среди богатых, так и среди бедных. Вот реальное разделение – оно между теми, кто старается делать добро, и теми, кто старается только ради себя. Деньги, конечно, увеличивают то зло, которое могут принести богатые; деньги позволяют им выставлять напоказ во всей красе свою вульгарность и преступления.

– Так в чем же ответ?

– Перефразируя слова другого мудреца, «богатые всегда будут с нами». Ответа нет, разве что сделать так, чтобы нам, богатым, не позволялось использовать наши деньги как инструмент подавления и подрыва демократии.

Эти нехарактерные для агента философские размышления удивили д’Агосту.

– Да, но Нью-Йорк меняется. Жить на Манхэттене могут позволить себе не только богатые. То же происходит с Бруклином и Куинсом. Куда захочет меня переселить рабочий люд через десять, двадцать лет?

– Всегда есть Нью-Джерси.

Д’Агоста поперхнулся:

– Вы шутите, да?

– Боюсь, что здешняя комната ужасов спровоцировала меня на неуместную легкомысленность.

Д’Агоста сразу же понял. Это напоминало тех патологоанатомов, которые, вскрыв желудок жертве убийства, принимаются отпускать шутки о спагетти и фрикадельках. Ужас того, что они с Пендергастом только что видели, требует выхода, пусть и посредством неуместного юмора.

– Возвращаясь к делу, – поспешил сказать Пендергаст. – Должен вам признаться, что я лично чувствую огорчение и даже смирение.

– Это почему?

– Озмиан совершенно меня одурачил. До того момента, когда он подсунул нам Хайтауэра в качестве подозреваемого, у меня и в мыслях не было, что один из возможных подозреваемых и есть Озмиан. Это будет долго, очень долго не давать мне покоя.

Эпилог

Два месяца спустя

Заходящее солнце позолотило склоны Внешних Гималаев Индии, отбрасывавших длинные тени на предгорья и каменистые долины. У основания горного хребта Дхауладхар в штате Химачал-Прадеш, милях в пятидесяти к северу от Дхарамсалы, стояла тишина, если не считать доносящихся издалека звуков тибетского лонгхорна, созывающего монахов на обед.

От кедрового леса поднималась дорожка, она петляла на скалах устрашающей крутизны, начиная долгий подъем к вершине Хануман-джи-Ка-Тиба, или Белой горы, высотой 18 500 футов, самого высокого пика хребта. Мили через две от дорожки отходила едва заметная тропа и, сворачивая в сторону от пика, прижималась к стене скалы, на которой она совершала несколько узких головокружительных витков, пока наконец не достигала вершины. Здесь несколько сотен лет стоял большой монастырь, построенный на голых скалах и практически невидимый на склоне горы. Время и стихии почти полностью выветрили высеченные в камне украшения на отлогих парапетах и крышах с башенками.

Высоко на склоне, в маленьком монастырском дворе, окруженном с трех сторон колоннадой, с которой открывался вид на долину внизу, сидела Констанс Грин. Она сидела неподвижно, глядя на четырехлетнего мальчика, играющего у ее ног. Мальчик выкладывал бусины четок рисунком выдающейся сложности для ребенка его возраста.

Лонгхорн прохрипел во второй раз, и в темном проеме двери появилась фигура: человек лет шестидесяти с небольшим, облаченный в ало-шафрановую мантию буддистского монаха. Он посмотрел на Констанс, улыбнулся и кивнул.

– Пора, – сказал человек на английском с тибетским выговором.

– Я знаю.

Она раскрыла объятия, мальчик поднялся, повернулся, обнял ее. Она поцеловала его в голову, в одну щеку, в другую, потом отпустила и позволила монаху по имени Цзеринг взять мальчика за руку и увести через двор в крепость монастыря.

Прислонившись к колонне, Констанс обвела взглядом величественный горный пейзаж. Снизу до нее доносился шум: голоса, ржание лошадей. В монастырь явно заявился гость. Констанс не обращала на это внимания. Она равнодушно смотрела на лес далеко внизу, на высоченные склоны Белой горы, устремившей вершину к небесам. Запах сандалового дерева мешался со знакомыми звуками песнопения. Все чаще в последние дни Констанс испытывала смутное ощущение неудовлетворенности, нереализованности, потребности в действии. Это беспокойство озадачивало ее: она жила рядом с сыном в прекрасном и тихом месте, в убежище для медитаций и созерцания. Чего еще ей желать? Но ее беспокойство только росло.

– Нашли на меня все несчастья. – Она забормотала себе под нос слова древней буддистской молитвы. – Только шествуя путем, смогу я преобразовать негативное в позитивное.

Голоса зазвучали в темном проходе позади нее, и она повернулась в ту сторону. Мгновение спустя во дворе появился высокий человек в запыленной старомодной дорожной одежде.

Констанс, удивленная, вскочила на ноги:

– Алоизий!

– Констанс, – сказал он и быстро пошел к ней, но так же неожиданно остановился – судя по всему, неуверенный в себе.

После некоторого замешательства он показал на каменный парапет, приглашая Констанс сесть. Они сели бок о бок, и она вперилась в него взглядом, настолько удивленная его внезапным и неожиданным появлением, что на время лишилась дара речи.

– Как ты? – спросил он.

– Хорошо, спасибо.

– А твой сын?

Констанс просияла:

– Он быстро учится, он такой счастливый, так полон мягкости и сострадания, такой красивый мальчик. Он идет гулять и кормит диких животных и птиц, а они спускаются ему навстречу, совсем его не боятся. Монахи говорят – он оправдывает все их ожидания, и даже более того.

Неловкое молчание повисло над ними. Пендергаст казался неуверенным, что было так несвойственно для него. Внезапно он заговорил:

– Констанс, нет какого-то легкого или красивого способа облечь в слова то, что я хочу тебе сказать. Поэтому я буду говорить самыми простыми словами. Ты должна вернуться ко мне.

Эти слова стали для нее еще большей неожиданностью, чем его появление. Констанс продолжала молчать.

– Ты должна вернуться домой.

– Но мой сын…

– Его место здесь, с монахами. Он ринпоче. Ты только что сказала, что он чудесно выполняет эту роль. Но ты не монахиня. Твое место в мире – в Нью-Йорке. Ты должна вернуться.

Она глубоко вздохнула:

– Это не так просто.

– Я знаю.

– Тут есть и другая проблема… – Она замолчала, не находя нужных слов. – Как именно мы будем… что это значит для нас.

Он неожиданно взял ее руку в свои:

– Не знаю.

– Но откуда вдруг это твое решение? Что случилось?

– Я избавлю тебя от подробностей, – сказал он. – Но не так давно был вечер, когда я знал с полной в этом уверенностью, что умру. Я *знал*, Констанс. И в этот момент, в этой крайней крайности мне вдруг пришла в голову ты. Позднее, когда кризис миновал и я понял, что все-таки останусь жить, у меня было время подумать над тем мгновением. И вот тогда я понял, что, если говорить совсем просто, жизнь без тебя не стоит того, чтобы ее проживать. Мне нужно, чтобы ты была со мной. В каком

именно качестве – подопечная, друг или… не знаю… это еще нужно решить. Я… я прошу тебя проявить терпение. Но независимо ни от чего, один факт остается фактом. Я не могу жить без тебя.

Пока он говорил, Констанс внимательно вглядывалась в его лицо. В нем чувствовалась напряженность, его сверкающие серебристо-ледяные глаза выражали нечто такое, чего она никогда не видела в них прежде.

Он сильнее сжал ее руку:

– Пожалуйста, вернись домой.

Констанс молчала целую вечность, глядя ему в глаза. А потом – почти незаметно – кивнула.

Примечания

1

Название сети супермаркетов.

2

Статья с таким названием (*англ.* «Headless Body in Topless Bar») была опубликована на первой странице газеты «Пост» в апреле 1983 года.

3

Программа «Глобальный въезд» предусматривает облегченную процедуру таможенного и пограничного контроля при въезде в США.

4

Башня Свободы – небоскреб, построенный на месте разрушенных башен-близнецов; другое название этого здания – Всемирный торговый центр 1.

5

Уан-Полис-Плаза – здание, в котором находится штаб-квартира департамента полиции Нью-Йорка.

6

Имя Грейс (Grace) в переводе с английского означает в том числе «милосердие», «благодать».

7

«Арнольд Палмер» – освежающий напиток, охлажденный чай с лимонадом, названный в честь своего создателя, американского игрока в гольф.

8

«Дакота» – фешенебельный жилой дом на Манхэттене, на пересечении 72-й улицы и Сентрал-Парк-Уэст. С 1976 года национальный исторический памятник США.

9

Мидзусаси – сосуд для свежей воды, которая используется во время чайной церемонии.

10

По-английски дамба – pier.

11

Лайнбекер – защитник в американском футболе.

12

Соответствует размеру 47 по европейской системе.

13

Образ действия *(лат.)*.

14

Бельвью – название больничного центра в Нью-Йорке.

15

Чоат – частная привилегированная школа, готовящая к поступлению в университет; *Дартмут* – Дартмутский колледж, входящий в элитную Лигу плюща.

16

Готэм-Сити – вымышленный город, в котором происходит действие историй о Бэтмене, мрачный мегаполис с ярко выраженными пороками. Его прототипами являются Нью-Йорк и Чикаго.

17

Химиотрассы, или химтрейлы, – конспирологическая теория, согласно которой «оккупационное правительство» тайно распыляет из пассажирских самолетов «химикаты» на головы граждан.

18

Проект «МК Ультра» – кодовое название секретной программы ЦРУ, имевшей целью поиск и изучение средств манипулирования сознанием.

19

Из стихотворения Т. С. Элиота «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока».

20

Территория трех штатов – неформальный термин, обозначающий некоторые регионы, связанные с конкретным городом или мегаполисом, который вместе с пригородами расположен в трех штатах. В данном случае имеется в виду городской район Нью-Йорка, который охватывает части штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут.

21

Смертная казнь *(англ.)*.

22

Костер тщеславия – костер, сложенный из конфискованных у граждан Флоренции предметов роскоши по указанию религиозного реформатора Джироламо Савонаролы.

23

Салат нисуаз из Кап-Ферра *(фр.)*.

24

Улитки по-бургундски *(фр.)*.

25

Голубь с овощами-гриль по-провансальски *(фр.)*.

26

Спокойствие *(фр.)*.

27

В английском языке слова «разведка» и «интеллект, умственные способности» обозначаются одним словом – «intelligence».

28

«Самая опасная игра» («The Most Dangerous Game») – рассказ американского писателя Ричарда Коннела. Название рассказа переводится также как «Самая опасная дичь».

29

«Управление гневом» – кинокомедия режиссера Питера Сигала (2003). В главных ролях Адам Сэндлер и Джек Николсон.

30

Имеется в виду рассказ Эдгара По «Падение дома Ашеров».

31

«Мир в долине» («Peace in the Valley») – песня, написанная в 1933 году Томасом Э. Дорси в жанре госпел.

32

Сунь-цзы – китайский стратег и мыслитель, живший в VI веке до н. э. Автор знаменитого трактата о военной стратегии «Искусство войны».

33

Людоеды из Цаво – два льва-людоеда, обитавшие в районе реки Цаво (современная Кения) в 1898 году, во время строительства Угандийской железной дороги. Строительством руководил некто Джон Генри Паттерсон, который убил львов-людоедов (на их счету несколько десятков человеческих жизней), а впоследствии написал книгу об этом.

34

Так проходит земная слава *(лат.)*.